

ОООП «Литературный фонд России»
Ростовское региональное отделение
Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Литературно-художественный альманах
Юга России

«ДОН и КУБАНЬ»

№1 (16) апрель 2013 г

Главный редактор Г. В. Студеникина

Редакционная коллегия:

А. Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В. А. Воронов, Ростов-на-Дону
Н. И. Дорошенко, Москва
Н. А. Зиновьев, Кореновск Краснодарского края
И. Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В. И. Лихоносов, Краснодар
С. Н. Макарова, Краснодар
А. Н. Можаяев, Можаяевка Ростовской области
Н. В. Переяслов, Москва
Н. М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б. М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края
Г. Н. Ужegov, Тихорецк Краснодарского края

Адреса обязательной рассылки альманаха: Литературный Фонд России
Союз писателей России
Союз российских писателей
Ростовское региональное отделение ЛФР
Ростовское региональное отделение СПР
Ростовское региональное отделение СРП
Краснодарское региональное отделение СПР
Краснодарское региональное отделение СРП
Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Краснодарского края
Донская публичная библиотека
Кубанская публичная библиотека
Районные и городские библиотеки Ростовской области и Краснодарского края

Содержание:

Проза

<i>Владимир Мостипан. Курган. Рассказ.</i>	3
<i>Владимир Барвенко. Дыхание Голгофы. Роман. Продолжение.</i>	18
<i>Константин Полупанов. Не бывает... Повесть.</i>	144

Поэзия

<i>Николай Бусленко. Vivat, Ростов! Венок сонетов.</i>	13
<i>Роза Агоева. Верны привычке детства. Переводы.</i>	139
<i>Владимир Диклов. В колыбели лунной.</i>	160

РОДНИК

Победитель номера. Вячеслав Зименко. Прозрение. Рассказ. 88

Страницы прозы

<i>Ксения Баштовая. Аленький цветочек счастья. Рассказ.</i>	96
<i>Артур Сааков. Притча про Божий Дар.</i>	102
<i>Тамара Привалова. Сначала были слова. Рассказ.</i>	110
<i>Никита Колесников. Страшно смешная история.</i>	122
<i>Павел Бойчевский. Новая власть. Рассказ.</i>	131

Поэтические строки

<i>Вячеслав Дутов. Всё вокруг – поэзия. Стихи.</i>	90
<i>Татьяна Мажорина. Вдруг да сбудется?.. Стихи.</i>	93
<i>Ольга Ткачёва. Ковыль. Стихи.</i>	95
<i>Валерий Калина. Отказавшийся от крыл. Стихи.</i>	99
<i>Денис Александров. «В непонятках». Стихи.</i>	106
<i>Наташа Корбут. Весьма любезно. Стихи.</i>	108
<i>Алексей Помазков. По нашему закону. Стихи.</i>	116
<i>Татьяна Рябинская. Продев изумрудную нить... Стихи.</i>	119
<i>Александр Шепшелевич. Сквозь карнавал... Стихи.</i>	124
<i>Игорь Антонов. Светло и вдохновенно. Стихи.</i>	129

ББК 99(2Рос-Рус)76

A-113

ISBN 978-5-87612-011-1

Альманах «Дон и Кубань» № 1 (16) апрель 2013 г.

Издатель: Ростовское РО ОООП «Литературный фонд России»

ООО «Издательство «Донской писатель»

Над выпуском работали:

Редакторы Атланова Н. С., Малов П.Г., Сазонова И.А. Студеникина Г.В.

Художник Коновалова Н.Я.

Директор издательства Береговой А.Г.

Тираж 900 экз.

т.ф. 8-918-599-67-51; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59

e-mail: donpisatel@yandex.ru

Внимание авторов: РРО СПР совместно с МК РО объявлен областной литературный конкурс, посвященный 90-летию Ростовской писательской организации. Конкурс будет проводиться в 4-х номинациях: проза, поэзия, публицистика и детская литература. Работы принимаются до 15.08.13 только в электронном виде на адрес электронной почты: <donpisatel@yandex.ru>. Подведение итогов – 5.10.13.

Альманах

«Дон и Кубань».

Альманах распространяется на территориях России и стран СНГ бесплатно.

Содержание альманаха не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы.

За точность имён, фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Все произведения в альманахе публикуются пока на безгонорарной основе. Авторам предоставляются бесплатно по 2 номера альманаха (с их публикациями).

В связи с началом выпуска с января 2013 года журнала «ДОН_новый» с 1 ноября 2012 года редакцией журнала начат приём рукописей литературных произведений писателей и литераторов. Работы должны присылаться только в электронном виде и только по электронной почте на адрес ДП.

Владимир Мостипан
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Курган

Рассказ

Упаси Боже было покласть металлическую трубу на ложе водопропускного сооружения. В стране велась борьба за экономию каждого грамма металла. Борьба не шуточная. За нецелевое использование металла можно было схлопотать срок. Да и не выпускала налаживающаяся после войны тяжёлая индустрия труб сколь-нибудь большого диаметра. Поэтому, водопропуски сооружались донельзя простым способом. Сбивалось несколько дощатых треугольников, ставились на «попа». К ним прибивались толстые доски. Получалась треугольная труба. Уложив трубу на основание, её обкладывали, если была возможность, булыжником или камнем ракушечником. Всё это засыпалось землёй. Такое несложное сооружение выдерживало даже проезд гружёных автомобилей...

Зимы начала пятидесятых годов были суровыми. Морозные и многоснежные. Тем не менее, они давали возможность жителям сравнительно тёплой Кубани наблюдать мартовские таяния снегов, появление ручейков и ручьёв, лужиц и луж и даже, когда снег интенсивно таял, половодий. Как правило, это — в низинах и балках. Прimitивные водопропускные сооружения не успевали пропускать столько воды. Вода сама пробивала себе русла уже над ними. Её стремнины быстро промывали промоины, представляя собой порой непреодолимые препятствия. Зато напористая стихия очень уж завораживала сельскую пацанву. Чтобы перейти промоину в таких случаях, надо было или перепрыгивать её, или окунаться в обувках в воду. Прыгали, конечно! Да ещё как! По несколько раз. На спор. В любом случае, как тут было не зачерпнуть в ботинки воды. Домой приходили с промокшими ногами. Мама причитала, жалея своих чад, не догадываясь об их проделках.

...Конюшня располагалась в конце хутора, чуть западнее балки. Путь к цели нашего путешествия пролегал вдоль неё на юго-восток. Обуреваемые гордостью — как-никак, каждому дали по лошадке! — взгромоздившись на них, без сёдел, конечно, начали свой долгий поход. До того далеко не все ездили на лошадях, но, когда спросили, кто не ездил, в ответ — дружное молчание. К моему великому удолетворению по этому поводу, я оказался из тех, кто ездил.

Было это в раннем детстве. Сразу после окончания войны. Это — когда началось послевоенное восстановление народного хозяйства. Оно было немислимо без обыкновенного глиняного кирпича. И производился он тогда, от и до, вручную. Разве что, замесы месились лошадьми. Схема была проста. Выкапывалась круглая, диаметром до шести метров, глубиной до метра яма. Внутри — круглый, до полутора метров, «целичок». Для погонщика лошади. В яму засыпалось дозированное количество глины, песка, других компонентов. Всё это поливалось. Месился раствор лошадьё, ходящей по кругу. В каникулярное время погонщиком лошади отец брал меня. Как-никак, дополнительный приработок к семейному бюджету. Забравшись на лошадь,

без седла, конечно, я, когда та уставала и самостоятельно останавливалась, приводил её в чувство хлыстом. Кружение по заданному кругу производилось не раз и не два, и не три, а часами, пока смесь не размешивалась до нужной консистенции. Кружилась ли голова? Да. Засыпал ли в этом монотонном кружении? Да. Сваливался ли с лошади? Да. Истирались ли до крови нижние части тела? Да. Зато, приобрёл какие-никакие навыки верховой езды... Затем смесь грузилась в ёмкости на санной основе, подвозилась к местам формовки кирпича, формовалась в деревянных станках до десяти-двенадцати штук кирпичин каждый.

...И вот теперь, когда обо мне вспомнили и выделили персональную лошадь, предстояло проехать на ней несколько десятков километров.

И, всё же, я скашивал свой взгляд на мосток. Воспоминания детского прошлого были ещё настолько свежи, что они теперь вставали перед глазами как бы весёлой и красочной картинкой...

Весёлой ли?! Моя большая семья — отец, мать, четыре брата и сестра — жили в нужде. Дело дошло до того, что в школу после наступления заморозков (а до того ходили босиком) для нас со старшим братом обувки не оказалось. Очень долго отец хлопотал перед школой, чтобы выделили ботинки. Тогда неимущим помощь такого рода — школами оказывалась. И вот блестящая, пахнущая краской и кожей, обувка оказалась в наших руках. Одна на двоих. Благо, смены были разные. Он — в первую. Я — во вторую. Каждый раз перед полуднем я выглядывал брата. Идёт ли. Бывало, задерживался. Так как, забывался в детских походных играх. Когда он появлялся, — быстрое переобувание, и в школу шёл я.

Вспомнились половодья и то, с каким азартом мы преодолевали промоину над мостком. Ботинки бы пожалеть. Да куда там! Прыгал туда-сюда, пока не черпал воду. А дома — *охи* и *ахи* матери, сочувствие отца, тоже преодолевавшего этот барьер. Это вдохновляло. Шутка ли: сочувствовал сам отец — обычно, жестокий по отношению к нам. В тот день очень уж мы заигрались, выпячивая себя друг перед дружкой в преодолении ручья. Заигрались так, что потеряли счёт времени. А когда спохватились, в нескольких сотнях метров увидели идущих с работы отцов. Во, где появилась прыть. Перепрыгнув ручей, «галопом» помчался к дому. Быстро разделся, заявив матери, что продрог, забрался на нары (деревянное сооружение, на котором спали мы все, кроме родителей, конечно). Мать, конечно же, пожалела и даже заботливо поправила одеяло. Явился отец. С порога: «Дэ, вин, бисова душа»? — «Хто «вин»? — осведомилась мать. «Володька, бачила б ты, як вин изнычтожав ботинки. Прыгав чырыз рывчак туды-сюды», — ответил отец. «Лыжыть, — сказала мать, — сказав, шо замэрз». — «Ладно. Я, ось, ему дам утром». Утром я лежал, как мышка, ожидая, когда отец уйдёт на работу.

Были и мрачные истории. Когда был в пятом классе, в хуторе разразилась эпидемия кори и брюшного тифа. Умерли уже несколько человек. Больше — дети. Схоронила дочку и ближайшая семья соседей. Через время именно к ним за чем-то послала меня мать. Когда вошёл в комнату, увидел плачущую мать семейства. Не вытирая обильно капающих слёз, она месила тесто. Обескураженный, я глянул в угол. В нём на кровати, скрестив маленькие ручонки на животике, лежала вторая умершая девочка. Может быть, здесь, а может — в другом месте, я заразился обеими болезнями. Почувствовал это в школе. Меня начало знобить, потом — сильно, потом — жжение по всему телу. Почти не помню, как добрался домой. Когда дошёл, и по просьбе матери поднял рубашонку, она ахнула. Всё моё тело было покрыто багровыми воспалёнными пятнами. Я ещё помнил, как уложили на край нар...

Я пришёл в себя. Первое, что бросилось мне в ноздри — это невероятно ароматный запах супа из кухни и, параллельно, запах квинтэссенции лекарств. Я посмотрел

вниз. На краешек своей кровати. Там согнувшись в невероятной позе, спала мать. На соседней кровати спал Аркадий — мой сосед по подворьям, у которого уже умерли две сестрёнки. Взглянул в окно. За ним было очень пасмурно. Дерево за окном было мокро от дождя. Обратил внимание на верхушку. Там сидел и каркал аспидно-чёрный грач. Услышав моё движение, проснулась мать. Мой первый вопрос: «Мам, где я?» Мать ничего не ответила и горько заплакала. Стала креститься, произнося: «Спасибо тебе, господа, шо нэ дав сыночку уйты на той свит». Я всё ещё недоуменно смотрел на мать. «Слава богу, слава богу, — шептала она, — очнувся». И лишь после всего этого ответила: «В безпамятстве ты був. Цилый місяц. Корь була у тэбэ и брюшний тиф, думалы, шо — всэ». Проснулся и Аркадий. Сказал: «Молодец, выдюжил. Теперь будем поправляться». Он также несколько недель был на грани жизни и смерти...

За мостком, до грунтовой дороги Каневская — Ленинградская, что в полукилометре, раскинулся целинный пустырь. Эдакое, «Гуляй-Поле». Летом оно зарастало всеми видами степных трав: курай, перекасти-поле, татарник, бодяк, коровьяк, полынь, маки и многое, многое другое. Но превалировало перекасти-поле. Его зелёными круглыми сферами покрывалась вся земля. На пустыре летом были воистину чащобы с зайчатами и лисёнками, ёжиками и хомяками, уймой зелёных и коричневых ящериц, степными гадюками... Не особенно в охотку здесь было разгуляться об эту пору. Но вот наступала осень. Шары курая и перекасти-поля серели. Как бы ждали своего часа. Задувшие осенние ветры срывали их с мест, и начиналось фантастическое их бегство. Из ведомо откуда, в неведомо куда. Было что-то магически-мистическое в летящих, постоянно подпрыгивающих шарах. Лесополосы, встречавшиеся по пути, задерживали часть этого бесовского движения. Но только часть: остальные «шары», перепрыгнув преграду, скакали и скакали вдаль, пока не скрывались из виду смотрящего.

Само русло балки являлось лужайкой, в которой лишь в мизерном виде произрастала береговая трава. Противоборство балки и степи раз и навсегда оставалось победой последней. В середине лета по её берегам владычествовал цикорий, со своим синим цветом. Его цвет был настолько наглядным и привлекательным, что каждый, переходя мостик, неизменно приостанавливался и любовался этим великолепием. Сам пустырь по весне был очень интересен. Всеохватывающая зелень начинала борьбу за своё существование. Как правило, это — майская пора. Пора массового вылета майского жука. Жука было так много, что зеленоватость пустыря, на время перебивалась светло-коричневым *жучиным* цветом. Как гонялись мы за майским жуком! Ловили, конечно, и просто сбивали, каждый показывая свою детскую удаль.

Именно в весеннюю пору на пустыре любили останавливаться цыгане, раскинув свои экзотические ковры. Дурачили нас, ох дурачили цыганские дети, обещая показать то обезьянку, то живого медвежонка, то ещё кое-кого. Не за так, конечно. За подношения. Правдами и неправдами мы добывали у родителей хлеб, сало, яйца, другие продукты. Подношения принимались, а заветных зверюшек нам так и не показывали, прося чего-нибудь ещё и ещё. А если и показывали, то тряпичных. После ухода табора, очень любили мы исследовать место, где стояли шатры. К нашему удивлению очень часто находили почему-то монеты, также — стёжки разноцветных материалов.

Представлял интерес пустырь и в осенне-зимнюю пору. Потому, что по нему ходили за два километра в школу и обратно. Ночами, когда было особенно темно, ходили группами. Дороги в такую пору представляли собой непролазное месиво чернозёма.

Любил я пустырь. Очень любил. — За сторожкость и настороженность этих мест: в любой момент из-под ног мог выскочить заяц или зазевавшаяся лисица. За то, что можно быть, как нигде, наедине с собой, а посему призадуматься, по-детски пофилософствовать. За его неброскую красоту, наконец, в любое время года.

...Лошади идут «стремно». В приподнятом настроении и мы. Наши души распирала собственная значимость. Узрели-таки нас в огромной стране, вспомнили!

Пустырь тянется до километра. Затем упирается в дорогу. Дорога грунтовая. Не ахти какая. Но она единственная артерия, соединяющая две станицы и не только. Это часть трассы от Краснодара через станицы Тимашевскую, Брюховецкую, Каневскую, далее Ленинградскую, Кущёвскую и — до самого Ростова. Это то, что, в общем-то, хоть сколь-нибудь делает столь глухоманный хутор цивилизованным. Дорога. О ней ранние детские воспоминания. Именно в её сторону я очень любил смотреть, забравшись на одну из призаборных акаций. Высота, куда забирался, казалась невероятной. С большущим интересом наблюдал, что там — на дороге и дальше. Хотя наблюдать было нечего. Лишь изредка проезжали допотопные машины, вроде, полторки или ЗИСа. Дальше дороги тоже был пустырь, простирающийся до самого горизонта. Именно в нём где-то терялась свиноферма с ветряком. Ветряк-то был виден. Как маяк, он обозначал то, во имя чего был возведён и чему добросовестно служил. То были пока запредельные для меня края, а потому интригующие, влекомые, немного пугающие.

В войну случай на дороге поверг весь хутор в шок. На её обочине отдыхал, ковыляющий, наверное, домой, солдат-фронтовик. На ту беду мимо проезжал немецкий патруль... Убили солдата просто так, забавы ради. Схоронили его там же. О жутком происшествии долго напоминал безымянный холмик. Потом он был стёрт степными ветрами и временем. Именно туда смотрел я, когда кончилась война, и мне по детской наивности казалось, что вот-вот из-за бурьянов шеренгой выйдут демобилизованные солдаты. Я настолько в это уверовал, что дальние бурьяны как будто колыхались от массы, идущих по ним людей. В балке, на обочине дороги была вырыта криница. Скорее, чтобы проезжавшие автомобили при необходимости заливали в радиаторы воду. Криница кем-то поддерживалась, чистилась, но глядеть в неё было боязно, из-за обилия утонувших сусликов, хомяков, мышей. Плавала там и масса лягушек. Тем не менее, вода в ней была «доброй», то есть не жёсткой. Селяне частенько брали из неё воду для стирки, предварительно выловив утопленников. Брали и для варки еды, но это — в осень и в раннюю весну, когда степная живность устраивалась на зимовки или ещё не просыпалась. Когда наши наступали, гоня немца на запад, в хутор вошло артиллерийское подразделение. Запретными для нас стали любимые места игрищ — сады и берег балки. Понаставили там орудий, ну и часового. Солдат расквартировали по хатам. Поселили одного и в нашу, несмотря на одну комнату и нас, мал мала меньше. Солдат попался тихий, покладистый. Однажды мать в свободное для него от службы время, послала его за водой к той кринице. Мать, наверное, вспомнив про отца, на которого уже было несколько похоронок и писем, что пропал без вести, решила сварить борщ с курицей и угостить солдатика. Он исполнил её поручение, принёс ведро воды, но, когда мать в него взглянула, — ахнула. В ведре плавала мышь. Солдат, конечно, смутился. Наверное, в мыслях он был далёк от этих мест, в местах родимых, и думал о войне, судьбе близких, своей не лёгкой солдатской доле. Воду выплеснули, а борщ пришлось варить из обычной колодезной воды. Солдат получил большую миску наваристого борща, да ещё с куриной ножкой. С каким бережением ел он, поддерживая ложку куском хлеба, чтобы, не дай бог, не пролилась ни одна капля! Столь вкусная еда для него была давно забытой роскошью. Остатки он бережно слил из миски в ложку и так же бережно съел.

Грунтовая дорога была памятна ещё и тем, что в летний период накатывалась до глянца и представляла для нас особую арену для наших детских баталий и игрищ.

Задорожный пустырь через несколько лет, после войны, распахали и стали засеивать злаковыми, люцерной или экспорцетом. Когда там росло что-либо хлебное, поле

становилось местом ночных налётов голодных селян для сбора, порой даже ещё не созревших, колосков. Колоски пригоршнями сошмаргивались в мешок, потом сушились, потом вручную молотились, потом зерно пропускалось через примитивные крупорушки и лишь потом, получалась крупа и немного муки. Когда поле убиралось, мы — детвора, собирали оставшиеся колоски, хотя и это запрещалось делать до особых указаний. Сторожили как неубранные, так и убранные поля так называемые «объездчики» — всадники на лошадях. Кто попадался, — мало не казалось, вплоть до семи лет тюрьмы. И всё же, главным было не это, а пастьба гусей. Это была более приятная сторона действия. А приходилось-то вставать, как говорится, «ни свет, ни заря», нахлобучивать на себя какую-нибудь одежонку и босиком по холодной росе гнать гусей на поле. Дойдя, немного приходили в себя, и начинались игры. Любимым занятием было строительство шалашей. Основу — бодылку, как правило, подсолнечную, прихватывали с собой. Сделав из неё нечто вроде направляющего конуса, обкладывали его соломой. Получалось неплохое укрытие. Постелив соломы, устраивали испытание сооружению. Частенько во время оно засыпали. А, проснувшись, уже под палящим солнцем, гусиных стай не обнаруживали. Птицы, гонимые жаждой после столь обильной еды, самостоятельно добирались домой. Когда возвращались мы, птицы, уже напившись воды, отдыхали, заложив головы под крылья.

Пустырь запомнился ещё и тем, что на нём водилось очень много, почти не пуганых, зайцев. Когда разрешалась охота, то начиналась она именно с этого пустыря. Канонада выстрелов подтверждала наличие зверьков, которые, дабы спастись, мчались в сторону хутора и проскакивали через подворья в огороды или застревали в заборах, если они были. Вот смеху-то было! А то и — поживы. Взять живьём зайца без единого выстрела, это ли не укор некоторым незадачливым охотникам.

...Балка, значимый атрибут хуторского пейзажа, тянется далеко. Пересекая дорогу под острым углом, сворачивала на юго-восток и терялась где-то далеко в степных просторах. А мы, всё ещё вдохновлённые собственной значимостью и доверием к нам со стороны руководства совхоза, пересекли лесополосу, перпендикулярно прилегающую к дороге.

Места тоже очень и очень знакомые. Хотя бы потому, что во время войны здесь тоже был залежный пустырь, да такой, что сюда вернулись даже царственные особы степного приволья — дрофы. Говорили, что и стрепеты тоже, но вот видеть их не приходилось. Дроф же видел издалека, когда мы вместе со взрослыми, шли на полевые работы. «Дрофы», — крикнул кто-то. Все повернули головы в сторону, куда он указывал рукой. Там, не спеша, вдоль пустыря летели довольно крупные птицы. До того я только слышал об этих некогда многочисленных обитателях этих мест. Теперь же видел воочию. Хоть и издалека. Птицы, чуть поднявшись, перелетели очередную лесополосу и скрылись из виду. Я же ещё долго находился под впечатлением увиденного чуда. Чуть южнее проезжаемого поля, примерно по его середине, — молочно-товарная ферма. Довоенная. Жердёво-саманно-глиняно-соломенно-камышитовая. Она только теперь стала приобретать сколь-нибудь современный вид. Перед глазами стоят первые, вновь возродившиеся корпуса коровников из камня ракушечника, дерева, шифера или черепицы. Новые коровники уже строились хоть и с минимальными, но всё же удобствами. Автопоение, жижекборники, возможность проехать трактору с прицепом, в котором были корма. Оттуда они вилами подавались прямо в кормушки. Труд оставался трудоёмким, но это не то, что носить от скирд вручную в охапках сено, солому, кукурузную бодылку, силос. Когда строились коровники, отец мой работал плотником. Для подработки брался ночами сторожить строительные материалы. После окончания рабочего дня и до позднего вечера сторожить вместо себя посылал меня. Изучив до тонкости стройку, где складированы строительные

материалы, я забирался на самый конёк крыши у фронтона и обозревал не только сам коровник, но и его окрестности. Поскольку рядом находились действующие коровники, попутно наблюдал за жизнью фермы. — Как нехотя доярки выходили из рядом построенных кирпичных домиков. Как исчезали в чревах коровников... Оттуда во время дойки раздавалось коровье мычание и разносился запах парного молока. Дойка затягивалась до позднего вечера. Я уже с нетерпением дожидался отца. А он не торопился. Дел по дому было невпроворот. Когда совсем темнело, он, подойдя, спрашивал: «Володька. Ты де?» — «Здесь я», — отвечал, всё ещё сидя на коньке, ибо побаивался спускаться в сгустившиеся сумерки. Отец принимал вахту. А я, спотыкаясь в ночи, шёл домой.

...Вот и о нас вспомнили. Лошадка шла шустро. Я, ещё не меняя позы, сидел посередине крупа.

Воспоминания... Не так их ещё и много, а всё же. Между тем, пересекли очередную лесополосу. Это была ещё не граничная, но уже за хутором. Побавались в неё ходить. Тем не менее, и ходили, и ездили. Вспомнилась картинка раннего детства. Мы, почему-то группой, предводительствуемые женщиной шли вдоль этой лесополосы... Примыкающее к лесополосе поле запомнилось, как райский уголок. Во-первых, это был чистейший пар по семипольной травопольной системе академика Вильямса. По ней, одно из семи полей перепаживалось и в течение года отдыхало. Во-вторых, лесополосы были «отрезаны» от земли дрожащими миражами. В-третьих, яркое солнце и чистейшее голубое небо. А уж птиц! Чего стоили одни жаворонки в невообразимой выси. Их радостно-мелодичный звон, казалось, заполнил всё эфирное пространство. На самом поле важно расхаживали грачи, вороны, сорокопуды, добывая себе съестное. В небе масса орлов, орланов, парящих на воздушных потоках... Куда шли? Зачем шли? По малолетству запомнил.

Подробнее с этой лесополосой познакомился, когда немного подрос и стал соображать что к чему. Травы было много в ней. А у нас в хозяйстве корова и много кроликов. Вооружившись небольшой косой и мешком, я ежедневно колесил по окрестным лесополосам в поисках травы. Частенько наведывался и сюда. Оказавшись вдали от хутора в лесополосах, интуитивно чувствовал небольшой страх. Я их не видел, но они присутствовали здесь, братья меньшие, и возможно как-то действовали на мою психику. А ещё — состояние отрешённости от всего суетного. Как бы оставался один на один сам с собою. Как бы со стороны высвечивалось собственное я. В такие моменты становилось жутковато и как-то не по себе.

Где-то с пятого класса нас вдоль этой лесополосы возили уже на автомобиле — на пшеничные поля, убирать сорняки. По вдольлесополосной дороге было две мини-балки. Когда автомобиль проезжал по ним, резко нырнув, а потом, вынырнув, нашему восторгу не было предела. Ведь на какой-то миг мы оказывались в состоянии невесомости. Сердце как будто замирало в подвешенном состоянии. Водитель, зная нашу детскую радость, подъезжая к этим выбоинам, нарочито прибавлял скорость. Эффект от такой езды был высшим наслаждением.

Далее, на поле справа, стояла деревянная вышка. Потом узнал, что это был обычный триангуляционный знак. Поставленный в тридцатые годы, когда в стране вёлся учёт земельных ресурсов. А тогда все были уверены, что это обычная пожарная вышка. Во всяком случае, сооружение было величественным и заманчиво-таинственным. Мало кому приходилось, подойдя к вышке вплотную, забраться на неё. И всё же, смельчаки находились, и забирались на самую верхнюю площадку. Во всяком случае, вышка была украшением однообразного равнинного степного пространства и стражем кубанских приволий в этой стороне.

Это поле запомнилось ещё и тем, что сюда всей школой приезжали вручную уби-

рать кукурузу. Сначала поле «разрезалось» просеками на квадраты с тем расчётом, чтобы убирающим было не так далеко ходить с наполненными початками мешками. Как таковая, кукуруза убиралась просто: початки выламывались и складывались в мешок, который висел через плечо. Когда мешок наполнялся, уборщик выходил на просеку и высыпал початки кукурузы в общую кучу. Занятие весьма тяжёлое и нудное. Не успевали рабочие совхоза, которым дел было невпроворот и без кукурузы, убирать созревшие, порой обильные, урожаи этой крупяной культуры. Потому и привлекали школьников и не только. Зато в благодарность руководство совхоза щедро кормило учеников обедами. На поле вывозились полевые кухни. Давалось первое — как правило, прекрасный борщ; второе — натуральные котлеты с гарниром, третье — арбузы. Они привозились отдельным грузовиком. Каждый брал себе арбуз по выбору, сколько мог осилить. После сытного обеда, уставших от труда, осоловевших от еды, нас развозили домой.

А ещё врезалось в память, как я в этих местах развозил воду на полевые станы. Вместо часто болевшего старшего брата. Так я познакомился с известным созданием, знаменитой кобылой по имени Чита. Знаменитой потому, что ввиду преклонного возраста кобыла управляла собой сама. Хотела идти, шла, не хотела, останавливалась и стояла столько, сколько её душеньке было угодно. Никакие понукания, крики и удары кнутом не помогали. В отместку, со всего маху она дрыгалась задними ногами. А постояв, вдруг начинала движение. Очень мне запомнились степные пейзажи. Как правило, была вторая половина лета. Погода клонилась к осени. В лесополосе уже желтели листики. Но не они привлекали моё внимание, а наличие янтарных, в виде урюка, жердёлин. Плодов было очень много, а ещё больше их осыпалось. Их бражный аромат кружил голову. Пока моя «повелительница» мерно шла, я успевал соскакивать со своей импровизированной «сидушки», набирать в карманы фруктов, догонять «экипаж» и, усевшись уже повыше, на вершину бочки, смаковать ароматное лакомство. Между делом внимательно наблюдал за окрестностями.

...Езда начинала давать о себе знать. Неумехи в верховой езде уже натёрли себе части тела, соприкасающиеся с крупом. Они двигали себя, то вправо, то влево, пытались ослабить нагрузку на тело. Давалось им это всё с большим трудом. Требовался отдых.

Ближайшая скирда как бы взывала к этому. Оставленные на зиму в поле соломенные скирды всегда навевали хорошие чувства. Это были «памятники» прошлогодней солнечной энергии, взрастившей хлеба, и после обмолота всё ещё оставаясь нужными как для людей, так и в бескормицу для скота. А каким укрытием они были для полевых мышей, ласок! Привлекали к себе, когда выпадал снег, как зайчиков, так и вослед за ними лис. Любили под ними отдыхать, работники полей, делающие что-то и в зимнюю пору, случайно забредшие сюда путники, охотники во время облав на зайца и лису. — Понежиться на солнышке, устлав землю мягкой подстилкой, выпить чарку водки по случаю удачно начавшейся охоты и просто отдохнуть. Как упоителен свежий воздух, настоящий на степном приволье и сдобренный соломенным запахом, каков обзор окрестностей! В голодные годы именно к скирдам ходили ночные охотники добывать зайца, попутно — мышкующую лису. Забравшись на верх скирды, устраивали там «засидки». Сиди себе и жди добычу, которая сама идёт тебе в руки. Хорошо, только, целься. Ночь всё-таки.

...Наше путешествие — ранней весной. Ещё знобко. Ещё — лёгкий туманец. Стерня влажная и в поблескивающей росе. У скирды спешились. Отпустив лошадок пощипать взошедшей прошлогодней пшенички, а потерь урожая было ой как много, мы буквально попадали на солому. Кто-то пил воду, кто-то ел, прихваченную с собой

еду. Некоторые просто отдыхали, закрыв от удовольствия глаза. Некоторые ребята начинали хандрить. Это те, кто никогда не садились на лошадь. Их подбодряли, как могли. Пока отдыхали, туман рассеялся. Выглянуло солнышко, сразу же оживив степной пейзаж. Я посмотрел в сторону нашего пути и возликовал. На горизонте показался как бы парящий светло-синий курган, во всей своей загадочной красе. Наконец, в этот день, мы к нему приблизимся и рассмотрим воочию, а не гадая о нём издалека.

Курганы... Они по всей степной Кубани. В южной части больше. В серединной меньше. Во владениях моего совхоза от некогда курганов остались более или менее заметные холмики. Распахали их. Постепенно, конечно. Сколько эмоций возникает у человека, когда он видит курган! — Какая-то мистическая тревога и душевная смута. Это ведь не природные всхолмия. Это, как показали древние и современные раскопки, места захоронений. По большей части, не простых смертных. Тогда, чьи?! В былинные времена, давно канувшие в лета, кого только не было на роскошных степных раздольях между Доном и Кубанью. Кто они? — Скифы? Сарматы? Гунны? Хазары? Печенеги?.. Всего лишь догадки и домыслы, что де, мол, — дикие и свирепые племена. Что жили лишь войнами и захватами чужих земель. Домыслы не выдерживают никакой критики. Вдумайтесь! Чтобы соорудить курган, а в ранние века они были ещё выше, воинам необходимо было пригоршнями засыпать покойников. По крайней мере, так показано в кинофильме «Дума про казака Голоту». Так сколько же надо было воинов, чтобы всего лишь пригоршнями сооружать искусственные горы?!.. Другой вопрос: сколько надо было иметь продуктов и где их было взять, чтобы прокормить такие армады. А вода? А жильё? А золотые украшения, найденные в гробницах, размерами и чеканкой поражающими современных мастеров?.. Золото. Его добыча и сейчас весьма трудоёмкий процесс. А тогда?! А создаётся впечатление, что оно валялось чуть ли не под ногами. Не парадокс ли?.. А выплавка? А литьё? А чеканка?.. Молчат курганы. Не выдают тайны своего происхождения. Они — немые свидетели быта и образа жизни неизвестных нам племён. Ясно лишь одно, что они отзвуки, метки давно отшумевших эпох...

Курган впервые увидел, когда в зиму поехал с отцом на арбе вдоль этой лесополосы, собирать ветки и прутья, оставшиеся после её прореживания. Нагрузив подводу доверху, возвращались обратно. Был вечер, плавно перешедший в ночь. Очень ярко светила луна. Путь не близкий, поэтому я, удобно устроившись на хворосте, любовался то луной, то зимними, далеко просматривающимся пейзажами. Тут-то мой взор и остановился на далеко маячащем кургане. Представлял он собой волшебное ультрамариновое, в ореоле, видение. Курган так приковал к себе мое внимание, что я то и дело посматривал в его сторону, пока он не исчез из виду за поворотом.

И тот летний день был не просто днём, а какой-то, данной свыше, благостью. Ведь и у лета, как и у человека, бывают взлёты и падения. Как бы разнополюсные пики. Это был июньский пик со знаком плюс. Поле, где мы скирдовали сено, возвышалось, как подиум, в ярчайшем солнечном свете, в крутизне зелени, окаймляющих лесополос, в душистой свежести скошенных валков трав. На поле, в основном, молодые женщины, по большей части вдовы и нас несколько подростков. Мы копнили сено, сворачивая валки и потом эту массу сена на вилах снося в копны. В перерывах, вместо того, чтобы отдыхать, женщины устраивали воистину игрища. Гонялись друг за дружкой, смешно боролись, кричали, смеялись, даже срывали одежды. Очевидно, расплёскивали ту энергию, которую должны были отдать невернувшимся с войны мужьям... И — снова за работу. Позади нас оставались ровные ряды копен, которые потом волокушами будут стянуты к кромке поля и заскирдованы. Я и разделял, и не разделял женское «хулиганство»; всё смотрел на маячащий от поля не в таком уже

далеке миражный курган. Был он темновато-сине-зелёный. Но как манящ! Благо, валки тянулись в его сторону, и наслаждаться зрелищем не представляло особого труда...

Был я близко к кургану, когда отец, не знаю почему, из прихуторских камышинных мест повёл нас к пограничной балке по тот самый камыш. Выше, что ли, он здесь был. Тоже было лето и тоже, всюю играли миражи. Дальние лесополосы парили, как бы оторванные от земли. У одной из лесополос располагался летник одной из молочно-товарных ферм. Маячил скот, отдыхающий после утренней пастьбы, маячили люди, обслуживающие этот «лагерь». А я, в общем-то, завидовал этим людям. Они ведь были на лоне природы, один на один с ней. Вскоре из виду исчезло и видение животноводческого лагеря, а мы всё шли, страшно изнывая от жажды. Не удосужился отец, бывший фронтовик, взять с собой воды. Да и еды тоже. Он обещал, что достигши цели, воды вволю напьемся из местных криниц. Если их не окажется, — из плесов. Увы, когда достигли цели, ни криниц, ни плесов не оказалось. С трудом нашли плёсик, наполненный лягушками, головастиками, простейшими, личинками, тиной и ряской. Разогнав обитателей, мы припали к живительной влаге и пили, пили, пили. Вкуснее этой воды, казалось, ничего не было на свете. А курган, казалось, был уже недалеко. За лесополосой. Через поле.

...Сколько ни сиди у приютившей нас скирды, а ехать ещё ой, ой. Потому нехотя поднялись, размялись и... в путь. Кое-кто залез на лошадь, а кое-кто, взяв под уздцы, продолжил путь пешком. Переехали последнюю, отсекавшую совхозные поля, лесополосу. Это уже было серьёзное удаление от мест родимых. Зато курган стал ближе и менее загадочен. Его вид постепенно приобретал охристую окраску. Левее кургана находилась, пока незнакомая, станица Крыловка. Сведения о ней были скудными. Очень уж она глухоманная. Знали, что она расположена вдоль реки Челбасы. Река очень рыбная и рачная. Совхозные парни на велосипедах часто ездили сюда за раками. Привозили мешками. Высыпали в приготовленные корыта. Сколько было восторга и радости у совхозной пацанвы при виде кишашей клешнеюгой братии!.. Затем раки варились. Ими угощали соседей.

В доме всё ещё висел бумажный конусообразный репродуктор. Мы ещё мало вникали в то, что говорилось по радио, а вот песни слушали с удовольствием. Потому не совсем понятна была брань молчаливого, в общем-то, отца в сторону репродуктора. Особенно, если упоминалось имя товарища Сталина. Отец, обременённый большой семьёй, по сути, единственный кормилец, не верил что что-то может улучшиться, о чём частенько вещалось из репродуктора. Поэтому, когда вспомнили, что есть такие, как я, его негодованию не было предела. «Сволочи, — вслух говорил он, — вспомнылы, колы пацана поставыв на ноги. Дэ вы булы раньше? Дэ? А тэпэр, бачитэ, понадобывся. Долг, обязанность! Якый долг!? Яка обязанность!?»

Мы оказались за горизонтом. За тем горизонтом, который манил меня столько лет.

Земля, как земля. Те же поля, те же лесополосы, те же балки, те же подъёмы и низины. Ехали молча, с интересом рассматривая сопредельное хозяйство. Курган становился всё ближе и ближе, превращаясь в обычный степной холм. За дальней балкой уже маячили строения населённого пункта, имя которому Крыловка. Очень глухоманный уголок. Не зря же слухи о нём доходили до селян моего хутора крайне редко.

Приблизились к кургану вплотную.

Он был очень высок. Весь покрыт прошлогодней пожухлой травой. На вершине триангуляционный знак. Около кургана остановились. Долго рассматривали. Гадали, кто же в его недрах находится. И всё же, «вулкан» создавал вокруг себя своеобразную ауру. Становилось как-то не по себе.

Чуть разочарованные видом кургана, двинулись к окраинам станицы. Рентген — наверное, чтобы мы не блуждали — организовали в крайней хате. Только здесь почему-то вспомнились слова отца. Да, мы повзрослели. Да, мы научились многое понимать, анализировать, воспринимать. Да, предстоящий рентген говорил о том, что мы уже попали в жёсткие руки государства, от которых никак не отвертеться. Да, вспомнились годы, прожитые до этого, когда о нас не только никто не вспоминал, но и делал вид, что нас вообще нет. Почему-то вспомнилось, как мать на Троицу сварила кашу из последней крупы, а потом сказала, чтобы до вечера прокорм добывали сами. Благо, — поднялись пастернак, щавель, трава, называемая нами «козельцы», жердѣльный сок, маленькие жердѣлилки, грушки, яблочки... Так же то, как мучительно долго отец выпрашивал в школе пару ботинок на двоих со старшим братом... И то, как мать шила, перекраивала, перешивала изношенные одѣжки... Как старуха, жена пчеловода (они жили в достатке) называла всё наше семейство не иначе, как «чѣртова голосречь». Были мы всего лишь Володьками, Ваньками, Витьками, Кольками, Тольками... Кому какое дело было до нас! И вот — вспомнили. Не теперь, чуть раньше, когда ставили в военкомате на учёт, как допризывников. И вот теперь — первое серьёзное освидетельствование.

И всё же, мы воспряли духом. Как же: мы оказались нужны государству, да ещё и с напоминанием о каком-то священном долге. Воспряли духом, потому что служба в армии считалась делом престижным. Как восхищались хуторяне прибывшими в отпуск или насовсем солдатами в ладной, подогнанной форме, с начищенными до блеска пуговицами и ременной бляхой, наваксенными сапогами! А грудь с многочисленными значками?... Что ни говори, а — первые парни на селе. Девушки, наперекор друг дружке, пытались уделить солдату внимание. На зависть, конечно, хуторским парубкам. Кто из допризывников «браковался» по здоровью, — считался изгоем из дамских сердец. Кому был нужен неслуживый?!..

Рентген, хоть и со страхом и трепетом, мы прошли. А потом — в обратный путь. Мы отдалялись и отдалялись и от так и не познанной станицы Крыловки, и от предмета моего искреннего интереса — кургана. Он темнел, потом синевел, потом голубел... потом опять возвратил себе неприступность, таинственность, загадочность — тайну своего происхождения.

Николай Бусленко

член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Vivat, Ростов!

Венок сонетов

1

О, сколько смысла
в сокровенном слове,
значенья – в осмыслении
основ...
Был в веке восемнадцатом
основан
наш город удивительный – Ростов.

Преодолев державных смут
нелепость,
Елизавета издаёт указ, –
воздвигнуть новую на юге
крепость
и тем открыть
ворота на Кавказ!..

Сверкает Дона тихое теченье...
На башнях всех – недремлющее
бденье.
Устав – на верность
воинский обет.

Врагам на страх,
Отечеству – на славу.
И, чтоб восславить русскую
державу,
*пусть расцветёт величьем
мой сонет.*

2

*Пусть расцветёт величьем
мой сонет,*
как расцветала
русская граница...

Ну так сподобься же,
моя десница,
создать Ростова
истинный портрет.

Истории страницы разверну...
Я начал с крепости рассказ,
а можно
начать
с провозглашения таможни,
обогащавшей царскую казну.

А можно... Я об этом не сказал,
что Доном
Пётр Великий проезжал,
и взор его манило это поле.

Событья... Помним их
наперечёт.
Как славен Дон! И так же
пусть течёт
сказание о городе Ростове.

3

Сказание о городе Ростове –
не сказка, а таинственная быль...
Вот здесь,
на месте улицы Садовой,
тысячелетия шумел ковыль.

Орёл, кружа,
осматривал долины,
ходили дроф непуганых стада.

Лишь Танаиса древние руины
немым укором виделись всегда.

Гоним веленьем
внутреннего зова,
промчится рысью турок
из Азова, –
блестит на шее турка амулет...

И было б так всегда,
но время строго.

... Когда же лик
Димитрия Святого
прольёт на нас
благословенный свет?

4

*Прольёт на нас
благословенный свет*
ростовского митрополита слово,
и тем уже, в названии Ростова,
дух разума священного воспет.

Ум – красоте
достойная оправа...
И Дух Святой хранил Ростов,
как щит.
Но миновал Ростов удела битв –
пришла к нему
совсем иная слава.

Ростов прилежно строил,
торговал
и год от года рос и расцветал...
Он в счастья был
сам себе ваятель.

А кто же счастье бы
не предпочёл?

А ведь и ты
в Ростов за ним пришёл,
*я знаю, брат,
ростовский обитатель.*

5

*Я знаю, брат,
ростовский обитатель,*
что здесь однажды был ты
обогрет...

Отныне ты
не праздный здесь мечтатель,
а ростовчанин, –
знать, его полпред!

Нашёл ты понимание и дружбу;

возможно, здесь
пришла к тебе любовь.
Ты ей служил,
и нет прекрасней службы! –
Сам в этом убеждался
вновь и вновь.

И – о любви:
О наших ростовчанках.
Они, действительно,
«не для молчанки», –
не будь же с ними
безнадёжно строг.

Но ты не жди от них
любви вечной
и знай, – бывает тягость
встреч сердечных,
как после утомительных дорог.

6

Как после утомительных дорог
к кувшину с влагой
путник припадает,
так пью и я невысказанный слог,
и жажду вдохновенья утоляю.

Услышишь, – воровством
наш город лих
(Я тридцать с лишним лет
живу в Ростове,
а обворован как-то был
в Тамбове)...
Опровергаю тот расхожий миф!

Характер ростовчанина удал...
Совсем не сразу я его узнал:
он – заодно –
прагматик и мечтатель.

Он юмор ценит пробой серебра.
...Вот кто признал,
из чувства лишь добра,
тебя,
судьбы настойчивый искатель!

7
Тебя,
судьбы настойчивый искатель,
она в Ростове, здесь как раз,
ждала;
была судьба дорогою,
как скатерть, –
в делах она тебя пережила...

К вершине девятнадцатого века
Ростов вступил
в высокие права...
И жизнь, от человека
к человеку,
по благодати лет его вела.

В нём богатели
грек и англичанин,
француз, голландец, немец и
датчанин...
да всем вольготно было,
видит Бог!

Их было много –
этих вот и тех...
Скажу я прямо вам,
что просто всех
Ростов пустил
на тёплый свой порог.

8
Ростов пустил
на тёплый свой порог

крестьянина, казака, колониста,
рабочих – всех, кто дело
делать мог,
и всяких
мастеров-специалистов.

Негоцианты – пахари морские...
На торжищах – разноязычье
слов.
Суда в порту бушприты
навострили...

Все флаги к нам пожалуйста –
в Ростов!
Не каждый знал
сложенье в три перста,
Но видя блеск соборного креста,
помолится –
на всякий добрый случай.

И кто бы здесь когда-нибудь
ни жил,
он миру, благоденствию
служил...

*Цвети же, град наш,
светлый и певучий!*

9
*Цвети же, град наш,
светлый и певучий!*
Питайся от корней своих живых.
Ты на таланты был всегда могучий, –
так полон тучный сад
плодов земных.

Рождённые твоим искусством
чувства
ласкают глаз и услаждают слух:
понятие «ростовское искусство»
равно понятию «высокий дух».

Имён, тобой рождённых, –
череда:
взошла в Ростове не одна звезда
в периоды безоблачья, безтучья.

Здесь речи русской
жалкой суетой
не истребить... Поэзией святой
звонит твой голос
в будущих созвучьях!

10

Звонит твой голос
в будущих созвучьях,
чтоб разбудить грядущую зарю.
Сегодня я,
из побуждений лучших,
с тобой, Ростов,
стихами говорю.

О, ростовчане,
граждане Ростова,
да вам бояться ль
тяжестей труда?!..
Давайте нашу жизнь
построим снова –
теперь уж для себя и навсегда.

...И всё ж, Ростов,
чтобы тебя восславить,
моих сравнений, право,
не хватает –
предам стихи суровому суду!

Как жаль, – «хромают»
славные сравненья.
Но факт: в Ростов
влюблялись поколения...
Я верю, что здесь родину найду.

11

Я верю, что здесь родину найду!
Ростов – конечный пункт
моих скитаний,
ничем не оправдавшихся
исканий.
С пути тревог я, наконец, сойду.

Ведь жизнь моя туманилась,
как небыль. –
Наитий, планов, замыслов, забот

носил меня крутой водоворот...
Синей же надо мной,
донское небо!

И, если даже в мокром феврале
прострелит молния
в крошечной мгле, –

мне по душе, скажу,
края степные...

Далёкий горизонт, а по-над ним
восходит радуга,
светла, как нимб, –
ведь тут сошлись
мои пути земные.

12

Ведь тут сошлись
мои пути земные,
здесь явью стал
вообразимый сон:
гуляют вольно кони вороные
по-над рекой
с названьем кратким – *Дон.*

Искусство Померанцева...
ограды...
вальжный, томный
Пушкинский бульвар. –
В цветущий май
иль в пору листопада
сюда приходят все – и млад,
и стар.

Благоухает город на Дону...
Я сам в восторгах собственных тону,
когда цветут тюльпаны огневые.

Но вот придут сентябрь,
октябрь, ноябрь...
И тут – живые росы
тучно упадут,
Ростов, на эти камни вековые.

13

Ростов, на эти камни вековые
являлась вдруг
жестокая страда. –
Подряд косила души удалые,
и кровь лилась, как вешняя вода.

Но был твой дух высок, и твёрд,
и молод.

И распрямлялась
стать могучих плеч.
Тогда бросал ковать ты
серп и молот –
возмездия ковал тяжёлый меч.

А жертвы...
С ними вместе – воссияю;
я, поимённо, всех их –
воскрешаю...

На высоту их святости взойду.

И, чтобы им
всегда звезда светила,
к печально-воскресающим
могилам
живым воспоминаньем упаду.

14

Живым воспоминаньем упаду
к ногам –
в Ростове ныне всех живущих,
и тех, кто жил в неизвестном году,
и тех, кто будет жить
в веках грядущих.

И пусть цветут каштаны
по весне,
идут дожди,
Донщину обновляя...
И будет мир
под чистым небом мая...
Ростов, тебя я встретил, –
как во сне.

Ты – в мае,
я – в туманном сентябре...
Так зелен ты,
я – в белом серебре:
моя заря бледнее и суровой.

Привык к тебе, Ростов...

Ты мне – как брат.
Ну, вот и всё...
Живи, Ростов! – *Vivat!*..
О, сколько смысла в
сокровенном слове!

15

О, сколько смысла
в сокровенном слове, –
пусть расцветёт величьем
мой сонет!..

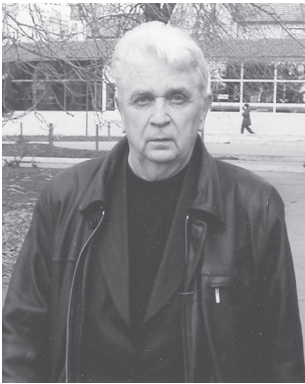
Сказание о городе Ростове
прольёт на нас
благословенный свет.

Я знаю, брат,
ростовский обитатель,
как после утомительных дорог
тебя,
судьбы настойчивый искатель,
Ростов пустил
на тёплый свой порог...

...Цвети же, град наш,
светлый и певучий! –
Звонит твой голос
в будущих созвучьях.
Я верю, что
здесь родину найду –

ведь тут сошлись
мои пути земные...
Ростов, на эти камни вековые
живым воспоминаньем упаду.

Проза... Проза...Проза...

Владимир Барвенко
член Союза писателей России
г. Шахты Ростовской области

Дыхание Голгофы

Роман

(Продолжение. Начало в №2(15) за 2012 г.)

Часть вторая

7

Анюта пропала. Вторую неделю я не могу отловить её по телефону, а к ней заявиться «внаглую» не позволяет самолюбие. И дело не в том, что район дислокации дамы — зона «табу» — теперь уже плевать на «табу», просто я чувствую себя виноватым. Мужчина, не дающий твёрдых обещаний женщине, в итоге становится чужим. Просто, постель без права перспективы — всё-таки хрупкий аргумент.

Мои плановые выходные чудесно совпадают с календарными, и я выбираюсь к Анюте. По пути заглянув в продовольственный магазин, отовариваюсь «развитым социализмом» и, подумав, покупаю цветы. Всё те же хризантемы. Странно, но в своём дворе я не чувствую волнения, того особенного, на грани страха. Мне даже хочется встретиться со своей бывшей. Только среди гуляющих дам всех возрастов Галины нет. Впрочем, в этот предвечерний час — людно. Июль тянется к августу, и на пике лета зелёный, тенистый двор — одно спасение от духоты.

Анюта удивлена, но какой-то особой радости от встречи на лице нет. Я здороваюсь и целую её в щёку, которую девушка всё-таки подставила.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Телефоны молчат.

— Ничего. Всё нормально, проходи, — натянуто улыбается Анюта.

Я подаю цветы, сумку.

— Вот тут купил кое-какие продукты. Может, пообедаем?

— Может, — всё-таки через силу улыбается Анюта и не спешит принять сумку и цветы.

— Сколько мы не виделись?

— Я не считала. Неделю... Какая разница? — определенно нервничает Анюта.

— Да что, черт возьми, происходит?! — психую я. — Возьми хоть цветы, что ли.

— Я тебя первый раз вижу в гражданке. Ты какой-то другой, — она сменяет-таки гнев на милость и берёт, наконец, цветы.

— Может, я не вовремя. Извините, — говорю я и поворачиваюсь к двери.

— Стоять. Не дёргайся, командир. Просто, на всякий случай: бегать я за вами не буду. Вот ты посчитал нужным — пришёл.

— Не понял, мы выясняем отношения? Ты что, специально не берёшь трубку телефона? Или ты решила, что у меня вместо сердца керзуха? Это, так сказать, твои профилактические мероприятия? А если б я не пришёл?

— Значит, не судьба. Но ты пришёл. Мне нравится, что ты забеспокоился. И вот сразу с порога загрузил меня вопросами.

— Ну, слава Богу, здорова и замуж не вышла, — шучу я.

— Вы на что-то, командир, намекаете? — Тут Анюта буквально расцветает на глазах.

— Не делай больше так, ладно, — говорю я спокойно, с чувством и мы проходим в большую комнату.

Я остаюсь у Анюты, и впереди целых два выходных дня. А за стенкой — Галина. Конечно, я думаю о ней, и это уже приговор. — Чёрт возьми, я всё-таки хочу её увидеть. Наверное, она такая же хорошенькая, как — давным-давно, когда была беременна Маришкой...

Какое-то время мы сидим в большой комнате на диване и смотрим друг на друга. Наконец, я беру её руку — у неё почему-то холодная ладонь, а в глазах всё то же лукавство, хотя и подбирается к грусти. Чёрт возьми, я определенно соскучился по женщине, и она это понимает, но ей необходима аргументация — эти чертовы слова про любовь, такую большую и непременно единственную на всём белом свете. Но как раз этих слов и нет, не получаются, а врать не хочется. И тут я вдруг вспоминаю про дачу. Кажется, найден простой и надёжный аргумент: а не завалиться ли нам на мою дачу, где «подробности» будут вполне органичны. Да, конечно, она же ещё не знает, что я стал обладателем домишка за городом в хорошем зелёном массиве, и даже с озерцом.

— Может, на дачу? — говорю я скромно.

— Какую ещё дачу? — удивлена Анюта.

— Поздравь, я стал собственником дачного домика и участка в шесть соток. Если хочешь, по наследству досталось. Тестюшка прибомбил.

— Ну, что ж, поздравляю. Подарок щедрый, хотя есть повод задуматься, — потупилась вдруг Анюта.

— Я знаю, о чём ты. Вообще-то, я хотел отказаться... — Мне вдруг не хочется продолжать этот дачный восторг и я, уловив мгновение, целую девушку в губы. — Ну, что, едем, мадам, на смотрины. И, полагаю, с ночёвкой.

— Чудеса! — только и всплёскивает руками Анюта. — Вот уж не думала.

— Жизнь — штука непредсказуемая. — Ну, я заказываю такси?

Я шагаю к телефону.

— Давай, я хоть соберусь, — останавливает Анюта и на её лице застывает сложная гримаса досады и радости.

Впрочем, такси не заставило себя долго ждать — хоть с этим, слава Богу, в державе разобрались. И вот мы на даче. Изумление на лице Анюты после экскурсии по дому несколько притупилась на участке. Тут я обратил внимание, что грядки изрядно прихвачены травкой — похоже, Пахомыч в сомненьях. Один хозяин сменил другого — определённости никакой. Хотя вот он и сам — лёгок на помине.

— А я гляжу, никак новый хозяин пожаловал, — возликовал он из глубины сада, немало удивив мою подружку и, вероятно, не столько своим неожиданным появлением, сколько левитановским баском. И после крепкого рукопожатия спросил: — Как звать-то, величать, молодую хозяйку?

Девушка от такого вопроса откровенно смутилась, искала взглядом меня.

— Анна... — сказал я.

— Аннушка. Это хорошо. А я Кондратий Пахомович, — сморщил донельзя лоб старик и воссиял улыбкой. — А ты, братец Гаврюша, меня прости, что я тут травку не успел потяпать, прихворнул малость.

— Ну что вы?! Мы сами, — промямлил я от неожиданности.

— Сами с усами, — поскущел Пахомыч. — У нас с Сергеичем договор был. Травка-то быстро растёт. А мне — сподручнее, и совсем нетрудно. Земля ласку любит... На отдых и, поди, с шашлычками?

— На отдых, но без шашлычков, — ответил я, весело переглянувшись с Анютой.

— Экспромтом, значит. Понимаю, ну ежели надумаете когда-либо шашлычок, я вам дровишек плодовых заготовлю. Ну, отдыхайте.

— ... Какой обаятельный старик! — сказала Анюта, когда сторож исчез. — Хитрец, под простачка косит, а руки белые, холёные.

— А ты успела и руки разглядеть? — удивился я.

— Я всё успеваю. Ты меня еще не знаешь, — закокетничала подружка.

Впрочем, пока мы собирали на стол, опять появился Пахомыч с полным ведром огурцов.

— Это ваш урожай, сегодня поутру собрал.

— Так много!! — У Анюты заблестели глаза.

— Нормально. Будет тебе, хозяйка, работа, — самодовольно разулыбался старик. — Ну, отдыхайте.

— Оставайтесь, Кондратий Пахомович. По маленькой, — предложил я.

— По маленькой можно. Только ты меня полным именем не клич. Язык сломаешь. Пахомыч я. Человек из народа.

Но сесть за стол старик категорически отказался, выпил рюмку и сразу отклонился.

За столом мы сидим долго, болтаем о всякой всячине. Солнце ползёт к закату, и краски вокруг теряют прозрачность. Вечер. От озерца потягивает влажным ветерком, и первые жадные комары напоминают о себе.

— А комарики тут кусачие. Пойду в дом, накину что-нибудь на себя, — говорит Анюта.

И вот она на порожках в цветастом своём сарафанчике. Ещё движение, и мне чудится... Галя, и в следующую минуту её властной рукой открывает свои шлюзы душевная мука.

Анна возвращается за стол в наброшенной на плечи кофточке. Наши взгляды встречаются, и мы долго смотрим друг на друга.

Очередной порыв ветра от озерца, и вместе с влагой в воздухе повисает запах прели. Анна говорит:

— Скоро, капитан, осень. Вот и август на пороге.

— Тебе нравится? — спрашиваю я.

— Нравится, — вздыхает она. — Очень. Оказывается, так мало нужно, чтобы быть счастливым: вот такой летний закат, и человек рядом...

Мы сидим ещё долго и болтаем о пустяках. Вот и сумерки загустели, а я не то-роплюсь приглашать её в дом, оттягиваю время.

Анюта вдруг замолкает на какой-то необязательной фразе, и я целую её в губы. И поцелуй долгий, какой-то вязкий.

— Пойдём в дом, — шепчет она.

Конечно, мы взрослые люди, и легкий флёр заблуждений несёт нас к моменту истины. Наверное, каждый вправе в этот миг надеяться на чудо, а будет ли оно потом или нет — божий промысел. Впрочем, она, кажется, и не скрывала в тот вечер своего женского эгоизма. Разве что, истовый блеск в глазах трогало сомнение. Но, пожалуй, только сомневающиеся женщины принимают дар любви так истово.

...К своему пребыванию в общаге я привык и не чувствовал себя временным. Конечно, ночные пьяные вопли и разборки за дверью вносили некий дискомфорт, но я помнил фразу «если изменить ничего нельзя — прими». Однако, теть нет-нет да и напоминал по телефону, что на очередь в исполкоме на жильё надо бы встать — эдак можно и замылить льготу. Наконец, я решаюсь сходить в администрацию и заявить о своих правах. Разумеется, вопрос о том, что я уже имел возможность держать в руках ордер на двушку в центре города, занозой торчал в голове, но Сергей Сергеевич убедил, что тот акт был по линии Министерства обороны и к сегодняшней конкретной ситуации отношения не имеет.

— Тогда ты был на крепких ногах, а ныне — инвалид и орденосец, — горя-

чился он. Смелее, офицер, время уходит и — отставить всякие разговоры. Что, ты до пенсии будешь торчать в этой конуре?!

— Так я на пенсии, если вы не забыли.

— Но эт я так, фигурально выражаюсь. Обидно мне за «червону» армию и её славных представителей.

— Спасибо.

Вот так и потолковали последний раз. Выбрался я, однако, после того разговора через месяц. Случилось это в зените осени, когда затерявшееся южное тепло сменили запоздалые дожди, и бронза бабьего лета загустела, затерялась в серости будней. Конечно, для такого случая принарядился в парадку с наградами и солидности ради взял в руку кожаную папку. В ней лежали блокнот с ручкой и листок с ходатайством военного комиссариата на предмет предоставления жилья боевому офицеру, «получившему тяжелое ранение и контузию при исполнении интернационального долга на территории дружественного Афганистана». Конечно, сие ходатайство «прибомбил» мне по случаю Сергей Сергеевич, не преминув заметить, «какие большие люди» обо мне хлопочут. И прибавил ещё, что военком — уважаемый властью человек, и к его словам прислушаются непременно.

Очередь на личный приём к председателю исполкома, некто Дёмину Виктору Яковлевичу была достаточно большой и, как сказала, внося меня в список, элегантная, будто с подиума, секретарша, в массе своей — как раз по жилищному вопросу. Впрочем, я как нетрудно заметить, инвалид, да ещё и участник боевых действий, значит моё место в первых рядах. В самом деле, ждать пришлось недолго. Кожаная дверь в кабинет к председателю исполкома вытолкнула двух рассерженных посетителей и, после тяжело зависшей в приёмной паузы, пригласили меня. Кабинет председателя упакован дорогой мебелью, стены украшают картины в золотых багетах. Это виды города — должно быть, подарки местных мастеров кисти, страждущих любви и благосклонности власть имущих. Всё это я окинул взглядом, пока молодой человек в безукоризненном тёмном костюме с пестрым галстуком на белой сорочке что-то записывал в большую амбарную книгу.

— Присаживайтесь, — пригласил он звонким голосом, не отрываясь, однако, от письма.

— Спасибо.

Откровенно говоря, я ожидал увидеть тяжёлого, с пуленепробиваемым выражением мясистого лица в очках-колёсиках, чиновника, а тут, напротив, за невероятно большим столом восседал голубоглазый паренёк с идеально отутюженным лицом, весь такой ухоженный, мягкий. Вот только высокий с залысинами лоб и тяжеловатая челюсть останавливали возраст на цифре тридцать. Я отчего-то подумал: «Интересно, служил ли он?» Наконец, председатель скучно взглянув на меня, сказал:

— В принципе, я догадываюсь, по какому вы вопросу. Как сказал классик: «Всех нас испортил квартирный вопрос».

Тут я достал из папки ходатайство военкома и протянул ему. Председатель взял в руки бумагу и, бегло пробежав взглядом, выдохнул нервно:

— Да всё тут правильно, офицер. Но нет у меня метров. Вы же видите, что творится в стране. Все стройки заморожены. Да что стройки, вот прилавки пустые.

— Но я лишнего не прошу. Однушку, если можно. В любой части города, хоть в старом секторе. Согласен ждать. Положено ведь...

— Да положено, положено. И ветеранам Отечественной положено, и многодетным семьям. Вы ещё скажите, что блюли интересы государства на передовых рубежах, а мы тут бюрократы, — распаялся за столом голубоглазый чиновник. — А что мы можем?

— Извините, зачем так нервничать... Я же не прошу прямо сейчас. Понимаю,

существует порядок, очередь. Я согласен ждать. Объясните только по-человечески. Вы обязаны помогать людям.

— Нет, скажите пожалуйста, обязан. Это государство вам обязано, — возвращает мне ходатайство чиновник.

Тут вдруг я ловлю себя на том, что теряю интерес к проблемам получения жилья и обретаю спокойствие.

— Вот я и обратился к государству в вашем лице.

— Льготы, у всех льготы, они там сверху клепают инструкции, а мы тут разгребаем с утра до ночи.

Здесь мне трудно сдержаться.

— Ну, по вам не видно, что вы припотели. — Я встал. — Извините, другого, в принципе, от власти я и не ожидал.

— Можете обижаться сколько угодно, — вскочил из-за стола хозяин кабинета. — Таких, как вы, знаете, сколько приходит? Афганистан, — ну и что? Я вас туда не посылал.

— Вы — нет, это верно. Родина посылала.

Тут чиновник вероятно понял, что перегнул, сделал попытку улыбнуться, но вышла жалкая гримаса.

— Ладно, оставьте документы. И напишите заявление по форме. Сообщим о результате. Вот вы б сели на моё место и делили бы шкуру неубитого медведя!

— Да я б сел, но вы не уступите, — усмехнулся я, шагая к двери.

— А вы на меня пожалуйста, — догоняет реплика председателя.

— Много чести, — говорю я уже в приёмной, встречаясь с растерянным взглядом секретарши.

— Вам надо написать заявление. По форме, — говорит она.

— Ну да, конечно, — беру я себя в руки. — Я напишу потом, можно?

— Можно... — взглядом сочувствует мне девица.

Вечером я позвонил тестю и в красках расписал свой визит к председателю. Сергей Сергеевич отчего-то спросил:

— Ты разговаривал с ним тет-а-тет?

— Ну да. Мы были одни в кабинете.

— Странно. Предыдущий председатель подобные приёмы вёл при полном ареопаге, с представителями служб. Наверно, этот гусь возомнил себя истиной в последней инстанции и решил, что такой приём не требует усердий. Сказать «нет» большого ума не надо. Значит, вёл он себя по-хамски?

— Как с холопом, — вздохнул я. — Хотел я его послать... Правда он понял, что перегнул и предложил оставить документы. Заявление...

— Это с боевым офицером? — тесть уронил паузу. — Ну, сынки, они, похоже, — все такие.

— Сынки? — не понял я.

— Да отец у него заведующий промышленным отделом обкома. Правда, с мамашкой в разводе, но от второй, молодой, пока общих детей нет, так что, этим есть повод гордиться. Отпрыск-то до недавнего времени комсомольским вожаком был. Потом в горкоме партии общим отделом командовал. А в этом году сразу в кресло председателя исполкома...

— Не хило, — усмехнулся я.

— А ты как хотел? Папина лапа...

— А как же принципы ленинской демократии? — съязвил я.

— Принципы остаются. Это святое. — Возникла пауза. Ладно, не бери в голову. Все равно, я думаю, какое-то решение по нашему вопросу будет принято. Он наверняка сожалеет, что перегнул палку.

— Интересно, Витёк этот служил? — спросил я, слегка понянчив это тестево «по нашему».

— Ты точно заметил: Витёк. Его в аппарате за глаза так и кличут. Служил? Скажешь такое. Политех закончил, а там военная кафедра. Летние сборы, и — лейтенант... Ну ладно, будь здоров. Глубоко в голову не бери. Они обязаны рассмотреть документы. А то, что жильё не строится, врёт. «Стройки заморожены»... Только вот дом сдали сорокавосемьквартирный на Клубной, и на подходе два в Черёмушках. Да я и не думаю, чтобы у исполкома не было резерва. Темнит паренёк кудрявый. Ну, будь здоров, Эльвира что-то кличет.

... На следующий день в исполкоме под диктовку секретарши я написал заявление «по форме» и, приложив к нему ходатайство военкома, оставил.

— О решении вам сообщат, — грустно улыбнулась мне девушка, вместо прощания.

Плановые выходные закончились, и я спешу на «скорую». Тесть, наконец, принял мой профессиональный выбор.

— Ну, пусть будет «скорая», в самом деле, чего грузить-то себя. Сутки оттархтел, двое дома — для пенсионера-дачника, считай, находка. А то б торчал в отделении без продыха. Возьми хоть Галку, к примеру. Без выходных вкалывала, — трещал он мне по телефону...

«Только, на блуд — время нашлось», — так и отозвалось в голове.

Впрочем, работа на скорой какого-то особого удовлетворения не оставляет. Разве что, впечатления. Просто, она не даёт возможности сполна, профессионально оценить себя. К авральным выездам мне не привыкать, только, тут другой контингент. В основном убитое букетом болезней старичьё, а дальше «по списку» — пьяные увечья, детские травмы, роженицы. Этот повседневный бытовой конвейер человеческих страданий всё же не сравним с боевым ни по характеру, ни по духу. Мои руки хирурга в простое, и душу нет-нет, да и заполнит тоска по настоящему делу. И встанет в памяти Афган, и зашемит сердце. Это неправда, что на войне не ценится человеческая жизнь — она больше не ценится на миру. Наверное, это парадокс, но именно на войне за пределами твоего профессионального долга и человеческого гуманизма стоит ответственность. На войне ты и врач, и полномочный Создателя. А «скорая», на то и скорая — сделал накоротке своё дело, в рамках ремесла, и всё. Остальное доделают в отделении. Дяди или тети в белых халатах. Ты только можешь предположить результат, но лично твоё участие ограничено временем и пространством. Разве что, в экстремальных случаях, где надо выложиться и проявить свои профессиональные качества сполна, чувствуешь себя доктором. Но такие эпизоды редки. А на войне — все рядом. Ты в тесном партнерстве с Создателем, и только он страхует твои возможности.

...Мы катаемся по городу и его окрестностям. Медсестра Милана, «девица-табу», строит мне глазки, водитель Иван Иванович, остряк из народа, сорит анекдотами, шутками да прибаутками и ведёт себя так, как будто на голове ещё бескозырка, а вокруг не провинциальная серость, а знойная Одесса. Иногда доза одесского юмора на единицу измерения зашкаливает, и это меня утомляет. Как, впрочем, и Милана со своим назойливым темпераментом. Конечно, я теперь не догадываюсь, а точно знаю, что у неё отношения с «главным» — Зиминим. Однако, сестричка непрочь согреть свою припоздалую душу с холостяком — доктором, то бишь, со мной. И её понять можно: со мной-то надежд больше, чем с «главным», у которого жена и куча детей. Но, так или иначе, наше трио всё же выполняет поставленную задачу. Впрочем, в нашей державе, как всегда, постоянная напряжённость с перевязочным материалом, самими ходовыми лекарствами и ещё хрен знает с чем в мелкой расфасовке. Кажется, и души наши расфасованы так же мелко, и мысли все — вокруг да около этой тоски. А если учесть, что все наши мытарства в основном по бедным окраинным поселкам,

тоска умножается надвое. Страна пьяно, как в последний раз, танцует вокруг коммунистического озарения, а человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша.

Как-то в один из плановых выходных, прогуливаясь по центру города, я наткнулся на афишу «Курсы массажа. Профессор медицины Юрий Берг. Москва, Набор на конкурсной основе. Медицинское образование обязательно». Адрес и телефон для справок. Наверно, простое любопытство остановило меня у портрета этого самого профессора Берга, невероятно похожего на известного актёра Зиновия Герда. Но, когда в тот же день по местному телевидению показали о нём сюжет, мне стало интересно. Его мастер-класс меня просто потряс. То, что делали его руки, можно было назвать и музыкой и поэзией одновременно. На следующий день в фойе дворца культуры машиностроителей было тесно от страждущих. Подав своё досье, я занял очередь на приём, но мастер, запустив сразу всех в зал, где уже стоял на сцене массажный стол, вдруг спросил:

— Кто из вас Гавриил Алексеевич Апраксин?

Я встал.

— Пройдите, пожалуйста, ко мне, — лёгкий бриз пробежал по рядам. — Я думаю, мы отдадим должное человеку, военному врачу, который прибыл из Афганистана. — И мне — как вы себя чувствуете?

— Нормально. А почему вы спросили? — удивился я.

— Меня беспокоит ваше ранение, коллега. Ноги для массажиста — это очень важно. Вы понимаете, какая нагрузка на опорно-двигательный сектор?

— Понимаю, — улыбнулся отчего-то я. — Но выдержу.

— Вот и хорошо. Тогда, вперёд к столу.

Желающих оказаться в роли подопытных оказалось достаточно. Профессор для начала выбрал довольно крепенького мужчину лет сорока. И работа началась.

Впрочем, я оказался способным учеником. И, хотя доктор Берг считал, что безукоризненное знание анатомии человека — это профессиональная основа, но я-то чувствовал, что у меня ещё и дар от природы. Кроме манипуляций, за которыми ремесло, я сердцем ощущал участки боли. А мои руки исцеляли и, кажется, одним прикосновением. Немногословный на похвалу Юрий Юльевич Берг удивлялся моему свежему восприятию и точности диагноза.

— У вас настоящий божий дар, коллега! — иной раз, не выдержав, восклицал он. — А руки — чудо!

Конечно, я был рад такому неожиданному повороту судьбы. Очень может быть, этот божий дар — дань Востока за двух спасённых мною младенцев из Афганского кишлака. Не могла мамочка разродиться, и дехканин глубокой ночью со слезами да причитаниями пробился на КПП нашей части, упал часовым в ноги.

...Мои встречи с Анютой затерялись, а точнее повисли на телефонной связи. Увлёкшись новым для себя делом, я нет-нет, да и ловил себя на мысли, что чаще всё-таки думаю о Гале, чем об Анюте. Во всяком случае, на несколько её звонков мне в общагу, я отвечал одним. Конечно, такая «вялотекущая форма» не оставляла перспектив, но что я мог поделать, если сердце моё по-прежнему принадлежало Галине, как ни банально это звучит. И не знаю, чего было больше — моего желания вернуть Галину, или моей обиды, но мне очень хотелось, чтобы моя бывшая родила девочку. И пусть самым необыкновенным образом она станет абсолютно моей копией. Скрывать от Анюты это моё чувство удавалось с трудом.

— Ты, капитан, занимаешься мазохизмом. И, может то, что я скажу жестоко, но ты для неё умер, и умер ещё в Афгане, — как-то в сердцах бросила Анюта...

Солнечное, прозрачное в этих краях бабье лето оборвалось с последним календарным листком октября. Вначале пронизывающий ветер смёл остатки листьев и расплескал краски, а за ним уж и дождь прибавил к серости небес заунывную серую скуку вокруг. В один из таких дней позвонил тесть. Я только что сменился после

трудного дежурства, прилеж отдохнуть — очень много было вызовов (оно и понятно — сезонные обострения), как позвали на проходную к телефону. Сергей Сергеевич явно был навеселе и, судя по посторонним голосам в трубке, был в компании. Он поздравил меня с рождением девочки, чем немало изумил.

— ... Гавр, только без обид, только без обид... — хмельно потягивая слова, верещал он. — Галка говорит, копия Маришки... значит, твоя копия... Прости, сынок, но это какой-то фантом... Решили назвать Верочкой в честь матери Гали, жены моей... первой.

— Ну что ж, мои поздравления Галине, — прервал я разговор и положил трубку.

Значит, Бог услышал мои молитвы, — улыбнулся я, уловив себя на странном волнении, каком-то далёком, из глубин памяти. И тотчас навалилась тоска...

Дачный сезон практически подошёл к концу, но я по-прежнему выезжаю за город, топлю дровами камин, долго и с удовольствием сижу у огня. Иногда приглашаю на дачу Анюту — идти к ней и слышать плач ребенка за стеной, «моей копии», кажется выше моих сил. И Анюта это понимает, как, впрочем, и то, что я не люблю встречаться с ней в общаге. У нас договор — ни слова о Галине. Хотя, конечно, эта моя неопределенность Анюту угнетает. Я ни разу, даже случайно не уронил ей слово «люблю» — хотя для себя уже решил. Если забеременеет, будем вместе, но, вероятно, сам Бог не хотел такой сделки. Иногда, когда мне уж очень плохо, я еду в город и долго топчусь у нашего дома, чтобы увидеть Галю. Я называю это — «убить беспросвет». Конечно, я рисковал встретиться с Анютой, но этого я боялся меньше всего. Иногда мне везёт, и я вижу гуляющую во дворе с детской коляской Галину, но сделать шаг к ней, поздравить, а, главное — взглянуть на ребёнка, не хватает сил.

Подошло к концу обучение на курсах. Торжественно отмечая событие в ресторане, профессор, найдя минутку для меня и лукаво блеснув глазами, спросил:

— Ну что доктор, так и будете коротать на скорой с вашим-то талантом?!..

— Так уж и талантом..., — смутился я.

— Не скромничайте. Айда в столицу? Или вы всё-таки хотите вернуться к операционному столу?

— Теперь уж и не знаю, — вздохнул я. — По-моему, я теряю вкус к хирургии. Сны кровавые задалбывают... Афган.

— Понимаю... И всё-таки, молодой человек, айда в столицу! Только там вы найдёте себя. Союз на пороге больших перемен, а рукам вашим нет цены. Согласитесь — это не так уж и принципиально — возвращать здоровье человеку скальпелем или голыми руками. Важен результат. Я помогу вам. Человек вы образованный и ещё такой молодой. Подумайте...

Что мог я сказать тогда замечательному доктору? Просто я очень любил Галину. Мне все казалось, что однажды раздастся звонок, и Галя скажет:

— Прости меня, Гаврош. Давай забудем всё и начнём с чистого листа. У меня вот родилась девочка, копия Маришки... Прости мою глупость.

...Значительно позже, когда зигзаги судьбы обретут трагическую явь, я вспомню приглашение профессора Берга: «Айда в столицу», но только улыбнусь прошлому вдогонку. Я ничего не хотел менять тогда. Галя... Наверное, человек имеет право на заблуждение...

Зима запаздывала, и по-настоящему мороз ударил лишь ближе к новому году. И как-то в одночасье город замело снегом. В суতোлке перемен я потерял днём счёт... Пока я работал на скорой, но все мои мысли и пожелания толпились вокруг нового для меня дела. На местной барахолке я приобрёл массажный стол, а Эльвира, жёнушка тестя, подсуетила первых клиентов. Сразу после той памятной процедуры, пылая восторгом, она сказала:

— Ну, зятёк, ты меня удивил. Это какое-то чудо! У меня от сидячки в конторе поясница свинцовая была. А сейчас такая легкость?! Ну, волшебник. Жди гостей... — Тут она достала из сумочки деньги.

— Нет, нет... Мы же родственники, — запротестовал я.
— Бери. Нельзя. Плохая примета.
— Выдумываешь...
— Ничего не выдумываю. Это работа. И вообще, родственничек, сам гол, как сокол, тебе так ещё много надо... Обижусь.

Пришлось взять.

Чмокнув меня на прощание в щёку, Эльвира заметила:

— Дура всё-таки Галка...

И тотчас в голове лезвием бритвы блеснули слова тестя: «Он такой импозантный, такой импозантный. Конечно, Галкин инвалид ему не конкурент». «Как ни крути, а авторство-то ваше, мадам», — подумал я.

...Скорую я оставил в первых числах февраля, когда количество моих клиентов стало зашкаливать и надо бы определяться. Среди именитых пациентов (кроме, разумеется, директора завода), появились и «представители властных структур». (Позже они будут называться «VIP-персонами»). В новое дело я ушёл, что называется, с головой, перечитал уйму специальной литературы. Наши встречи с Анютой как бы затерялись в «трудовых буднях». Каждый раз, болтая с ней по телефону, я чувствовал какую-то вину, но решаться на вполне определённый шаг пока не созрел. Я понимал, что могу однажды её потерять. Но решение откладывалось на потом. Теперь наши редкие встречи проходят только у меня, в массажном кабинете. Впрочем, на дачу иногда выезжаю, но один и без ночёвки, хотя Пахомыч к моему приезду протапливает каминком комнату и я понимаю, на двоих. И дровишек принёс много, считай, всю баньку доверху чурбачками заложил — можно б было и остаться. Даже с Анютой. Со сторожем мы хорошо, под водочку закусываем всё тем же «недоразвитым теперь социализмом» и разомлевший от удовольствия Пахомыч, например, выдает:

— Вот ведь парадокс, Алексеевич, в магазинах пусто, а на столах густо! Эт как так можно? Я полагаю, по благу ты эти вкусности поимел. И другой, и третий — таким же, значит, макарон. А я вот позавчера гвоздодера путёвого найти не мог. А стали мы выплавляем больше всех...

Я понимал, что разговор о прелестях социализма — это безразмерная тягомотина и делал одну за другой попытку закрыть тему, но Пахомыча трудно было остановить. Однажды он спросил:

— Ты вот, к примеру, за что воевал или я, скажем?

— Так вы участник войны? — удивился я.

— А то, только русско-венгерской — это, когда мятежников душили танками в пятьдесят шестом. Мать его... Ранение имею.

— За что воевали? — вдруг удивился я вслух такому вопросу.

— Во-во, — тотчас хитро поддержали моё сомнение глазки Пахомыча. — И я не знаю. Только, гвоздодёр я на барахолке нашёл. Говна такого надеть не могут.

...Потом Пахомыч провожает меня до автобуса, и мы расстаёмся на неопределённое время. Впрочем, личным распоряжением директора завода мне установили телефон, и мы с Пахомычем всегда на связи.

В середине февраля кончилась, наконец, война в Афганистане — эту весть я услышал впервые на даче, от вражьих голосов, листая ночной эфир своей «спидоль». В тот приезд я всё-таки остался ночевать — просто отступили морозы и навалилась долгожданная южная оттепель со вкусными запахами приближающейся весны. А в первых числах марта в моей келье, поздно вечером раздался звонок. Густой, командный басок заставил меня привычно подтянуться.

— Апраксин, Гавриил Алексеевич? Капитан?

— Так точно.

— Разрешите представиться: Бащицев Руслан Георгиевич, майор. Участник военных действий в Афганистане. Нынче пенсионер.

— Чем обязан, товарищ майор? — спросил я.

— Гавриил Алексеевич, буду краток. Возникла идея создать местную общественную организацию воинов-интернационалистов. Пока решено собрать офицерский состав, обтолковать детали. Сами, без представителей партийных органов. А, кстати, вы член партии?

— Так точно.

— Вот и добро. Собрание намечено на завтра в 14 ноль-ноль в помещении автошколы — это в переулке Социалистическом. Знаете, где спортивный комплекс ДОСААФ?

— Приблизительно...

— Форма одежды парадная...

Тут я хотел заметить, что график на завтра расписан, но этот Батищев уже положил трубку. Словом, визит клиента пришлось перенести. Чем обычно заканчиваются такие встречи я предполагал и не ошибся. Распахнув точно в 14 ноль-ноль кабинет директора автошколы, хозяин которого и был майор Батищев, я увидел мощно сервированный стол, а за ним десятка полтора офицеров в парадках.

— Сюда, капитан, поближе ко мне, — позвал к себе крупный широкоплечий мужчина с майорскими погонами и орденом Красного знамени на кителе.

— Апраксин? — подал он руку. — А вы Руслан Георгиевич? — спросил я.

— Именно, но можно и без Георгиевича, — по-хозяйски улыбнулся майор, не отпуская моей руки и вдруг, обернувшись, сказал всем. — Ну что, пацаны, война кончилась, да здравствует война!

И тотчас ухнула тишина — интересно, какую ещё войну имеет в виду этот лысоватый здоровяк?!

— Войну за наше место под солнцем, — улыбнулся майор, обводя всех загадочным взглядом.

— Эт точно, — поддержал его розовощёкий пузанок-прапорщик.

Батищев, наконец, отпустил мою руку и указал мне на стул, как оказалось, рядом с собой.

— Ну что приступим, товарищи, к работе, — вдруг посерьёзнев, обратился майор ко всем. — Я предлагаю разлить и вначале помянуть наших погибших боевых товарищей.

Все встали. Молча выпили. Дальше рабочая встреча по созданию организации приобрела форму свободного обмена мнениями — просто наличие спиртных напитков и весьма «сочного» закусона отвлекали от главного направления. Как весомо заметил один из присутствующих, старлей с грустной фамилией Плаксин:

— ... Этот наш совет в Филях ничего путного сегодня не решит. Жрчка мешает.

И вообще, отсутствие каких бы то ни было инструкций сверху на счёт создания подобной организации вызвало только оживленную дискуссию — уж не впереди ли паровоза мы бежим?! Никто не возражал против создания такого сообщества, но должен же быть какой-то порядок, а значит — устав, программа и прочие юридические премудрости. Разрядил ситуацию виновник торжества, майор Батищев. Он взмахом руки погасил «разговорчики в строю», встал.

— Согласен. Митинговать не будем. Главное, что такая организация нужна и мы станем её членами в наших же интересах. Я предлагаю выбрать пока координатора. Есть предложение открытым голосованием.

Тут Батищева единодушно поддержали и его же единодушно выбрали этим самым координатором.

Дальше собрание дружно подналегло на тосты за боевое братство... Кажется, домой я добрался поздним вечером. Детали не помню.

...Однако в идеологическом отделе горкома партии создание такой организации поддержали вяло. Крепко зашуганный красным кумачом инструктор отмахнулся:

— Вы что там удумали, бойцы?! Организация — эт вы замахнулись. Пусть будет общество или содружество и, ради Бога, никаких программ. Только планы. И, вообще, никаких циркуляров на ваш счёт ещё не поступало.

—...Ну понятно, партийная организация может ещё сносно терпеть профсоюзную, а тут — военная, — пыхтел позже мне по телефону Батищев. — Да он в портки наложил, этот ленинец. Общество? А на хрена нам общество. Что мы — дефектные?! Глухонемые? Циркулярка им не поступала...

— ... А что, содружество — нормально, — вставил я.

— Может быть... — после паузы согласился майор.

Позже на общем городском собрании воинов-интернационалистов изберут руководящий Совет и председателя нового содружества. Инициатива, известное дело, наказуема. Как ни отмахивался Руслан от председательства, но за него проголосовали все. Впрочем, мне лично майор «подложил подлянку» — протащил-таки в Совет.

...Разве мы могли подумать тогда, что эти игрища взрослых людей в недалеком будущем обретут иной смысл?! Просто за окном тарахтел ещё 1989 год и в стране Советов «на громаде партийных планов», пролетариат всё ещё отвечал «ударными темпами в труде» и вообще «всяческими свершениями».

8

В начале лета из администрации пришла, наконец, бумага.

«Уважаемый тов. Г.А. Апраксин. Ваше заявление от (дата, год, число) рассмотрено. Решено направить Вам по месту проживания комиссию с целью обследования жилищно-бытовых условий. Вам необходимо явиться в жилищно-коммунальный отдел (такого-то, в такое время) за членами комиссии».

Конечно, я явился точно в назначенное время в этот самый ЖКО, подобрал там двух пожилых сотрудниц и перепроводил их к себе в «хоромы». Дамы оживлённо толкались на моих метрах. Одна, с губками бантиком, что-то записывала в тетрадь. Иногда, впрочем, озабоченно переглядываясь с напарницей. Уловив один из таких моментов, я не выдержал.

— Что-нибудь не так?

— Да все так, — через силу улыбнулась эта с «губками бантиком». — Просто вы, молодой человек, не знаете, как ещё живут люди. А у вас очень прилично.

— Вы находите? — с нескрываемой иронией спросил я. — По-вашему так должен жить офицер, участник войны? Другого не заслужил? Кроме общаги.

— Ну, если б от нас что-то зависело, — осторожно подкралась другая, бросив взглядом упрёк своей напарнице. — Мы всё понимаем. Всё изложим. Вы только не волнуйтесь.

...Не знаю, как уж они там «изложили», но через месяц после того визита меня поставили на квартирную очередь. Извещение из исполкома мне вручили на проходной общежития. Конечно, я позвонил тестю, сообщил о «важной» бумаге от властей. На что Сергей Сергеевич бодренько проворковал:

— Ну что ж, я тебя поздравляю. Снеслись, наконец. Только, думается мне, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дальше, как я тебе и обещал, я включаю эпистолярный жанр. Так что, наберись терпения. Если надо, я и ООН на ноги поставлю.

— А «энто» дело нам не набьют? — весело заметил я. — У медиков есть правило «не навреди».

— Хо-хо-хо, — живо изваял мне слуховую фигуру тесть. — Испугал мужик бабу... Я, капитан, ещё и не такие пули отливал. Ну, ты своё дело сделал — жди готовенького. Только, меня не это смущает...

Тут Сергей Сергеевич сделал немислимо длинную паузу. — Держава наша как бы не окочурилась. Ладно, не по проводу. Будь здоров.

Тесть положил трубку, а я свою ещё какое-то время держал в руках. На душе вдруг стало тревожно.

...Моя клиентура растёт день ото дня. Это определенно ответственно; просто, юридически никакой страховки нет. Всё не доходят руки официально узаконить свою деятельность. К разговорам по общаге о наличии массажиста, который «стрижет» внаглую купоны и купил всех на корню — от техперсонала до коменданта, а то бери и выше, привыкнуть трудно, учитывая, по выражению тестя, мою «нежную ментальность». Но иногда было неприятно от косых, явно недобрых взглядов «представителей трудовых масс». Им-то копейка, надо полагать, достаётся «потом и кровью», а мне вот валится на голову «манна небесная». Разумеется, соседям по общему дому и некоторым страждущим начальникам я делаю массаж по минимальному тарифу, а то и вовсе бесплатно, но такая благодарность, как точечный укол, мигом забывается. У нашего народа амнезия — национальная черта. Только вот сны, в которых я непременно стою за хирургическим, а не массажным, столом являются с упорной периодичностью. Конечно, с каждым днём пребывания в новом для себя качестве я теряю главное ремесло. Просто, без практики руки хирурга роняют эластичность и тонкость, это, наверное, как пальчики скрипача — доля миллиметра, и звук другой. Но жить-то надо сегодня, сейчас. В конце концов, не век же мне коротать в общаге. А на мой заработок сегодня, я мог рассчитывать на вполне сносное будущее. Конечно, время улетало от моей войны, и я обретал для себя новое качество. Впрочем, кто знает? Сжигать мосты — скверное дело. Очень может быть, я вернусь к своей хирургической практике. Но, конечно, не завтра, — когда-нибудь... Потом.

С Анютой наступила полоса каких-то необязательных обязательств. Моеё новое профессиональное качество Анюта оценила после первых же сеансов «массажетерапии». И не беда, что потом каждый такой приём заканчивался близостью. И тут вряд ли только я был инициатором. Но всякий раз после такого «сеанса», я ловил себя на том, что первоначальный изыск отношений уже потерян, а на одном ожидании чуда далеко не уедешь. Просто, моя душа, как, впрочем, и вся моя суть находились ещё в цепких «лапищах» бывшей. И я иной раз ловил себя на том, что такая роль мученика мне нравится. Наверное, блажен ждущий чуда. А с Анютой всё так понятно, так прозрачно и так обыкновенно. Летом на выходные она приезжает ко мне на дачу. Мы готовим в четыре руки еду, малость копаемся на участке, а потом — постель. И так, кажется, будет всегда. Однажды ночью меня разбудили её рыдания.

— Что с тобой?! — испугался я.

— Может, я больная? Почему я не беременею, Гавр? Я очень хочу ребёнка. Ты бы женился на мне, если бы я забеременела?

Я молчу. Мы уже обсуждали эту тему, и она знает мой ответ. Но ей хочется слышать ещё и ещё.

— Конечно. Но дело не в этом. Сходи к гинекологу, — отвечаю и прижимаю её к себе.

— Да была я у гинеколога. Была. Всё нормально. Ни в чём я не виновата — ты не хочешь.

— Дорогой, глупый мой человечек. От меня ничего не зависит. А, может, тебе сменить партнёра? — неудачно шучу я и, кажется, отпираю ящик Пандоры... И вскрики, и брань, и всякие обидные словечки, и... любовь. А после шторма отчаянный штиль.

— ...Просто, я вам надоела, капитан. Я всё понимаю. Мы устали друг от друга... Ждать, опять ждать. Ну, когда ты будешь другим? Когда? — бросается она мне на грудь.

— Скоро, — шепчу я, но не ей — себе. Она права. Но что я могу сделать. А вдруг? Этот звонок Гали?!

— Вот ты даже сейчас думаешь о ней, — ловит меня Анюта. — И, пожалуйста, не отрицай! Женское чувство не обманешь. Как раз таких стерв и любят безумно.

— Хорошо. Сегодня же пойдем в ЗАГС. Вот только дотянем до рассвета, — психую я.

— Зачем? Не надо глупостей, — усмехается Анюта. — Получается, я как бы милостыню выпросила. В ЗАГС идут, когда сожжены все мосты, а я ещё надеюсь...

— На новую встречу? — подхватываю я.

— Нет. На то что ты, наконец-то, вырвешь её из сердца... И не надо больше слов, капитан, — пальчиком перекрывает мои губы Анюта, и я чувствую впервые за всё время наших встреч тупую боль в сердце...

...Конечно, всё свободное время я отдаю даче. Пришлось освоить не только огородный инструмент, но и плотницкий, разумеется, не без «краткого курса» Пахомыча. Анюта тоже втянулась — у неё ответственный участок — плодовые деревья. Иногда на дачу приезжает с Эльвирой тесть. Он звонит мне заранее, как бы заказывает. Конечно, он знает о том, что я встречаюсь с Анютой — об этом я ему сказал однажды при встрече в «нечаянном» разговоре и, по-моему, на его челе не трудно тогда было прочесть ревность. Он, как и я, не верил в перспективу отношений Галины с профессором, тем более, что юридический аспект, то есть, акт бракосочетания дочери задерживался. Муж-профессор по сути своей оказался «приходящим». Но ей-Богу, состыковывать Анюту с бывшим тестем, а тем более — с звочкой Эльвирой, мне не хотелось. Поэтому приезд этой парочки я принимаю, как историческую неизбежность, изо всех сил рисую на своем лице радость гостеприимства и не скуплюсь на угощения. Благо, теперь у меня появилась возможность отовариваться в «закутках» власть имущих. Ну, а широкое застолье по-русски, как известно, легко зажечь, потушить трудно. Конечно, самое актуальное — разговоры о политике на ближайшую и далёкую перспективу. И тут я на правах статиста — потому как её величество молодка Эльвира — «глас народа», ну, а полковник запаса, само собой, приближённый к партийным и прочим верхам — гвоздь программы. В последний свой приезд Сергей Сергеевич выдает новость:

— Я так думаю, скоро наш Союз лопнет, как мыльный пузырь.

Я от изумления аж подскочил на стуле. Это от кого я слышу?!

— Не понял?..

— Ну, ты глаза не тараш. Твой Афган нас доконал. И не только. На этот раз международный империализм нас крепко взял за горло. Тут в нашем ведомстве был лектор из ЦК. Со свежей информацией. Такое поведал. Но главное — баррель нефти уронили до отметки в тридцать долларов. А так как наш промышленный потенциал замешан на стоимости нефти, надо полагать, какой получим в итоге бюджет. Какие уж тут прилавки, социальные программы и прочая лабуда. Как когда-то сказал наш незабвенный Ильич, — за любой политикой государства стоит его экономика. Я не удивлюсь, что следом за выводом войск из Афгана мы уйдем из Европы.

— Ох, господи, какие страсти? — ухмыльнулась Эльвира. — Так было б всё хренового, не летали бы в космос. У вас мужиков две темы — политика и бабы. И в той и другой вам кажется — вы асы.

— Не понял, Эля, ты на что-то намекаешь? — сморщил лоб тесть.

— Уж лучше бы вы водку пили, — сказала Эльвира и странно так постригла глазками в мой адрес.

Но тупо пить водку и молчать не получается. Просто, мадам Эльвира вытряхивает себя из-за стола, мы остаёмся одни, и разговор возвращается на круги своя.

— Вот мы дружно приветствовали Горбачевскую перестройку и гласность. Так? — спрашивает вдруг меня Сергей Сергеевич.

— Ну да. Я не понял, что перестроили, но трёпа сколько угодно.

— Во-во. Конечно, с сухим законом Горбачев поторопился. Благими намерениями, — сам знаешь... Это на русскую-то душу?! А в остальном курс на открытость — разве плохо?! Про репрессированных вспомнили. Солженицын нынче национальный герой.

И где-то — Сахаров. А сталинских соколов дружно предали анафеме. А кто войну выиграл? — заводится тесть, вот-вот глаза из орбит вылезут. И вдруг переводит дух. — Нет у русского народа терпимости. Из крайности в крайность. Эх!.. Уже был в России один чудак с оттепелью. Тоже о репрессиях вспоминал. И где он?! Только воду мутят, вожди хреновы. Чует моё сердце, что скоро от нашей великой Родины пшик останется... А дальше, как в Писании: и засеется земля гадами...

Над столом висит гнетущая тишина. Поговорили. Но, чёрт возьми, какими пророческими оказались слова полковника?!

... Так проходит год, потом следующий, так может пробежать и вся жизнь. Какая-то задрюченная, на грани наркотического озноба, в мутном сюрреалистическом интерьере уходящей красной эпохи. Ну и, конечно, в постоянном судорожном ожидании очередной государственной мерзости или гнусного человеческого экстрима...

Но счастлив! Мне давно не снится Афган. Вообще, сны какие-то провально-тупые. Сказать, чтобы дико уставал от своей «широченной» клиентуры и сладко тонул в небытие — с чего бы? Доза переутомления минимизирована. Я — молодой мужик, только входящий в пору сексуального беспредела. У меня нет вредных привычек, если, разумеется, не считать за вредную привычку — жить в России. Чего мне не хватало в эти годы? Обаяния? Вряд ли! Денег? Господи, их всегда не хватает. Скорее, авантюриности духа. Решимости на какой-то безумный поступок. Впрочем, мир за окном, кажется, задубел от гнусности. Его можно было принимать разве что с бледным обаянием на челе и кулаком в кармане. Конечно, я могу сохранять свой профессиональный гуманизм сколько угодно, но кто думает о клятве Гиппократата, когда какое-то хамло изволит плюнуть тебе в физиономию. Я не хочу быть заточенным на восторг от агрессивных рож вокруг. Вот уж правда: «и засеется земли гадами».

Очереди в магазинах мало-по-малу сменили толпы восхищённых зевак у витрин. Есть товар — нет денег. Кругом стада нищих. Они суют, чуть не в морду свои зачерствелые ладошки и просят, просят. Они всюду — на улицах, в переходах, в подворотнях, на вокзалах, чуть ли не в постели. По «ящику» черед новых мессий. Лозунги сменяются дружной толкотней каких-то ораторов. В шляпах, в кепках, в шапках-ушанках и даже в бескозырьках. Господи, у нас очередное обострение жажды революционных перемен. Кажется, держава на карачках выползает из своего «светлого будущего» и не хочет верить, что оказывается в ещё более гнусном настоящем. Мы опять путаемся в поисках маршрута и сытые вожди, как указательные ориентиры, прокладывают нам фонариками путь. Хотя кругом солнечно «до ряби в глазах». И перлы, перлы, перлы! О новой великой России, в который уж раз. И всем понятно, что в такую роскошь могут верить только блаженные или негодяи, но азарт словоблудия захватывает. А всё, оказывается, так просто. Ты врач, офицер, да обычный человек, чёрт возьми, шкандыбаешь потом после митинга в свою шарашку, а на каком-нибудь перекрестке затормозит тебе в зад чёрный лимузин и, вырубленная из кирпича рожа, выплюнет в оконце:

— Куда прёшь, мудозвон.

... Я не люблю ходить по городу. У меня нет иммунитета на это массовое революционное затмение. Даже моя нога, навечно застывшая в позе очарованного изумления, вполне привыкшая ко всякому экстриму, реагирует болью: «Мудо, да ещё и звон» это для неё много.

Впрочем, на город, как из рога изобилия, сыплется цитрусовый звездопад. От заморских апельсинов, бананов, киви и ананасов рябит в глазах. И не беда, что кусаются цены, сам факт присутствия на прилавках, вот так свободно сладкой буржуазной крутизны захватывает дух. Если это только первый взбрык демократии, то-ли ещё будет?! А ещё есть и баночное пиво, и нечто другое в глянце и золоте. Голова идёт кругом, и жить, жить охота! Всюду топчутся кооператоры, нувориши и примкнувшие к ним жулики и авантюристы — они новые хозяева жизни, они нынче

герои. По стране широкой поступью шагает «расташиловка». Мои клиенты совершенно неожиданно утомляют меня валютой. А на экране телевизора черно-белая политическая порнуха становится цветной. В ней по залу носятся, вырывая друг у друга микрофон и озаряя бродвейской улыбкой, представители новых отечественных мессий. Страна тащится от поединка тяжеловесов Горбачева и Ельцина. Кому-то хочется, чтобы победила дружба, но так не бывает. Сериал увлекает. Вести из-за «бугра», которыми ещё не так давно поощряли обывателя, утратили актуальность. Народ то голосует, то бодрствует...

Наконец, я решаюсь сделать предложение Анне. Пора заканчивать эту затянувшуюся неопределенность. Звоню домой — молчание. Звоню на работу «только что вышла». Повторяю звонки, и опять пусто. Меня для неё нет. Обиделась? Может быть. Накануне мы поссорились из-за какого-то пустяка. Мне бы уступить... Но я то считал, что не глубоко — ну, попсиховали малость. Бывает... Набираюсь наглости — звоню родителям. Отвечает мама:

— Да нет её. А что-нибудь случилось, Гавриил Алексеевич?

— Нет-нет, что вы, слава Богу...

«Значит мама не в курсе, уже теплее» — думаю я. Конечно, родителей уже достала бестолковость наших отношений. А виноват я. «Пора бы уж военному определиться». И вот он «готовенький», а невеста пропала. Спустя время делаю ещё телефонный кружок. Ушла. Ее нет... Нет. Ушла...

Терпению моему наступает предел, и я шагаю к ней домой. И едва я загребаю во двор, нос с носом сталкиваюсь с Галиной. Она гуляет с дочерью во дворе. А как же иначе? Такой чудный летний вечерок. Так близко. Почти в упор я их вижу в первый раз. Я теряю дар речи. Девочка по имени Вера точная копия Маришки. Наконец, я нахожу в себе силы и, едва сдерживая восторг, бормочу:

— Я не ошибся. Это Маришка?

— Нет, это моя Верунька, — ласково щебечет Галя. — Но ты не ошибся. Сама удивляюсь. Всё твоё, даже цвет глаз.

— Но так не бывает, — истово возражаю я, хотя всё во мне кипит от радости.

— Наверное, что-то на небесах перепутали, — поощряет моё волнение Галя.

Тут я подхватываю девчушку, возношу над головой и зарабатываю её счастливую улыбку.

— Ой, не урони! — панически всплескивает руками Галя и ревниво тянется к дочери.

Я вручаю ей ребенка. Не знаю, но в эту минуту мне и больно, и счастливо одновременно. Просто, такое вот чувство, без подробностей.

— Как, Галя, живёшь? Точнее будет — как живёте? — осторожно спрашиваю я.

— Нормально живём. Дом, работа. Как и все сейчас, — отвечает Галина и прячет от меня глаза.

— Не жалеешь?

Галя склоняется над ребёнком. Нервно теребит её волосы. И я понимаю, она прячется в ней. Потом возвращается к себе и сразу становится чужой.

— Да всё превосходно, Гаврош. Пока.

— Да, да конечно, до свидания, — бормочу я ей вслед.

— А ты к ней? — догоняет меня вдруг вопрос. — А обещал дорожку не переходить.

— Обещал, — оборачиваюсь я. — Ты мне тоже что-то когда-то обещала.

— Нет, Гаврош, я не жалею. Не думай, — говорит она с каким-то лукавым снисхождением и по-моему даже с обидой.

Тут у меня вдруг совершенно пропадает желание приглашать Анюту под венец. Но я все-таки иду к ней и молю Бога, чтобы её не было дома... Но она дома. После бани, с чалмой на голове. У неё, оказывается, по графику — банно-прачечный день.

А работа по боку, отпросилась. И за постирушкой ей некогда было прислушиваться к телефону. И вообще у неё сегодня не приёмный час. Она от всего устала — ей надо «сосредоточиться на нерешённых задачах».

— Понял, удаляюсь, — весело поднимаю я руки. Ну, уж если сама судьба не хочет нашего единства, какие могут быть претензии?

Анюта провожает меня до двери.

— Эй, военный, ты что, обиделся?

— Да нет, что ты. — Тут я абсолютно искренен.

— А маме ты зря позвонил. Она на уши все наше учреждение поставила.

— Ну, извини. До встречи, — кажется, я её сейчас плохо слышу. Я ещё там, во дворе с моими девчонками.

... Ближе к осени зачастил ко мне на массаж тесть. У него вдруг, возникли проблемы с позвоночником. Я, правда, остроты не видел. Всё, как говорят, «в пределах возрастных изменений». Ему, скорее, надо бы лечить нервную систему. Задолбала его Элюшка своим чрезмерным аппетитом на импортные шмотки, парфюм и прочие дамские штучки. Ассортимент-то с приходом демократов пошире стал.

— Гаврюш, если ты перепутаешь мою спину с горбом, не пугайся. Это посадочная площадка моей молодаяйки. Достала меня эта поздняя любовь, — мрачно шутит тесть.

Мне тут ответить нечем. Я только могу посочувствовать и отвлечь его любимой темой.

— Ну, как там дела на местном политическом Олимпе?

— Как и по всей державе. Волчата-демократы норовят оттяпать гнедой ляжку, а та лягается.

— А гнедая — это партия что-ли? — смеюсь я. — Так ей, похоже, уже отгрызли по самые «некуда».

— Ну, как тебе не стыдно! Ты же коммунист. Тут плакать надо, а ты ржёшь. Мало того, что из Европы убежали, так и Союз прохезали. Ты только представь себе — Советский Союз! Самую великую страну в мире! — горячился старик.

Тут я промолчал — где-то тестюшка прав.

— Разве так поступают. Всё у нас через зад. И за что только наши отцы и деды головы положили?! Раз, два и нет Союза. А ведь всё худшее только начинается. Но ты скажи, зятёк мой, как это у них так просто получилось. Собрались паны в Беловежье, завалили кабанчика и под водочку заодно и страну. Разбежались по своим хаткам. И всё. А народ наш проглотил пилюлю. Молча... Заговором это пахнет.

— Как сказал классик, в ответственный момент «народ безмолвствует». А на народ обижаться нельзя, — улыбнулся я. Мне нравился тестев темперамент.

— Да ты никак издеваешься?! Эхе-хе. То ли ещё будет? Ох, и хлебнём мы горюшка с этими суверенитетами. Не раз партию вспомним. Родили уroda — содружество независимых государств. И нате, ребятки, выкусите...

— Зато без крови, — слегонца добавил я, чтобы подвести итог разговору. Что-то не ложился он на душу.

— Ты думаешь, ой ли, — хитровато усмехнулся чему-то своему тесть.

После массажа разомлевший и довольный Сергей Сергеевич предлагает по сто-парки. Я решительно отказываюсь: у меня клиенты. Так что, пришлось Сергею Сергеевичу выпить одному. Потолковали ещё в сердцах про то, что нахлебников теперь наплодилось много, вокруг ширится бардак, и тесть подал руку.

— Ты пока с партийного учета не снимайся. Урони как бы тему. Партия при лю-бом раскладе останется.

— Не думал ещё.

— Вот и правильно. Всё ещё может вернуться на круги своя.

Тесть ушел, а я вдруг подумал, что мне возвращаться назад в партию почему-то

не хочется. Опять ходить строем под красным знаменем. От этого кумача у меня сразу конъюнктивит на глазах. Однако Эльвира, молодайка, меня тоже не забывает. Ей всё больше нравится общий массаж, без конкретики, то есть «анамнез» отсутствует. Есть лишний вес и лишняя сумма прописью. Она строит мне глазки, а во время процедуры эротически постанывает и мне работать с её телесами — сущее наказание. Я равнодушен к ней как к женщине, тем более профессиональный долг и этика не позволяют мне даже комментарии на сей счет, но я-то понимаю, что здоровая сорокалетняя бабёнка на самом пике своего эротического темперамента. А тут ещё «дедушка» достал её ревностью. Так что, щедрость Эльвиры я жестко ограничиваю рамками тарифа.

В отношениях с Анютой опять наступила пауза... Я не звоню ей, она не звонит мне. Кажется, я начинаю привыкать к себе, к своей холостяцкой жизни и даже нахожу в ней изыск. Все-таки свобода дорогого стоит. Сейчас мне трудно даже представить семейное расписание. Этот «строй» от подъёма до отбоя. Всё забыто напрочь. Я отвык от своего авторства в семейном вопросе. Я просто упиваюсь свободой. В конце концов, женщин, желающих поиметь меня как мужчину, мягко скажем, немало. Даже с моим дефектом. По крайней мере, со всеми издержками мужского эгоизма, я не приемлю мелочность, жадность и непорядочность. И, похоже, дамы это «чуют».

...Только весной следующего года пришла из администрации «бумага». Откровенно говоря, я её уже и не ждал. Я нашёл конверт со знакомым штемпелем госконторы торчащим в двери. Текст, загнанный в рамки канцелярского Прокрустова ложа выглядел так:

«Уважаемый Г.А. Апраксин. Предлагаем явиться в жилищный коммунальный отдел администрации по квартирному вопросу». И дальше следовал номер кабинета и перечень документов, которые мне необходимо иметь при себе.

Я пробежал перечень документов дважды и усмехнулся. «Только анализов мочи и кала не хватает».

Конечно, мелькнула счастливая мысль, что мольбы инвалида-афганца где-то там наверху, наконец, услышаны и моя очередь вышла на финишную прямую. Ещё один бросок, и вот она долгожданная однушка со всеми удобствами и в достойном «героя» районе. Откровенно говоря — общага достала. Эти пьяные оргии с ночными разборками пролетариата, этот тоннель коридора с вечным сквозняком и несвежими запахами. И как итог — мрачные, замученные проблемами социализма народные массы. И вот — получите подарок, военный. За заслуги. Родина вас не забыла... «Возможно, и не сразу ордер, а смотровую. Во всяком случае, зря не вызовут», — где-то ликуя, размышлял я.

На радостях я позвонил тестю.

— Ага. Наконец, всерьёз зачесались. Не прошло и года. Значит, достучались мои послания в Верховный Совет и Минобороны, — возликовал Сергей Сергеевич. — Ты, только, сейчас, с пылу с жару на абы что не соглашайся. Веди себя по-хозяйски. Ты исполнил воинский долг и достойно, пока они тут задницы просиживали... Ты, между прочим, жизнью рисковал. И вообще веди себя уверенно, пусть эти чинуши знают, что за твоей спиной есть человек, который, если надо, может навалить «маляву» хоть Папе Римскому. С богом, сынок!

Я иду, да нет, кажется, лечу по городу. К месту дислокации этого ЖКО исполкома, просто ног не чувствую, даже со всеми капризами моей походки. Вообще-то я не люблю рисовать воздушные замки, но если они возникают сами, куда ж от них деться?!

Я прохожу очередной стихийный рынок — их много теперь по интересам. Здесь, например, торгуют древностью или последними эксклюзивами потерянного социалистического рая. Это такой лохматый закуток, где над поношенной верхней одеждой, бельем и шляпками весело порхают гипсовые амурчики и ангелочки с кудряшками.

Потом — тугие стопки классиков всех времен и народов, в изрядно потёртых, как бы измученных вздохами страждущих книголюбцев, а дальше — россыпью мизерные иконки, посуда, ломберный столик с парочкой венских стульев, и коврики, коврики... Я теряюсь в этой многоголосице — все норовят удержать меня возле своего товара, и я с ужасом ловлю на их одинаково серых от бестолковщины быта лицах, такую беспросветную тоску и отчаяние, что мне не терпится вырваться из этих масс на простор за глотком свежего воздуха. Но тут я натываюсь на... Рериха, того самого афганского Рериха. Я смотрю на него с изумленной радостью и, по-моему, с восхищением. Меня кто-то толкает сзади. Но я стою твёрдо, будто в оцепенении. Старик держит в руке огромный бронзовый крест с распятым и, кажется, воздел его над моей головой. Но вдруг его глаза наливаются гневом, и меня охватывает ужас. Я пачусь назад и едва не сшибаю старушку с портретом царя Николая Романова. Я бегло извиняюсь, но глаза Рериха меня держат цепко, не отпускают. А бабуля жадно и жалко, заглядывая мне в глаза, канючит:

— Купи, а? Купи картину. Это же знаменитая школа Иванова. Подлинник, недорого отдам.

— Да зачем она мне, мамаша, — отвечаю я и смотрю мимо неё. Просто, я ищу глазами Рериха, я его потерял и сердце моё сжимается, но не от боли, нет, от памяти. Рядом с ним была моя дочь. Тогда в Афгане. Он её помнит.

Но старуха следит за каждым моим движением и всюду тычет своего Николашку. И я вижу только её и этого убиенного государя. А Рериха нет.

— Купи, купи картину сынок. Хоть на кусок хлеба...

— Да не нужен он мне. Я не монархист, — отвечаю я, достаю какие-то деньги и сую ей. — Возьмите, пожалуйста.

— Милостыня мне ваша не нужна, — вдруг гордо вздернув подбородок говорит женщина. — А кто ж тогда ты, если не монархист? Антихрист?

— Не знаю, мамаша, ещё не понял, — оттирая её от простора, — бормочу я, всё ещё надеясь найти этого Рериха. Но его нет. Исчез. И какая-то подзабытая смесь полу-тоски полу-досады охватывает душу.

Старушка вдруг опускает портрет к моим ногам и говорит в сердцах:

— Ну и напрасно, молодой человек. Когда-нибудь этому портрету цены не будет. Здесь целая эпоха. Это художник изобразил батюшку сразу после отречения. На станции Дно. Вот так Господь-то и подвел его к станции своей Дно. А сегодня, похоже, и мы все застряли на этой станции...

Я, наконец, выбираюсь из толпы и ловлю себя на том, что не очень хочу топтать в это ЖКО исполкома. Сейчас меня просто душит неожиданно обретенный после базарчика простор. Да плевать мне на эту квартиру. А может, её и нету вовсе. Ничего так просто не бывает.

Я оглядываюсь на островок этой стихийной толкучки, и сердце моё тиснет боль. «А может мне этот Рерих привиделся», — вдруг сомневаюсь я. С каким бы удовольствием я сейчас бы принял стопку-другую водки и утопил бы свою душу в чем-то неконкретном. Правду говорят, когда мир вокруг сходит с ума, сам сатанеешь. Но ноги мои упорно тащили меня в эту чёртову контору «за пряником».

А у кабинета толпища — ждать тебе служивый прелестей от чиновников вечность. Но тут вдруг вываливается из казённых дверей эдакий сочный здоровяк в очках-хамелеонах. И голосом, не терпящим возражений, заявляет:

— Инвалиды войны и пенсионеры республиканского значения — вне очереди. И пальчиком, насмешливо. — Но по алфавиту.

— И откуда тебя, милого, Господь-то послал, — проворковал дедок с медалью за Победу на Германию на лацкане пиджака, шагая к двери. Остальная группа маленько отваливает в легком раздражении. И нас таких с ветераном Отечественной остается трое. Мы занимаем позицию за стариком. Блатноватый на вид парень с татуировкой

на кисти руки — якорёк со змеей, и я, без опознавательных знаков в обычных тёмных брюках и легком свитерке. Со времен новых демократических изысков я всё реже тянусь к военной форме. Разве что, на день Победы и свой армейский праздник. Ну, это святое. А сегодня моя форма чиновникам, как красная тряпка быку.

Блатноватый пошёл по алфавиту первым. У него фамилия была Акимов. Я, значит, второй. И, хотя он пропускал ветерана с медалькой, тот оказался неумолим. «Всё как положено». Впрочем, блатноватый был на комиссии недолго. За дверь вдруг разгорелся шум, какие-то нервные выкрики и, кажется, даже с матерщиной. Так что, блатноватый вылетел из кабинета задницей вперёд.

— Не обольщайтесь, пацаны. Эта комиссия «на хрен всех» называется, — весело обобщил парень и исчез.

— Начинается, — сказал ветеран.

Какое-то время там, за дверь держалась пауза — видно, члены комиссии отходили от первого посетителя. Но тут я обратил внимание на плюгавенького мужичка с ехидцей меряющего меня взглядом. Вероятно, этот ушастый хмырёк не доверял моему патриотическому прошлому. И своё сомнение ему нетерпелось выразить вслух.

— А вы, молодой человек, в какой кампании участвовали. Уж не в русско ли японской?

Тут я с трудом сдерживая себя сказал:

— В русско-афганской, лопухий вы наш.

— Эй ты, отвали от человека. Не видишь, что он инвалид, — поддержал меня крепыш из толпы.

Тут мне стало так стыдно. Провалиться бы сквозь землю. Благо, отворилась дверь, и пригласили следующего, меня, то есть.

— ... Должны вас огорчить, молодой человек. Пока квартир свободных нет. Сейчас ведутся разговоры о создании вторичного рынка жилья. Мы вызвали вас с целью перерегистрации. Всех льготников приглашаем. Мы не исключаем в будущем субвенций Минобороны. Это по вашей линии, — сухо, монотонно говорит мне очень ухоженная дама средних лет за большим руководящим столом. Тут же по правую руку от неё, у стены на стульчиках чинно устроились несколько деятелей, во главе с тем самым амбалом — полагаю, это представители служб по интересам. Но у всех одинаково заостренные на милый отказ лица. — Мы, конечно, попытаемся войти в ваше положение, к тому же нам постоянно напоминает о вас поток «кричащих» писем из государственных органов. Но поймите и нас. Ну, во-первых, вы не один, а во-вторых, ситуация с жильём архикритическая сейчас. А ваше министерство только обещает квотировать своих.

— Все обещают. А что остаётся. Время сейчас такое, — вдруг поддержал руководящую даму этот амбал в очках хамелеонах. — Тут не из чего бюджет свёрстывать.

— Словом, как только что-то прояснится, мы с удовольствием пригласим вас за ордером, — подхватила дама.

— Ну что ж. Подожду. Я верю в возможности Родины, — брякнул я, остановив взгляд на хитровой ухмылочке амбала. Эка загнул офицер. И мне вдруг стало всё равно.

— Вот и хорошо, — постучала карандашиком по столу дама. — Сожалею, что сегодня мы не имеем возможности вам помочь. Конечно, по большому счёту вы заслужили.

«Ну и на том спасибо за сладкую пилюлю», — подумал я, пробираясь к выходу. А едва перешагнул порог своего дома, позвонил тесть.

— Ну что там? Я весь в нетерпении...

— Нормально. Проводили с почестями и на самой патетической ноте.

— Вот суки, отказали...

— Вежливо. И, как верно заметил один из страждущих получения пряника от Родины — эта комиссия называется «на хрен всех».

— И «спасибо» вам ещё передали за эпистолярный жанр, — съехидничал я.

— Чем могу, — не принял моего ехидства тесть. — Ну, ты, главное, не отчаивайся. Ещё не вечер. Все равно что-нибудь придумаем. Так что, не пори горячку. А может, стоит с этим главой, Витьком договориться?

— Как вы себе это представляете. Дать взятку? — напрягся я.

— А что — это идея, — оживился тесть. — Сейчас время мутное и, если баксами, — лихо пройдет.

— Ну, во-первых, у меня нет таких баксов в наличии, а во-вторых, я офицер, а не мошенник, — психанул я. — Интересно, как вы себе это представляете?

— Видишь, как ты?! Денег-то во-первых, а офицерство во-вторых, — ушучил меня тесть. — Сейчас берут все. Внаглую. И Витёк не исключение. Но только «зелёнькими». Дядька Сэм к нам в гости пожаловал. Ещё чуть-чуть и «тютю на Воркуту» наши ценности. В стране раздраз. Коммунисты не при делах, хоть и кабинеты высокие ещё занимают. Границы стали дырявые. Тачки импортные попёрли из-за бугра. Шмотки и харчи. Всё можно решить. Всё дело в сумме. Ты думаешь мне, старому вояке, коммунисту, легко это тебе советовать. Эхе...хе... Но пока такая вот правда. Ты бы вот напросился на приём к парнишке. И как бы так за разговором покаяться б за дерзость свою. Эти хлопчики такое любят.

— Эт, по-вашему, «я холоп».

— А кто ж мы теперь? Россия возвращается к тому, с чего начали. Уравниловка кончилась. Власть — это деньги. Большие деньги... А власть у него. Пока. В общем, наступи себе на горло. Побудь овечкой. Пройдет год-другой, и всё устанится. Там, глядишь, какие-нибудь выборы главы. А Витёк-то без власти, как кум без живота. Попрёт на повторный срок. Он только раскушает к тому времени. А тут и ты со своими братьями-афганцами. Так ему и нарисуй перспективу, когда под сукно баксы положишь, что на афганцев можете положиться. Ключет. Вот увидишь. И через неделю в хоромы въедешь.

— Хорошо рисуете, товарищ полковник. Мне и смеяться, и выть охота. Вот, только, по телефону вы зря.

— Не боись. Нет уже никакой прослушки. Особисты сами сейчас не знают, куда голову притулить. Но я тебе дело предлагаю, — вздохнул тесть.

— Да кто его выберет?! Он же папенькин сынок, коммуняка! — психанул я.

— Э, братка, плохо ты знаешь этих удальцов. У них щупальцы всюду. Ты думаешь, они тащатся от идеалов демократии. Ой ли, власть и только... Любой ценой. А то, что возьмёт — не возьмёт, так твоё дело предложить. Нынче за «зелёнькие» не то, что партию, маму родную сдадут. Это сколько ж соблазнов открывается. Можно целый город приватизировать. Это ж миллионы «зелёньких».

— Да когда ещё будут выборы эти? — едва ли не психанул я. Что-то меня стал утомлять этот разговор.

— Будут, будут и ещё какие. Чертям тошно будет. И в первых рядах — партийцы-чиновники. Потому как «нет у революции начала и нет у революции конца». Настоящих ленинцев с гилькин нос останется. Немошнные мы. Зато у комсомольцев зубки, вцепятся во власть, мало не покажется. Клыки-то волчьи отрастили, как на перемену погоды. Частная собственность на орудия и средства производства — это, я тебе скажу, стимул. За такими удальцами будущее. Они пока только рынки прибрали к рукам, да так, мелочёвку. А потом и всё остальное. Ну, у тебя задача проще. Ты эту мою демагогию можешь свернуть в трубочку... Что-то заносит меня в последнее время. В общем, собирай вырубку, переплавляй в баксы. Если надо, я добавлю.

— Одним словом, ваш эпистолярный жанр потерял актуальность, — съязвил я.

— Ну почему? Одно другому не мешает. Только, по-моему, сегодня вся страна

подналегла на письма. От беспредела. Хотя есть и самый простой вариант. Женись на своей Анюте...

— Это нереально. Жить напротив Галины — выше моих сил. Тем более, её Верушка — копия Маришки.

Тут Сергей Сергеевич сделал паузу — «Наверное, слезу пустил», — усмехнулся я.

— Да, это позиция. Комната в общежитии по-любому за тобой остаётся — гнёздышко-то уютное, считай, пойдёт за малосемейку. Со всеми удобствами. Плюс дача. Кажется, сейчас цены пошли в гору. На однушку наскребёшь.

— Нет. Дача — это святое, — ответил я, а сам подумал. — «Наверняка, все по полочкам с Эльвирой разложили».

— Ну, тогда собирайся с духом и топчи дорожку к Главе. Будь здоров.

Тесть положил трубку и как-то пусто, безысходно стало на душе.

9

Идея навестить главу администрации «с десертом» как-то затерялась в заботах. Впрочем, разговор о визите к нему я всё же держал в мыслях, скопил кой-какую сумму и перевёл в баксы. Но тут тесть решил продать свою «копейку» в надёжные руки, и я соблазнился — «пождёт Витёк, не горит» — подумал я. Водительское удостоверение у меня ещё со времён училища, а «ортопед» на левой ноге вполне справлялся с педалью сцепления. Правда, не сразу. Пришлось поработать. Но через пару недель я водил машину вполне сносно. Автоухарь тесть «тащился» от моей аккуратности. Во всяком случае, теперь мы с Анютой — чаще на даче. Но, бывает, она пропадает, — это когда количество нереализованных жизненных перспектив переходит в качество. Но о соглашении мы оба помним. Если забеременеет — быть свадьбе. Конечно, я ей помогаю материально — есть у меня теперь такая возможность, и она это ценит. Покупаю безо всякого случая цветы и не скуплюсь на подарки.

Наступила очередная осень — это когда на моей даче надо собирать урожай. Плодовых деревьев много, плюс несколько кустов винограда, — в целом, прилично. Но всё это надо закатывать по банкам, что в итоге ложится на плечи Анюты и её родителей. «Мама» Эля — жена тестя, как известно, «изделие штучное», она по природе потребитель, а не производитель, и поэтому приезд этой парочки вполне ограничивается скромным плодовым сувениром на дорожку...

— Это я, чтобы уродовалась у печки, закручивала банки?! — подбоченившись, разглагольствовала «мамка» Эльвира. — Да что я — ненормальная? Этими дарами все прилавки завалены целый год. Хоть свежими, хоть консервированными. Я сюда отдыхать приезжаю и дышать свежим воздухом, а не горбить.

И отдыхает. Завалится под яблоней на раскладушку, книгу в руки, и — гори оно всё синим пламенем. Правда, визиты их не так часты. Тесть замахнулся было на западное автоизделие, но сумма оказалась неподъёмной. А тут ещё и Эльвира подналегла: «На кой тебе, старый, иномарка? Ты на этой всем постовым, как заноза в зад. А на той с ветерком, сам знаешь, куда загремишь».

— Да не пугай, тарыхтуха, — отмахивался от неё тесть, но задумывался. Определённо в нём что-то сломалось после продажи «жигулёнка». Я уже и пожалел, что купил эту легковушку у него. Как-то, в очередной их приезд на дачу я спросил:

— Жалеете, Сергей Сергеевич, что продали машину?

— Есть маленько. Но я так решил. Не по возрасту уже мне шнырять по станциям техобслуживания, всех этих автожуликов стеречь. Это — только молодому. Наверное, Гаврюша, у меня период жизни такой. Сердце побаливает, поджелудочная что-то барахлить начала. А от этой Элюши-гавкуши одно только недомогание. Носится со своей молодостью. А выгоню завтра за забор, и никакой собаке не нужна будет. Вот к тебе на массаж табунами молодые девки ходят, и все, поди, холостячки.

— Большинство, — мрачно улынулся я, — не нравилось мне настроение старика.

— Всё ищут? Тебя, к примеру.

— Не задумывался. Я при исполнении...

— Не хитри. Было б что путное, задумался б. А чем я этой пантере не хорош? Ну, кто она такая? В турбюро работала, всё кавалера с портфелем денег искала. Детей от двух мужей народила. А те уж давно тропку к мамке потеряли. Сорок с хвостом! А всё — баба ягодка опять. Ягодка-то ягодка, да душок другой. Прости, что скажешь.

Такие разговоры тесть завязывал не раз. Но я как-то старался не «тянуть узелок». А тут выслушал исповедь до конца. Устал старик.

— ... Одна теперь радость — Верунька-внученька. Нет-нет, да и забегу с гостинцами. Поиграюсь малость. Маришка, точь-в-точь — она. Украдкой отвернусь, слезу пушу и дальше «улю-улю»... Вот такое моё теперь счастье. Я как тачку свою продал, как будто душу из меня вынули. Я на ней Маришку из роддома забирал.

— Так она ваша, в любое время берите, Сергей Сергеевич. Мы ж так договаривались.

— Э, брат, нет. Не в этом суть. В ней память. О женьке моей первой и единственной, о внучке. А то, что продал, так не в чужие руки. Это верно. Я вообще хотел тебе её подарить. Это — Элька всё. Удушится за копейку. Она мне за эту дачу всю плешь проела. А как мы тогда жили, Гаврюш, как жили?! — заплакал вдруг старик.

— А я до сих пор люблю Галю, — в тон ему проговорил я. — Мне всё кажется, что это сон. Вот проснусь...

— Нежный ты парень, Гаврюш. Сон? Если бы да кабы. А с Элькой уж и не знаю, что делать. Что-то случилось со мной, а что — не пойму. Сдаст она меня однажды в стардом и дорогу забудет.

— Ну что вы такое говорите? Креста на ней, что ли, нет?..

— Сердце жмёт, Гаврюш, чего-то, — вздыхает тесть, а в глазах тоска колом. — Мне всего-то шестьдесят два. Ну, какой я старик?

— Может корвалольчику? — предлагаю я скорее, чтобы сменить тему.

— Лучше уж рюмашку коньяку... Чего-то Пахомыча-Стаканыча нет?

— Наверное, не его смена, — говорю я и иду в дом за коньяком.

Теперь я на своей даче гость частый. Пахомыч помог мне обустроить стоянку под авто. Привёз на своей тележке бросового щебня — остатки от ремонта главной дороги. Утрамбовали в четыре руки... Как-то я лихо заруливаю к себе на площадку, а Пахомыч уж тут как тут. Навалился всем корпусом на свою палочку-стукалочку, хитро поблескивая глазами, заявляет:

— Уважь, Гавриил Алексеевич. Купи у меня велосипед. Я понимаю, он тебе сейчас не к надобности, но всё равно уважь.

— Да что случилось? — ни хрена не понимаю я. Шутит, что ли, сторож?

— Хотя у тебя и транспорт серьёзный, а велосипед — вещь нужная. Вот захочешь полюбоваться природой, и каждая тропка — твоя. Особенно, у озера.

— Не хитрите, Кондратий Пахомович? Что нужно? Денег? Я вам и так дам.

— А так неинтересно. Я тебе вещь предлагаю. Хороший велосипед. Марки ХВЗ в очень-таки душевном состоянии. ХВЗ — чуешь?!

— Нет, не чую.

Определенно, хитрит сторож.

— Известная марка, при прошлом режиме ещё изготовлена. А переводится «хрен вам засранцам», то есть, летит быстрее ветра. Тут сторож серьёзнее. — А если честно, деньги нужны. Внучку замуж отдаём.

— Сколько? — улыбаюсь я. — Убедили.

Пахомыч называет сумму, я добавляю сверху и без возражений — это мой вклад в копилку молодой семьи. Спрашиваю, когда Пахомыч подкатывает мне этот ХВЗ.

— А как же теперь вы?

— А у меня еще один есть. попроче. Тут как-то бродяга выменял у меня на литруху самогона. Взял так, на всякий случай. И вот он случай.

— Ну, вы хитрец. Вообще-то у меня в детстве был такой велосипед, на двоих с братом. Харьковский завод — фирма! Радости было...

В тот же день я опробовал велосипед. Увечная нога, конечно, давала о себе знать, но я подумал, для тренировки — в самый раз. Погонял по окрестностям с ветерком и, конечно, к озерку. Старик оказался прав — давно забытое удовольствие подняло настроение, как бы слегка отодвинуло мрачное настоящее. Так что вернулся я к себе, без преувеличения посвежевший. А Пахомыч тут как тут.

— Ну, что я говорил. Второе дыхание, да?

— Эт точно, второе...

— Ну а за то, что ты меня поддержал в такую минуту я тебе ещё и парочку крольчат подброшу. Для развода.

— Это, конечно, широко, Кондратий Пахомыч, только мне такое хозяйство ни к чему, — категорически отказался я.

— Так я и знал, что ты начнёшь брыкаться. А зря. Давай попробуем. Мясо кролика — диетический продукт. И потом, тут рядом один хозяин разорился, залез в какую-то афёру — с молотка своё подворье двинул. А там у него целая кроличья ферма. Вот я и прикупил. И не жалею. Пару клеток для начала я тебе поставлю. И сам буду следить за выводком. Как за своими. Твоё дело потреблять продукт, — уговаривал Пахомыч. — Ну, так как — по рукам? Я заколебался. Ещё кролов мне не хватало. Но он подал мне свою лапищу. Настаивал — кормёж, уборка — не твоя забота. Ну, какую копейку, эт да. На расходы. Время сейчас, сам знаешь, какое.

И я пожал ему руку. — Ну, раз вы так считаете. Надеюсь, что украдут, — неудачно пошутил я.

— Типун тебе на язык, — обиделся старик.

... В следующий наш приезд с Анютой мы обнаружили впритык к баньке деревянную с металлической крольчатницей избушку. На нас смотрели прехорошенькие мордашки.

А в середине октября, когда мало-по-малу тускнеет золото осени и от озерца колюче потягивает илистой влагой, я впервые затапливаю камин. Ночи падают тяжёлые от темноты, хотя небосвод звёздный, близкий — рукой подать. Уже третью неделю я приезжаю на выходные один, без Ани. Она опять пропала, телефон молчит. На этот раз я её уже не ищу, просто мучительно держу удар. С клиентами как-то само собой вышла небольшая пауза — я называю это «пересменкой»: мои постоянные в массе своей «отпроцедились», а новые только поспевают. В один из таких выходных, под вечер, я сижу на порожках дома, отдыхаю и вдруг слышу в глубине сада у дороги шум легковушки. Затем шлепок двери и появляется моя Анюта. Она с причёской, в модном блейзере и слегка подшофе. Весела.

— Привет, Апраксин, — подаёт она мне руку, и видок у неё официальный. Я пожимаю её пальчики — чёрт возьми, никогда её не видел такой. Очень красивой, какой-то новой и... чужой.

— По-моему, ты подшофе, — едва произношу я.

— У меня веские основания, Апраксин.

«Чёрт возьми, она никогда не называла меня по фамилии. Ерунда какая-то», — нервно думаю я, а вслух говорю. — Ну, давай валяй свои веские обстоятельства.

— Я выхожу замуж, — ничуть не шутит Анюта.

— Чего так вдруг? — едва бормочу я.

— А вот так сразу, без объявления войны. А вы, однако, побледнели, офицер. Жалко стало?

— Жалко. Просто как-то неожиданно, — тут я изо всех сил подавляю в себе

трагика. Конечно, я взволнован. — Так ты приехала, чтобы пригласить меня на свадьбу?

— И не только... Я хочу, наконец, расставить все точки над «i». Сколько мы не виделись — почти месяц? И до этого встречи у нас были так — на бегу. Вот я встретила человека. Собственно, я его знала и раньше — он учился в параллельном классе, бегал за мной. Вот и вся история.

— Ну, что же, поздравляю. Я могу поинтересоваться, кто он?

— А я тебя сейчас с ним познакомлю. Он предприниматель.

— Стоп, только без этого, без знакомства. Может, пройдёшь в комнату, а то стоим на пороге, как чужие, — предлагаю я.

— А мы всегда были чужие, — так и подхватывает Анюта. — Ты заскучаешь, зовёшь меня. А весь там, у моей соседки. Ну, давай пройдем. Подождёт. Он терпеливый, он меня долго ждал.

В комнате Анюта садится к камину.

— Вот видишь, у тебя камин догорает. Наше последнее тепло.

Тут я не знаю что сказать. Я просто сажусь напротив неё и гляжу ей в глаза. И зависает тяжёлая пауза. Когда уходит от тебя близкий человек, да так вот неожиданно, меняется фокус из резкости в нерезкость — всё вокруг смазывается, теряет краски. Это потом память оставит от последней встречи какую-нибудь пикантную деталь — родинку, например, — и ты будешь её жевать, жевать... Но сейчас пауза не в твою пользу. Слов нет. И ты видишь вдруг себя со стороны её глазами. И понимаешь, — мир рухнул в очередной раз, и этого человека больше с тобой нет и не будет никогда. И только потом, позже оценишь: вот это и было настоящее, ставшее вдруг прошлым. И ещё — эту чертову родинку...

Так устроена жизнь — прошлое всегда дороже настоящего.

Анюта вдруг берёт мою руку.

— Понимаешь, Гавр, я беременна от него. С тобой ничего у нас не выходило, а с ним сразу. Он мне нравится как человек.

— Значит, мы с тобой встречались, а ты была с ним. Это как-то называют в народе?

— Всё, стоп. Поеду я. Ты мне ничего не обещал. И вообще, ты не со мною был, а с ней. Я терпела, сколько могла. Но я, кажется, повторяюсь. Так что, офицер, все претензии к себе. Поеду я.

— Тебя проводить? — говорю я спокойно и даже с улыбкой. Мне стоит немалых усилий собрать своё мужество в кулак.

— Ну, проводи, если хочешь взглянуть на моего знойного кавказца, — издевается Анюта. — Так, скажем, оценить мой вкус.

Я иду за ней до своей стоянки, на которой замерла в нетерпении красная девятка. Из неё тотчас выскакивает широкоплечий, чернобровый паренёк в джинсовом костюме. Отворяет дверь.

— Может, познакомишься? — целует меня в щеку Анюта.

— Не стоит, — говорю я, поворачиваюсь и ухожу прочь. В доме я наливаю себе полстакана водки, подхожу к камину и говорю вслух:

— Один пролёт, с Галей, — это нормально. Два пролёта — это уже клиника.

Но пить не хочется, и я выплескиваю водку в почти догоревший камин. «Чёрт возьми, я где-то видел этого знойного кавказца».

Впрочем, на следующую день Анюта звонит мне в общагу.

— Не могу я без тебя, Апраксин. Мне что, делать аборт? Я не люблю его. Не люблю. Это мой протест твоему равнодушию. Ты ни разу, даже в близости не сказал, что любишь меня...

Я молчу. У меня была бессонная ночь. Кажется, я крепко привязался к этой особе.

— Но я боюсь делать аборт, Апраксин!

— Не делай. Всякий аборт вреден. — Нудно провоцирую я её на нервный взбрык. Пусть бьётся в истерике, ревёт. Я её в постель к «знойному кавказцу» не загонял. «О, Господи, как же тебе не везёт с бабами, офицер».

— Ты сам виноват. Ты мне ничего не обещал, — едва ли не орёт в трубку Анюта.

И тут вдруг перед глазами встает лицо этого Анютино жениха и меня начинают мелко сотрясать судороги смеха. «Господи, так это же водитель Аганес, тот самый таксист, который когда-то вёз меня из аэропорта. Я наполняю просто гомерическим хохотом трубку, и Анюта в сердцах бросает свою. А после приступа я набираю её номер — она на проводе, и я спокойно говорю:

— Не делай так больше, Аня.

— Я отчаялась ждать. Это нервы толкнули меня на такое безрассудство. Ты при-
мешь меня с ребенком?

— Приму, только со своим.

— Это как понимать?

— А так. Вы, мадам, беременны своей фантазией. А этот парень по имени Аганес мне знаком. И ни в какой школе он с тобой не учился. Он таксист. Он подвозил меня однажды, когда я возвращался из Афгана. Он меня забыл. Но я-то помню тот незабываемый день. В деталях.

— Сколько уж лет прошло, — вздыхает Анюта. — Дура я. Чего только не нафантазируешь от отчаяния. И что же теперь? Ты меня бросишь?

— И не подумаю. Это ты правильно сделала, что щёлкнула меня вчера по носу. Подробности минувшей ночи опушу. В любви признаваться не буду. У меня теперь принцип — никогда и никого не поощрять этими словами. Скажу тебе так: ты очень дорога мне...

И я положил трубку.

А следующей ночью, когда я накрепко закупорил стресс редким по качеству сном, срывают меня с постели пронзительные, как межгород, звонки телефона. А в трубке «его величество» тесть. Он пьяный в хлам, едва ворочает языком. Впрочем, на втором плане и вовсе бурелом из голосов, звуков музыки, каких-то выкриков и матерщины.

— Гаврош, я тут с такими людьми. Ташусь, — пьяно потягивая слова орёт тесть. — Я, кажется, нашёл ход к нему... Ну, к этому... отгадай, мать твою?

— К кому? — ни черта не понимаю я. — Когда тебя вот так нагло вынимают из тёплого сна, мир становится по фигу. — Проспитесь, потом, Сергей Сергеевич.

— Не клади трубку, босяк. Это нужно не мне, а тебе. Должен же кто-то думать о тебе. Ну, к хрену этому, которому нужно что-то дать... прежде чем взять. Тебе что ещё надо разжевать? Я звоню из общественного места, врубился?

«Так, кажется, тесть шифруется. Определённо. Крыша поехала, — подумал я. Не хватало только явок и паролей, конспиратор».

— Сергей Сергеевич, давайте завтра на свежую голову шифроваться будем. Как там Эльвира? Она с вами?

— Эльвиру я послал. У меня сейчас Земфира, — гогочет тесть. — Ты меня не отвлекай от главного направления. Стань по стойке «смирно» и слушай. Я старший по званию.

— Второй час, какая стойка, — взмолился я.

— Встал, ну, вот и добре. Теперь даю наводку. То есть, обозначаю прицел. Ты, как великий маг и волшебник, должен совершить чудо... У матери этого пупа, ну, ты понимаешь о ком я, то ли с позвоночником, то ли с унитазом большие проблемы. Рубишь?

— Пока смутно. У какой матери? Какого пупа, ни черта не понял. И при чём тут унитаз?

— Какой унитаз? Ты чё, доктор?! Таз — это откуда ноги растут. Ещё раз для

тупых. — Тесть тут сделал паузу, с кем-то там перебросился матерным словом и запыхтел в трубку. — Эт я не тебе... Ну, мать твою, я набрался... Довела меня Земфира до цугундера. Ну, так, даю наводку ещё раз. Для тупых. Мать у этого босяка, ну, главного пупа лежит лежнем уже с полгода. Собака её напугала, и ноги отнялись. Ежели подпишешься и поднимешь её, пупу этому твою проблему решить, как два пальца об асфальт. В общем, я нужному человечку поведал о твоих магических руках. Теперь рубишь?

— Смутно. Но что, кроме меня никого нет? Пусть везёт её в столицу. У него власть, связи, — дошло, наконец, до меня.

— Да возили, думаешь, ты один такой умник. И в Питер твой, и в Москву. Все за голову берутся, смотрят, светят, а — как лежала, так и лежит. Во какая штука.

— Ну, я не Бог... Давайте по трезвой обсудим, Сергей Сергеевич. Спать хочется. Потом как-нибудь.

— Ну, ты даешь, доктор. Когда потом?! Я аж протрезвел от твоей глупости. Я тут всех убеждаю, что ты маг, чародей, а ты в кусты. Ты понял — все твои проблемы решатся. В общем, я наколку с твоего позволения, дал. Жди гостя.

Щёлчок, и короткие гудки.

От разговора с тестем — сумятица в голове, а за ней бессонница. Уснул я под утро — всё пережевывал этот пьяный тестев десерт. Оно понятно, у главы администрации лежит мать. Отнялись ноги. Доктора и, надо полагать, со званиями и именем бьются, да всё без толку. Конечно, не зная диагноза ввязываться в авантюру — это подорвать авторитет, и чего хуже — потерять собственную клиентуру. Значит, отказать сразу с колёс. Но осматривать-то всё равно придётся. Раз тесть «наколку» дал.

Утром следующего дня раздаётся звонок.

— Здравствуйте. Вы Гавриил Алексеевич Апраксин?

— Так точно. Здравствуйте.

— Я Соболев Антон Евсеевич, заместитель главы администрации по социальным вопросам. Вы доктор?

— Ну, где-то да, — ответил я. Конечно, я предполагал, о чём пойдёт речь, но не думал, что так быстро.

— То, что рассказал ваш родственник — это правда? У вас есть какая-то особая методика лечения больных с поражением опорно-двигательного аппарата.

— Вообще-то я массажист, но в практике бывали разные случаи.

— И очень тяжёлые? — насторожился этот Соболев.

— Бывали и очень тяжёлые, — искренне ответил я (и это была правда). — Поднимал. Не жалуются.

— Знаете, доктор, тут совершенно уникальный случай. Обследование на самом высоком уровне, при новейшей диагностической аппаратуре, плюс консультации высококвалифицированных специалистов, профессура, а результата нет.

— Я немножко в курсе. Вы хотели, чтобы я осмотрел? — тут возникла немислимо-длинная пауза, и я почувствовал на том конце провода сомнение.

— Пожалуйста, если вас не затруднит. Кто знает? А, извините меня за нетактичность, какое у вас образование?

— Медицинское, Антон Евсеевич, медицинское, — обобщил я. — Назначайте время, адрес, я подойду.

— Нет, зачем же, мы за вами заедем. Прямо сейчас можно?

Тут я подумал, что расшифровывать место своей дислокации высоким чиновникам не стоит. Не тот случай. И предложил встретиться на перекрестке Флотской и Громова через полчаса.

Черная «Волга» подкатила за мной секунда в секунду. Рядом с водителем сидел тучноватый, с хорошим брюшком мужчина в возрасте. Легкий сезонный макинтош светло-серого цвета, шляпа, а над ней крупные черты лица без кровинки — типич-

ный чиновник, штучное изделие номенклатуры. Он протянул мне небрежно через плечо руку, улыбнулся.

— Будем знакомы, Гавриил Алексеевич, ближе.

— Будем, — пожимая его горячие пальцы, ответил я, ловя себя на неожиданном волнении.

— Я предполагаю, что-то тут не то. А, вот, что? — вслух задумался Соболев, — Загадка природы. Шла с работы через парк. Она трудилась в управлении стройтреста, старшим инженером. И тут вдруг собака, дворняжка, прыгнула на неё, свалила с ног; благо, здесь случайно оказались прохожие, отбили. И ни одного укуса. Ну, шок, понятно. Накололи успокаивающие в ближайшем медпункте. Потом вызвали ещё домой врача психиатра, он тоже дал какие-то рекомендации. Выписал лекарство. Недельку попила таблетки — всё нормально, вышла на работу. Только с работы её привезла «скорая». Не может становиться на ноги. Падает. Дальше хуже, вообще перестала подниматься. И начались мытарства по клиникам. И в столице лежала, и в Питер на консультацию летали. Ничего не находят. Но, хоть убей, на ноги не встаёт. Даже бабу-знахарку приводили. Она её травами да божьими отварами лечила. Только, всё без толку. А ни в какой сглаз я не верю, я сторонник здравого смысла.

— Сидит? — спросил я.

— Нет. Какое там. Похудела. Ножки, ручки, как плети болтаются. И ест совсем плохо... И вообще...

— Верующая? — перебил я.

— Не понял. Вот вы, офицер и наверняка коммунист, верующий?

— Там, где я был, без веры нельзя было. Партбилет не индульгенция от пули.

— В другое время вы бы так не сказали, — нахмурился этот Соболев и ушёл в себя до самого прибытия на объект.

Я настроился увидеть на роскошном ложе исхудавшую, пожелтевшую от безнадёги старушку, а увидел вполне молодую, лишь в лёгком бризе увядания, женщину с небесно-синими глазками, в которых замерло сейчас почти детское удивление и лёгкий каприз. Впрочем, во всём её облике была какая-то девичья, не тронутая временем прелесть, и только лишь глубоко запавшие дужья у носа выдавали усталость, болезнь. Я не думаю, что лишь к визиту доктора она подвела глазки и сделала лёгкий макияж — это привычка всех ухоженных женщин, невзирая ни на что, любить себя, и это меня особенно тронуло.

— Садитесь, доктор, вот сюда на стульчик, — пригласила она. — Вы ещё такой молоденький.

— А доктора, Галина Сергеевна, зовут Гавриил Алексеевич, — представил меня из-за спины Соболев.

— Я думаю, он сам о себе расскажет, — сухо поставила его на место моя пациентка. А у меня так и отозвалось: «Надо ж, такое совпадение — Галина Сергеевна, как моя бывшая жена».

А когда Соболев закрыл за собой дверь, она сказала ему вслед:

— Топчутся тут сочувствующие, а толку с них никакого. Все выслуживаются перед сыном.

Я присел на стульчик рядом с кроватью.

— Ну, что болит, где болит, — улыбнулся я и взял её руку, нащупал пульс. Удары частые, но ровные. «Волнуется дама».

— А ничего не болит, доктор. Только ножки мои чужие стали, — улыбнулась она через силу, гася печаль в глазах. Вот жила, жила, и ни с того, ни с сего инвалидкой стала. И всё думаю, — за что? Я всегда шла навстречу людям. Вот и сейчас храму помогаю. Это, наверное, сынок мой очень кого-то прогневал.

— Скажите, Галочка Сергеевна, вам снится эта собака, ну та, которая набросилась на вас, — спросил я, напрочь проигнорировав «сынка».

— По свежим следам, да. И часто. А сейчас реже и, кажется, на погоду.

— А вы ей простите. Глупое существо.

— Да я совсем уже и не думаю о ней. Чем меня, только, не лечили. Даже гипнозом. А таблеток я сколько приняла?! Какой-то больничный «Освенцим» мне устроили. Я каждый раз со страхом встречаю нового целителя. Простите, уж.

— А вы больше не думайте ни о ком. Забудьте их всех. Давайте, я сейчас вас осмотрю, массажик лёгкий сделаю.

— О, Господи, доктор! Вы только не обижайтесь, сколько меня уже вот так осматривали. Помогите мне снять рубашку.

Я помог ей снять рубашку, машинально отметив гладкую, шелковистую кожу и абсолютное отсутствие каких бы то ни было возрастных изменений.

— Давайте, Галочка Сергеевна, мы так договоримся. Вы будете мне помогать. И главное, будете в меня верить.

— А влюбиться в вас можно, доктор? — хитро блеснула она глазками. — Я шучу.

— Нет, отчего же. Если это поможет делу. А теперь вот такой для начала массаж. Без прикосновения. Я буду водить руками, а вы будете говорить, где вам холодно, а где жарко. Ну что, попробуем? Начнем со спины. Я подношу руки.

— О, господа, как горячо, какое блаженство... Что вы со мной делаете, — заплакала вдруг пациентка. — Как это у вас получается?

— Не знаю. Это, наверное, Небо.

... Потом я делаю легкий массаж поясничного отдела, разогреваю икры ног. И пытаюсь усадить её без своих усилий. У неё получилось с третьего раза. Она села на кровать и заплакала.

— Первый раз за последние три месяца я села сама. Как мне эти утки надоели — хороший мой, добрый, доктор, — тянется она вдруг целовать мои руки. — Я могу позвать Соболева? Пусть он увидит, что я сижу сама. А то он тоже никому уже не доверяет. Он всех считает шарлатанами... Пусть посмотрит. Только набросьте на меня халатик.

Я надел на неё халат и пригласил Соболева. Тот аж побледнел от изумления.

— Я сама села, — сказала Галочка Сергеевна с детским лукавством в глазах.

— Как это вы так смогли, доктор?

Я пожал плечами.

— Руками, коллега, руками, но и сердцем, конечно. В нашем ремесле по-другому нельзя. Только до выздоровления ещё далеко. Да кстати, Антон Евсеевич. Небольшая, но важная деталь — массажный стол. Я бы мог привезти свой, но у меня клиенты.

— Не беспокойтесь. Завтра ваше рабочее место будет вас ждать.

Я попрощался с Галочкой Сергеевной, и даже поцеловал её в щечку. Возвращая меня в общагу, Соболев вдруг сказал:

— Знаете, сколько сейчас развелось шарлатанов массажистов-целителей. В лучшем случае, с дипломами медучилища. Откровенно говоря, я был в большом сомнении. А что вы, всё-таки, закончили? Я знаю, вы прошли Афган.

— Ленинградскую военно-медицинскую академию. Я — хирург.

— Ого! Не понял? После такой-то фирмы?!

— И массажист, — улыбнувшись, подхватил я. — Знаете, один хороший врач как-то сказал мне: «Это не важно, чем исцелять человека, голыми руками или скальпелем. Важен результат».

— И всё же вы хирург. Если передумаете, буду очень рад вам помочь. И, похоже, вы хороший хирург.

— Спасибо. Но давайте пока поднимем женщину.

— Да-да, поставим на ноги, — просветлел этот Антон Евсеевич Соболев. — Как вы думаете, надежда есть?

— Не мне вам говорить. Все такого ряда болезни в подкорке. Если нет патологии. Там и исцеление. — Я хотел добавить «И ещё от Бога», но служака-чиновник этого бы не понял.

— А вы знаете, её даже специально пугали. Ну, чтобы «клин клином»... Только стало ещё хуже.

— Да нет же, не пугать надо, а любить человека, — искренне возразил я. — У неё, я так понял, дефицит любви. И к тому же очень пикантный возраст. У сынка на плечах город, он занят проблемами, ему некогда. Создал мамке относительный комфорт, а душа... это не его сфера деятельности. Так я понимаю?

— Тут я определенно ничего сказать не могу. На Викторе Яковлевиче сейчас огромная ответственность. Мы все работаем на разрыв. Проблем полно. То хоть партия брала на себя часть ответственности. А сейчас в стране тяжёлое время; всё сами.

Вот на этих словах мы и расстались. Я попросил, чтоб за мной больше не заезжали. Сам доберусь — это моя работа.

Вечером позвонил Сергей Сергеевич.

— Ну, как успехи?

— Нормально.

— Но ты поставил её на ноги? Ты же кудесник. Маг — волшебник, — хитровато польстил тесть.

— Быстро вы хотите. Пока самостоятельно села, но до полного излечения ещё далеко. Так это вы с Соболевым вчера рассекали? — спросил я.

— Эти господа-товарищи по таким заведениям не ходят. Со сватом его, заместителем местного военкома, ну и ещё кое с кем. Вот так, слово за слово, «рюмец за рюмцом», и поведал он мне такое про несчастье у главы. Ну, тут я про тебя и вспомнил, про руки твои волшебные. Значит, посадил даму на попку, говоришь. Сама постаралась. Ну, это уже часть дела. А то ж лежала, вообще, как бревно. Ну, внешне, как она? Старушка?

— Очень даже приятная дама. Чуть старше вашей Эльвиры. — Я вдруг уловил себя на том, что не хочу обсуждать матушку главы, Галочку Сергеевну.

— Но ты уж там выложись. Пока ты только на душевный разговор с энтим товарищем заработал.

— Спасибо, постараюсь, — ответил я, когда в трубке уже звучали короткие гудки.

На следующий день в доме главы рядом с постелью больной меня поджидал массажный стол с подвижным подголовником и прочими удобными деталями современного лечебного устройства. А набор ароматических мазей и прочих аксессуаров убеждал, что в меня поверили и за дело взялись всерьёз. Пёстрые импортные тубы и пузырьки весело стоят на инкрустированной под золото тумбочке восточной работы.

Впрочем, следующий и последующие сеансы большого прогресса не дали. Хотя после третьей встречи Галочка Сергеевна садилась легко и даже пыталась сбрасывать ноги с массажного стола, при моей, разумеется, поддержке. Конечно, я выкладывался, я подчинил всю свою волю главной задаче. И дело не в квартире — плевать мне сейчас было на «пряник» от её сынка, — какая-то необъяснимая сила тянула меня к постели этой несчастной женщины, и я выкладывался. А время шло. Успех, так резко обозначивший себя вначале, вдруг затоптался на месте, и в глазах моей пациентки я всё чаще прочитывал сомнение на грани отчаяния. Придирчиво следивший «за процессом» Соболев однажды, вдруг бросил в сердцах:

— Похоже, дело «швах». И вам это не под силу.

— Не торопитесь, встанет. Обязательно встанет, — вдруг неожиданно для самого себя заявил я.

Дни бежали. Вот уж и заканчивался ноябрь. За окном пусто, уныло, гуляют только

промоглые ветры, да срывается с серых небес то морось, то снежинки. Все мысли мои, да и, кажется, я весь там — в доме матушки главы. Я уже начал привыкать к роскоши, к запахам этого семейного ларца, в котором лежала убитая несчастьем женщина. И даже вне этого дома я вдруг нет-нет да и ловил себя на том, что хочу её видеть. Я уже и забыл, когда последний раз был на даче и встречался с Анютой. Впрочем, с Анютой мы постоянно на связи — она в курсе моих проблем с исцелением матушки главы и не торопит нашу встречу. А если учесть, что осенью у меня традиционно полно клиентов, и я зверски устаю, встречи само собой, откладываются. Не забывает «делать звонок» Пахомыч. Там, на даче у моей живности, кажется, «процесс пошёл», и моя самочка-крольчиха «понесла».

Жигулёнок стоит сиротой под окном общаги. Какие-то уроды сняли боковые зеркала. Тесть посоветовал не ставить новые, «не дразнить лиха». В салоне-то есть всё равно зеркало заднего вида. Но я очень расстроился и начал искать по газетам объявление о сдаче гаража на зиму. Пока однажды тесть не предложил перегнать мою «копейку» на стоянку во двор военкомата. Там он её когда-то ставил. Договорился.

И всё же я верил в успех. Всякий раз, встречаясь с Галочкой Сергеевной, я поражался её чувственным глазам, каким-то очень редким, эдакого одухотворенного радостью жизни ребенка. Они ни образом, ни подобием не походили на волчьи глазки сынка — должно быть в этом месте природа обманулась, и ДНК юркнул в далёкую, фантомную пропасть предков. И всякий раз вместе с нахлынувшим на меня волнением, я чувствовал какое-то особое, человеческое расположение к этой женщине. Тонущая в богатстве и подобострастии окружения — она была одинока, а эта беспомощность только усиливала одиночество. Однажды я, сам не зная почему, спросил у неё:

— Галочка Сергеевна, вы верующая?

Она призадумалась. Поджала губки.

— Скорее нет, чем да. Это, мальчик мой, очень личное. Если честно, я не знаю. Мой папа был коммунист, и такой истовый. Икона в доме — господи упаси. Это опасно. Работал в райкоме секретарем по идеологии ещё в сталинском партийном аппарате. Там дисциплина была жёсткая. Его расстреляли в 52 году. По лживому доносу. Я ещё ребенком была. Потом реабилитировали посмертно. И муж попался — истовый партиец. Не любила я его. Но сыну он успел вложить в душу камень — такую же истовую жажду власти. С мужем мы расстались. Он всё боялся, что это как-то повлияет на его партийную карьеру. Но, ничего, ограничился строгачём. А через год уже отделом обкома командовал. «Несгибаемый ленинец», — чему-то своему ядовито усмехнулась Галина Сергеевна. — Жив-здоров, что сейчас после последних событий, делает, не знаю, да и не хочу знать. Это сын с ним постоянно на проводе. Два сапожка. Конечно, когда приспичит — все к Богу, и я не исключение. Вот крестик надела, знахарка тут мне его подсуетила, когда хвороба меня в постель уложила. Вообще, говорят, неверующих нет. Как там: «Да», «Нет» — остальное от лукавого. А крестики мне теперь золотые дарят. И не только. У всех проблемы, думают, — я какое словечко замолвлю сынку своему. Только всё без толку. Людей жалею. Но мой сын другой, с ним договориться сложно. Конечно, он многого добился. Сам. Школу закончил с отличием. Университет с красным дипломом. Но он другой. Ничего моего. Обидно. У него сейчас самая любимая мама — власть.

— Но разве вам не льстит его карьера? — подсластил я момент. — Успех детей — бальзам родителям.

— Бальзам?.. Вы женаты?

— Был. И ребёнок был. Девочка. Погибла нелепо. Я в это время в Афгане службу проходил.

— Извините. И как вы всё это пережили?

— Пережил, Галочка Сергеевна, давайте лучше о вас, — обрываю я разговор.
— Пора бы уж нам начинать ходить.

— Я не против, пора. Извините, а как же вы в Афгане с крестиком-то? Вы же коммунист? По уставу не положено. Строго. Вы должны быть истовым атеистом.

— Не положено? Да. В свете решений партии, — усмехнулся. — У меня медальон был с фотографией дочери. Вот она и была моим ангелом-хранителем. А у солдатиков крестики были. Командиры к этому относились с пониманием. Война. И вообще, после Афгана у меня другое представление о вере.

— И где же сейчас этот медальон?

— Затерялся после ранения... Но что-то мы, Галочка Сергеевна, заболталась. Пора уж и к делу. Ну что, согласны гулять со мной?

— Не только гулять, но и танцевать с вами хочется, — ласково улыбнулась мне Галина Сергеевна. — Только, вы шутите. Если честно, я уже в это не верю. Бога во сне видела однажды. Я бросилась к нему, а он от меня отвернулся. Вроде ничем таким я его не прогневила, нехороший сон...

... Да, это был тот самый день поздней осени, когда, наконец, расставились все точки над «і». Кажется, я сказал тогда с улыбкой, просто так, ничего не имея в виду: «Сегодня будем гулять». И ничего не предвещало тогда успеха, но сердце моё подсказывало: именно сегодня, сейчас всё и решится.

— Ну что, Галочка Сергеевна, будем вставать на ноги и начнём гулять.

— Сначала ходить, — поправила меня женщина. — Но ноги с массажного стола спустила легко. И улыбнулась ещё дерзко, как бы принимая игру на веру. — А где будем гулять?

— А где хотите? — напрягаюсь я, и контролирую каждый миг.

— Я везде хочу, соскучилась, но только не в парке, — улыбается женщина и вдруг освобождает от меня руки. Стоит!

На лице одновременно и удивление, и страх, и улыбка.

— Я стою, сама? Я стою! Я стою!

И тут я вдруг почувствовал вокруг себя огненный шар. И сразу увидел — там в углу, за инкрустированным столиком с флаконами и пузырьками старика Рериха. Он чертовски весел. Он подмигивает мне. Смелее, офицер, смелее...

Я умышленно отступаю от неё, и она делает шаг за шагом мне навстречу. И не беда, что на глазах её слезы и ещё какое-то упрямство и злость, — она просто, стиснув зубы, движется ко мне. Усилие за усилием... Ещё и ещё... Конечно, я боюсь её, и она это понимает, и на лице в мелких бисерках пота тает последнее сомнение. «Я иду, господи, я иду» — кричат её глаза. Тут открывается дверь, и в комнату вваливается Соболев. На лице его смятение медленно, от понимания момента, переходит в восторг. Кажется, он готов хлопнуть в ладоши. Но тут Галина Сергеевна со слезами и каким-то гортанным вскриком падает мне на грудь.

— Я пошла! Я пошла! Я чувствую свои ноги. Господи, какое счастье!

Тут она горячо целует меня в лоб, в губы, и я вижу сквозь её и свои слезы лишь растворяющийся в стене силуэт Рериха...

Но следующий день какого-то серьёзного прорыва не дал. Всё повторилось — она делает несколько шагов навстречу, и я подхватываю ее в падении. И так, повтор за повтором. Но все-таки, я вижу на лице женщины, выражение какого-то злого упрямства, и это дает и ей и мне силы. И мы повторяем ещё и ещё. Тут я вспомнил себя — после ранения и долгой лежки ноги были чужими, ватными, да плюс увечье... И вдруг, почти отчаявшись, наступает перелом, а за ним, наконец, уверенность. В один из таких наших занятий появился сынок. Конечно, он сразу узнал меня — «дерзкого афганца». Что ж, «мир тесен». Но руку протянул, как ни в чём не бывало.

— Спасибо. Очень рад. — И едва улыбнувшись, спросил у меня:

— Может, необходима какая-то ещё помощь?

— В некотором смысле моя работа закончена, — сказал я, перехватив весьма печальный взгляд Галины Сергеевны. — Здесь уже нужен обычный инструктор. Я думаю, вам не откажут в травматологическом отделении.

— Вас понял. Что мы вам должны, доктор? — прямо глядя мне в глаза, спросил сынок, становясь вдруг «Витьком — хозяином». — Каждая работа требует вознаграждения.

Честное слово, я оказался не готов к такому развитию событий. Опешил.

— Виктор, ты поставил Гавриила Алексеевича в неловкое положение. Такие дела решаются «тет-а-тет».

— Мамочка, ты права, — вяло улыбнулся сынок и подал мне руку. — Я жду вас у себя. Антон Евсеевич с вами свяжется.

В тот же день я простился с Галиной Сергеевной. Она поцеловала меня на дорожку в губы и заплакала. — Храни тебя Бог.

10

А за дверью комнаты в общаге меня встречает душераздирающий крик телефона. Межгород. Звонит отец. И главная новость (не считая ту, что убрали, наконец, внутреннюю связь и установили ветерану колхозного труда Республиканского значения персональный телефон с прямым выходом на межгород): у брата Федора родилась двойня. «Ну, братишка, побил все рекорды!» — искренне вслух возрадовался я. Слава Богу, все здоровы. Народившихся мальчика и девочку решили назвать просто — Иваном и Марьей.

— Они хотели было, сынок, дать имена нас — стариков, — счастливо вздыхает отец, — но люди отсоветовали. Вроде, плохая примета. Младенцы чувствуют себя хорошо. Да и мы, Гаврюша, после такого известия как бы помолодели.

Тут трубку взяла мама. Обмолвилась несколькими словами. И не утерпела. Спросила-таки: «Как Галя? Душа-то болит о ней?»

— Побаливает, мама. Привыкаю.

— А кто-нибудь есть-то на примете?

— Есть, мама. Один не останусь. Не переживай.

Дальше последовало прощание и обмен поцелуями...

Разговор с родителями на мгновение оторвал меня от едва пережитой нервной действительности, и я уловил себя на том, что зверски устал от дома Главы и всех этих событий. Вдруг захотелось какой-то неопределенной свободы и тишины. Рука потянулась было к телефону звонить Анюте и пригласить её на дачу, но день-то будний. У неё работа. И я принимаю решение. Пропасть, исчезнуть, хотя бы на два, на три дня. Никаких звонков, никому. Только, сейчас клиентам дать отбой, отпроситься. Во всяком случае, когда исчезает Анюта, меня она не предупреждает.

Между тем, я стою в раздумье у окна — а за ним валит снег. Большими мокрыми хлопьями. «Декабрь уж наступил», — стучит перифразом поэтическая строка, но без продолжения. — «Вот почти и год пролетел, быстро, не заметил», — подумал я и засомневался; может быть, всё-таки позвонить Анюте?.. Нет и нет.

Я выгребаю содержимое холодильника, укладываю в рюкзак и не забывая сунуть пару бутылок коньяка (презенты клиентов). С запасом. Какое-то время я размышляю: на каком транспорте ехать, на своей или на такси? Впрочем, идти за своей в военкомат мне не хочется, просто не терпится поскорее ударить, и я вызываю такси.

И вот я на даче. Какое-то время я глубоко и с удовольствием вдыхаю свежие, едва открытые первым несмелым снегом, ароматы земли и простора, потом любуюсь мордашками кроликов в клетке, которую Пахомыч бережно укрыл прорезиненным плащом. Нахожу в невесть откуда взявшейся деревянной кадке, корм: зерно, морковь, кочаны капусты. Кормлю. Наконец, подаю в дом, а в нём и сыро, и стыло. Переодеваюсь в старый армейский тестев бушлат и принимаюсь за главное. Камин.

Натаскиваю из баньки дрова — большие чурки колю. Впрочем, на дворе под вечер становится ветрено, и тяга в трубе отличная. Так что, огонь в камине схватывается мгновенно — греет душу. Я топлю его от души, не жалея дров. Надо чтобы жар настоялся, прогрел стены. Эту премудрость мне передал тесть в ещё давние «довоенные» времена. Помнится, каждый новый год мы встречали здесь с друзьями, их женами и подругами.

Это были счастливые минуты. И пили и ели много, но ещё больше целовались.

... Потом, завалившись в кресло-качалку у самого огня, я наливаю себе в бокал коньяк и говорю вслух, весело: «За безумное прошлое, старик». У меня на самом деле в кои-то веки отличное настроение. Всё вчерашнее, позавчерашнее, да и все пережитое, как-то вдруг ослабело, отодвинулось. И я вдруг поймал себя на том, что вместе с ушедшими в небытие драматическими событиями, с «мамкой» главы, ушла из сердца и Галя. Просто, эта дамочка Галина Сергеевна, ну не чудо ли, полная тёзка моей бывшей жены, так заполнила собой мою душу, что не оставила никаких надежд никому. Вот не стало боли и всё. Как ни странно, — за всё время своих визитов к мамашке главы я ни разу не вспомнил Галю. Зато Анюта нет-нет да и давала о себе знать. Конечно, мы перезванивались, и я с первого дня комментировал ей «бюллетень здоровья мамашки», и в минуты отчаяния Анюта «ласковым» словом укрепляла душу. Только вот на последнем витке лечения мэрши наши отношения с Анютой опять потерялись.

... Моего затворничества едва ли хватило на сутки пребывания. Одиночество без благ цивилизации и без общения — это далеко не то, что я испытываю в своей городской берлоге. Пахомыч наведалься всего лишь раз. У него график. Выпили, погутарили обо всём и ни о чём... И — Бывай здоров, капитан, я при исполнении, — откланялся старик, неохотно приняв от меня деньги на корм и вообще.

Странно, но этот Анютин взбрык с псевдоженихом хоть и «врезал» мне по мужскому самолюбию, но, кажется, только укрепил веру в неё. За свою Анюту я был спокоен. Только, вот пошёл уже третий день моего заточения, а Анюты нет. Конечно, она не могла не догадаться, где я, — но что-то не торопилась «на крыльях любви»... Последний день длился целую вечность.

А едва переступив порог общежития, я спросил у дежурной:

— Меня никто не спрашивал?

— В мою смену нет, — ответила курносенькая, вечно чем-то озабоченная дамочка по имени Валя. — Ах да, забыла, к вам мужчина приходил такой в летах, хорошо одетый, похоже, начальник. С цветами.

А разыскивающим мужчиной оказался Соболев, заместитель главы. Я едва перешагнул порог, как сразу раздался звонок.

— Гавриил Алексеевич, ну куда вы пропали? Виктор Яковлевич изъявляет желание вас видеть. Лично хочет выразить свою благодарность. Кстати, Галина Сергеевна послала вам цветы. Она была очень удивлена, что вы живёте в общежитии. Не скрою, я тоже.

— Да и я некоторым образом удивлен, что живу в общежитии. Но так исторически сложилось. А как себя чувствует Галина Сергеевна?

— Главное, она на ногах, — восклицает зам. — Ещё не бегаёт, но окружена инструкторами. Все задания выполняет, я контролирую. Ну, так как, насчёт того, чтобы встретиться вам с Виктором Яковлевичем? Ничего, если я завтра заеду к вам в девять?

— Пожалуйста.

Пусть заезжает, чего уж теперь шифроваться, — подумал я.

... Весь оставшийся вечер я ждал звонка Анюты. Бросался на телефон, как на амбразуру, но звонили только клиенты, соскучились. Конечно, на душе было скверно. А тут ещё торчащая занозой в мозгу эта завтрашняя встреча с Витьком. Ей-Богу,

ничего хорошего я от неё не ждал. Сунет конверт и, гуляй, дядя. Нет, надо было всё-таки предварительно обговорить свой квартирный вопрос с Соболевым. Он бы что-то посоветовал.

И точно. Вечером того же дня опять «нарисовался» в телефонной трубке Соболев. Тут бы мне и обсудить «интимные» детали моей встречи с Главой, то есть, подбросить ему свой квартирный вопрос для предварительного согласования с его шефом, но Антон Евсеевич, показалось мне, торопился и был краток. Развивать какие-то ещё дополнительные темы ему явно не хотелось. Одним словом, на завтра на утро мне назначена аудиенция с главой. На этот раз без его услуг по автодоставке. У него дела. На волне так стремительно набирающих ход событий я позвонил тестю. В трёх словах обрисовал ему финал захватывающей драмы и, как итог, «высочайшее приглашение на ковёр». Но тесть широко моего восторга не разделил. Только сказал:

— Ты там не мельчись. Держи марку. Ты человека поставил на ноги. Знай себе цену. — Впрочем, голосок его на этот раз не отдавал металлом, дребезжал устало, как-то потерянно. И я спросил:

— А что случилось, Сергей Сергеевич?

— Да так, мелочи. Эльвира узнала о моих шашнях в ресторане с одной девицей. Ну, тряхнул стариной.

— Я думал эта Земфира — шутка, — вспомнил я.

— Хрен нас понёс потом на «хату». В общем, стукнули Эльке доброжелатели. Гонит она меня в шею. Говорит, будем делить имущество.

— А вот это уже теплее, — едва не прыснул я от смеха. — Куда она денется!

— Да так-то оно так. Но ничего слышать не хочет. Бросается, как пантера.

— А, может, милые бранятся... Вы ей какую-нибудь заколку купите из драгметалла, и всё будет «О кей».

— У неё и без заколки — филиал ювелирторга. Ладно. Ты, главное, не мельчи. Держи марку.

Сделав последний, безуспешный, звонок Аниуте, я лёг: «Больше она от меня звонков не дождется».

Утром за мной заехал автомобиль «самого». Водитель — эдакий квадратный здоровяк поджидал меня у входа. Он был явно немногословен. А я себе отметил: «Для таких авторитет — только сила и толщина бумажника. Другого природа выдумать не захотела». Вёл он автомобиль с какой-то тупой уверенностью. Мне казалось, что транспорт вокруг ошарашенно жмётся. В этом месте Россия ещё только румянилась, но, похоже, будущее за такими удальцами. В России-то время всегда отражает «чаяния масс». Кажется, от счастья, что еду на «мерсе» хозяина я должен мочиться шампанским.

И вот она, наконец, тяжелая с бронзовыми ручками дверь в покои. Меня там, кажется, ждут.

Как я и предполагал, глава города Виктор Яковлевич Демин со мной не церемонился. Поздоровавшись за руку, он сразу перешел к делу — отворил верхний ящик стола и извлёк из него конверт. Протянул мне.

— Спасибо. Это ваш гонорар. Здесь тысяча долларов.

— Виктор Яковлевич, у меня может быть к Вам личная просьба? — осмелился я.

— Попытайтесь, — совершенно располагающе улыбнулся глава, как бы поощрил.

— Да я всё по тому же вопросу. Квартирному.

— Но вы же были на последнем заседании комиссии? Вам же чётко объяснили положение дел. Мне добавить нечего, — совершенно поменявшись в лице, ответил глава. Тронув стопку бумаг на столе, отворотил глаза, давая понять, что аудиенция закончена.

Я поднялся и шагнул к выходу. У дверей меня догоняет фраза:

— Вы забыли конверт.

— Передайте эти деньги детскому дому на новогодние подарки, — нашёлся я и крепенько прикрыл за собой дверь.

Сказать, что я обиделся — ничего не сказать. Я, скорее, был взбешён. Вот так обойтись со мной, как с холопом. Он посчитал даже лишним для себя изобразить сочувствие, как-то по-человечески оформить отказ. «И где ж вас, ребята, куют-то таких?» — нервничал я. Впрочем, мне не столько сейчас было обидно, сколько стыдно. «Разве так можно с боевым офицером, чёрт возьми, с инвалидом?!» — негодовал я.

Дома, на нервах я позвонил тестю и изложил в деталях свой визит градоначальнику.

— Хам, он и в Африке хам, — констатировал тесть. — Ей-Богу, такого облома я не ожидал. Чтоб мать поднять на ноги? Но от денег ты зря отказался. Как говорят, с паршивой овцы, хоть шерсти клок.

— А вы, помнится, говорили — прийти к нему, покаяться, — съехидничал я. — Вот и покайся. Больше вариантов нет.

— Ну, шарик-то круглый. Всё ещё может быть. То, что у него нет квартир, хоть убей, не поверю. Нет в России такого главы субъекта, чтоб без жилищного запаса. Тут, Гаврюш, ситуация другая. Каждая квартирёнка в крупном городишке стоит нынче десятки тысяч баксов. А что с тебя взять? Ну и что с того, что мамке его помог? Вот и получи свою тысячу зелени и радуйся. Он не так давно на «мерс» пересел. Из каких таких доходов, а? — крыл «правду-матку» Сергей Сергеевич. Тут тесть пожевал паузу, а я вспомнил квадратного водителя «мерса». — Ты об этом своем обломе больше никому. Думаю, что мамка-страдалица это дело так не оставит. Будет жать сына, пока не дождёт. Бывай.

Я положил трубку. «Об Эльвире спросить забыл», — подумал.

На остатках нервов я сделал звонок Аниуте. Молчание. Не выдержал, позвонил на работу... Это уже чёрт знает что? — Премилый голосочек ответил:

— Кремнева в командировке в Москве.

— А давно?

— Дней пять. Скоро приедет. Что передать ей?

— Нет. Спасибо, — ответил я.

От сердца отлегло. Могла бы, конечно, и сообщить о своём отъезде. Или из Москвы брякнуть. Впрочем, я так был занят мамкой главы, а потом этот побег на дачу — может, и пыталась пробиться ко мне. Точно, пыталась... — убедил я себя и окончательно успокоился.

Вечером позвонила Галина Сергеевна. И сразу без приветствия.

— Я все знаю, Гавриил Алексеевич. Я имела жёсткий разговор с сыном.

— Этого, как раз не надо делать, Галина Сергеевна. Сейчас вам никак нельзя перегружать нервную систему. Всё ещё на живую нитку, — сказал я.

— Мне стыдно. Но он уверяет, что не имеет возможности предоставить вам жильё. Хотя я тоже, как и вы, не верю. Ну, уж если он сказал нет, значит — нет. А знаете что, у меня есть возможность вам помочь. Это при личной встрече. Нехорошо такому врачу как вы, офицеру, жить в общежитии. Потерпите немножко.

Я не стал забивать себе голову интригой — это чем же таким особым она может мне помочь? Скромно попрощался.

А утром следующего дня без всякой предварительной договоренности нагрнулся ко мне Соболев. За минувшие сутки он как-то огруз, постарел. Я впустил его к себе в комнату. Он присел осторожно на краешек дивана, снял очки, протер их платочком. Лицо его было бледным.

— Извините меня, Гавриил Алексеевич. У меня больное сердце. Ну, возьмите

вы эти чертовы деньги. Хозяин меня точно добьёт. — Тут Антон Евсеевич достал из бокового кармана конверт, протянул. — Ради Бога.

— Хорошо. Считайте, что я взял, — пожалел я его. — Но сейчас мы поедem в ближайший детский дом и окажем благотворительную помощь.

— Это ваше право, — вздохнул Соболев и прямо взглянул мне в глаза. — Только без меня, ладно?

— Нет. Вы просто будете свидетелем. Вы что, против этой акции?

— Нет, конечно. Но как вы аргументируете? Как от администрации или как от частного лица?

— А как бы вы хотели? — хитрил я.

— Конечно, от частного лица.

— Как скажете, — согласился я.

Я сел в «Волгу» заместителя главы, и мы приехали в ближайший детский дом. Передача средств на Новогодние торжества от воина-афганца в директорском кабинете прошла быстро и в присутствии зама главы, то есть, Соболева. Директор, миловидная женщина средних лет, даже прослезилась. А я спросил у неё:

— Скажите...

— Людмила Петровна.

— Да, да, Людмила Петровна, у вас есть сироты, у которых кто-то из родителей погиб в Афганистане.

— Есть, да-да, — заблестели глазки у директора. — Недавно поступил мальчуган. У него отец в Кандагаре погиб, а мама спилась. Её лишили родительских прав.

— Пожалуйста, окажите ему из суммы особое внимание. Может, курточку какую-нибудь купите, ботинки тёплые. А вы могли бы его показать?..

— Если бы вы были в гражданской одежде, я бы с удовольствием. Мальчику восемь лет. Он в каждом военном видит своего отца. Может быть нервный срыв. — Она как-то сразу поскучилась. — У нас таких драм сколько хотите. А можно, наши детки выразят вам свою благодарность через газету?

Я дал добро и на следующей неделе в городской газете, на первой полосе мне лично «Воину-афганцу коллектив детского дома выразил благодарность за материальную помощь в подготовке и проведении новогодних торжеств. Ну и пожелал всего «самого-самого»...

В тот же день вечером позвонила мне Галина Сергеевна:

— Гавриил Алексеевич, я прочитала в газете, что вы оказали материальную помощь детскому дому на новогодние торжества. Это что, вы таким образом объявили войну моему сыну? Это же его деньги, не правда ли?

— Да — это мой гонорар. Но если честно, я бы и так вам помог, Галочка Сергеевна. Есть принципиальные вещи. Вы отдельный, редкий случай. Мне поднять вас было делом профессионального принципа.

— И только?

— Нет, не только, но пусть это останется со мной.

Возникла пауза.

— И всё-таки меня мучают угрызения совести. Я живу в роскоши, а вы, мой спаситель, прозябаете в этой общаге.

— Да всё в порядке, Галочка Сергеевна. Соберу я когда-нибудь себе на приличное жильё. Какие мои годы. Клиентура есть. Руки тоже.

Опять пауза.

— А можно мне к вам прийти в гости? Если честно, я соскучилась по Вашим рукам. Это тот случай, когда мне просто необходим массаж. У вас как с клиентами?

— спросила Галина Сергеевна.

— Сейчас под Новый год много. Давайте, сразу после праздников.

— Согласна. Буду ждать вашего звонка. Я вам ещё позвоню, поздравлю с Новым годом.

Долгожданная зима, нагрянувшая было с морозцем и снегопадом, как-то в одночасье отступила. Выглянуло солнце и небеса, кажется, прогнулись от звонкой сини. Снег успел укрыть землю не плотно — всюду рваные лоскутья проталин.

Я позвонил Анюте домой — по-моему пять командировочных дней прошли. Только гудки, а за ними — молчание. В моей работе опять образовалась брешь — часть клиентов по тем или иным причинам перенесли время. Оно и понятно, предновогодние хлопоты. Один вот в порядке «моральной компенсации» прибомбил мне ёлочку. Она сиротливо стоит у входа и ждёт своего часа. Слегка разобрав своё запустелое хозяйство, я устанавливаю ёлку в обычном ведре с землёй. Из игрушек у меня несколько шаров и пара золотых рыбок. «Хватило бы и одной», — вешая их, шучу я. Ёлка стоит в углу комнаты, рядом со шторой. Без изыска, но настроение поднимает. Подумав, я поставил под неё бутылку с шампанским. И только я завершил этот последний свой манёвр, как раздался телефонный звонок. Это, конечно, Анюта. Но в трубке оказался другой голос. Хоть и женский, но чужой.

— Апраксин Гавриил Алексеевич?

— Именно он, — вздохнул я.

— Вас беспокоит Ариадна Лисицына. Я корреспондент вечерней газеты. Хотелось бы с вами пообщаться.

Голосок, впрочем, атакующее-звонкий с каким-то комсомольским задором. Интригующий.

— А на какой предмет, позвольте Вас спросить, — занудляюсь вдруг я.

— Я пишу о ребятах, прошедших Афган. У меня в «Вечёрке» рубрика «Вы помните имя своё». Может быть, вам попадались мои статьи.

— Да что-то попало, — откровенно вру я. — Это про мужиков, да? — (Тут я вспомнил рубрику — строчкой песни). Не обижать же дамочку.

— Я пишу о настоящих мужчинах... — твёрдо заявила девица.

— А что, такие ещё есть? Они ж нынче вымерли, как мамонты, — усмехнулся я.

Тут я, наконец, вспомнил газету. Кажется, на пике «революционных событий» она потеряла свою актуальность. От неё сначала запахло бульваром, а потом вульгаром. Но рубрика есть, не надо жеманничать, надо реагировать. Это лучше, чем коротать время в этой скучище. «Да и голосок больно красивый», — подумал я.

— Ну и что вы предлагаете?

— Я предлагаю встретиться. Поговорить.

— Ну, давайте встретимся. Когда?

— А чего тянуть, прямо сейчас. Можно. Я свободна.

— Всегда? — съехидничал я.

— Для хорошего человека — всегда. Назначайте время.

— Только сейчас. Вот так сразу и приезжайте. — Я называю адрес. В трубке возникает пауза.

— Это же общежитие? — не скрывает своего удивления корреспондент.

— Вот я и живу в общежитии. Родина вот так оценила мои заслуги. Это чтоб я всегда помнил имя своё, — съехидничал я. — Приезжайте, я вас встречу.

— Через двадцать минут буду у вас. Я на своём транспорте.

Я хотел надеть парадный китель, но подумал — «чего рисоваться-то». И пошёл встречать её в гражданском костюме.

Ждал я недолго. И вот к общежитию с шиком подъезжает серебристая иномарка. Небольшой такой «опелёк». Из неё выходит высокая, довольно эффектная девушка в сером свитере и джинсах. На шею небрежно наброшен шерстяной шарфик. Волосы русые до плеч. «Хороша, хоть на подиум», — отметил я себе. Она подала мне руку и легко улыбнулась.

— Именно таким я вас себе и представляла.

— А тут можно подробнее, — спросил я.

— Мужественным, волевым...

— Да, да развивайтесь — это у вас такая домашняя заготовка? Знаете, трогает. Как раз под рубрику. А, вообще, я такой и есть, — бормочу я в эйфории.

Я распахнул перед ней свои апартаменты.

— Пожалуйста. Я живу скромно. Как Родина велела. Вот, нынче ёлочку украсил.

Ничего, что за неделю до торжеств? Всё какое-то настроение.

Ариадна не отвечает — снимает шарфик и подаёт его мне.

— И это все ваши вещи? — удивлен я.

— Куртка в машине. Я её снимаю, у меня хорошая печка.

Я усаживаю журналистку на диван. Она тотчас достает диктофон.

— Вот так сразу, с колёс? — спрашиваю я.

— Я при исполнении, — улыбается дама и мило так, кокетливо забрасывает прядь каштановых волос за плечо.

И тут меня совершенно неожиданно посещает мысль: «А не предложить ли ей рвануть ко мне на дачу?»

— Знаете что, Ариадна...

— Львовна. Но хотите проще — Ария, — говорит весело она, и я себе отмечаю: — «А с ней легко».

— Так вот, Ария, а не рвануть ли нам с вами ко мне на дачу.

В глазах девушки изумление на грани испуга.

— Я там раскроюсь лучше, — плету я какую-то пошлую двусмыслицу. — Нет, вы не подумайте, там антураж. У камина. Я не больно люблю рассказывать о себе.

— А это далеко? — заинтриговалась девица.

— Знаете дачный район Озёрный?.. Асфальт до самого места. Камин затопим...

— Камин? романтика. Уговорили, — подхватывает девица. — Я, вообще-то, люблю рисковать. Тем более, с офицером.

— Тогда, вперёд. Заводите машину. Я сейчас.

Тут я набираю Пахомыча — только бы он был на месте. К счастью, трубку берёт он.

— Пахомыч, родной мой, выручай. Мигом ко мне в дом, растопи камин.

— Бусделано. Я понял.

Потом я складываю в рюкзачок привычный набор продуктов, коньячок. Потом коньяк я заменил шампанским из-под ёлочки. Это ближе к теме. И вот мы держим путь в дачный район. Ариадна весела — болтаем о пустяках, о городских сплетнях, и я ловлю себя на том, что с ней легко. «Да ты, чёрт возьми, мне подарок Всевышнего после такой-то тоски», — подумал я.

Мы въезжаем в дачный поселок — по ходу я даю общий комментарий жилым строениям: отмечаю элитные сооружения и, конечно, авторов известных в городе лиц. Потом мы въезжаем на финишную прямую, и Ариадна лихо заруливает на мою стоянку.

Мы проходим к дому.

— А у вас тут мило, — улыбаясь, говорит она.

— Скромно, но со вкусом, — добавляю я с чувством. — Это хозяйство мне досталось по наследству.

— То есть как? У вас кто-то умер из близких? — спрашивает девица настороженно.

— Боже упаси. Все живы и здоровы. Жена ушла, когда я служил. Полюбила другого. И я оставил ей двухкомнатную квартиру. Так вот, её отец из благих побуждений презентовал мне эту дачу.

— И вы так просто оставили своей жене двухкомнатную квартиру? Ей с любовником? — тарашит на меня глаза эта Ариадна.

— И даже в центре. Она беременная была от него. А как же иначе? Я же офицер.

— Ну, это поступок! — восторгом блеснули глаза девушки. — По нынешним временам — редкость.

— Кажется, у нас началась работа? — весело заметил я.

— Ещё нет. Но вы меня удивили.

Тут мы остановились у клетки с кроликами. И я отвернул край плаща.

— Ой, какие хорошенькие, — подалась к ним журналистка. В этом месте нам определённо нужна была пауза. «Что-то ты, старик, погнал быстро», — подумал я.

Конечно, за то время, пока мы ехали, камин не смог прогреть комнату, но пылающие дрова произвели на мою журналистку настоящий фурор. Тем более, когда я ещё и усадил её в кресло-качалку и накрыл пледом.

— Да есть у меня тут человек. Помогает, — сказал я. — Отдыхайте пока. Может, перекусим? Обеденный час.

— С удовольствием.

— И даже с бокалом шампанского?

— И даже с бокалом.

Она всё-таки достала из сумочки диктофон, и положила на каминную полочку.

Я делаю наскоро нарезку из дорогой колбасы. Открываю коробку конфет. Кажется, джентльменский набор готов. Следом сооружаю залп и разливаю по фужерам шампанское.

— Ну и за что выпьем? — спрашиваю.

— За знакомство, за что же ещё, — так и водит глазками эта Ария. — Только давайте не отвлекаться от темы. Я на работе. У меня задание редактора. Моё дело вас слушать.

— Есть!

Мы сводим бокалы, пригубляем.

— С чего начнём? — спрашиваю я.

— У меня есть правило. Вначале блиц. Для разогрева. Вы готовы?

Я пожимаю плечами — «блиц так блиц».

— Ваш любимый цвет?

— Не задумывался. Я принимаю весь спектр в зависимости от настроения. Ближе, пожалуй, зелёный.

— Ваша любимая книга?

— Ремарк. «Три товарища».

— Вам нравятся собаки?

— Ну и переходики у вас. Вообще, или какая-нибудь порода? Скажем так, я их принимаю всех. Не принимаю только людей, похожих на собак.

— Какая была погода, когда вы вернулись с войны?

— Уточняю. Не с войны. Я выполнял интернациональный долг. Хорошая была погода. Солнечно. Лётная была погода.

— Самое яркое впечатление детства?

— Появление брата. Точнее, его осознание.

— Самое первое чувство? От глаз, от косичек девочки? — хитро щурит глаза журналисточка.

— Шок от поцелуя девочки из третьего класса.

— А вы, оказывается, ранний. Что бы вы хотели изменить в мире?

— Ну, это какой-то глобал. Многое. Человек несовершенен, но это, по-моему, банально. А от его несовершенства все беды.

— Вот теперь всё — переходим к главному. Слушаю вас. Рассказывайте о себе.

— А вы мне подскажите, с чего начать? Это моё первое интервью.

— Ну, весь жизненный путь не стоит. Те страницы, которые вам особенно памяты. Любой эпизод, который дорог вам из детства ли, военной биографии? Можете о товарищах.

— Хорошо. Попробую. Вообще-то, я родом из станицы на Дону, мама — ветврач. Отец — агроном. Они учились в одном институте, там и познакомились. И сюда их направили после окончания. Как я уже сказал, у меня есть ещё младший брат. На два года младше. Он тоже офицер. Десантник. Извините, у меня такое впечатление, как будто это всё я уже кому-то рассказывал.

— Не отвлекайтесь, капитан, — отпивает из фужера эта Ария и ставит его на каминную полочку. Тут я следую её примеру — мой бокал мне мешает.

— Закончил школу с медалью. Дальше академия в Питере. Служба.

— И что, вот так сразу, ни одного яркого впечатления детства?

— Ну почему же? Было дело. От волка бегал. Этот волк, по-моему, и решил всю мою судьбу.

— А если подробнее? Это интересно, — посерьёзнела журналистка.

— Случилось это зимой. В девятом классе я учился. Мы тогда ещё жили на окраине села. В хатёнке. Прямо над яром. Хозяйство имели. Корова, куры. Ну, как у всех. Ещё держали несколько коз. У папы проблемы были с лёгкими — вот он один у нас пил козье молоко. Считаю, до самых белых мух выгоняли животных на выпас. Тут козы у яра и паслись. Вернулись как-то — одной не хватает. Хапой её звали. Потому что хапучая, прожорливая была. Вот мать и отправила меня на поиски. Снежок сыпал первый, мягкий такой, едва землю укрывает. Пошёл я к яру. Ору «Хапа... Хапа». Но вокруг тишина, только ветер схватывается. И тут я вдруг вижу огромную, серую собаку. Вот она смотрит на меня какими-то человеческими глазами. И как бы слегка щерится — шерстка на загривке вздыбилась; а ушки такие маленькие. «Господи, так это же волк! — едва не заорал я. И тут уж не до Хапы моей, пячусь задом, потихоньку, а потом как дал деру. А он за мной. Хотя может, с испугу и показалось. Как я перемахнул через двухметровые ворота! Только вот на следующий год на допризывных спортивных сборах я стометровку за десять и четыре сотых пробежал. Почти норматив мастера спорта. Там охнули. В общем, пришла разрядка из академии, и меня, медалиста, да ещё и подающего надежды спортсмена, отправили в Ленинград. Там из меня доктора сделали. Был чемпионом Вооружённых сил. А глаза этого волка мне ещё долго снились.

Тут мы опять с Арией дружно пригубили.

— Ну, а Хапка-то нашлась?

— Нашлась. С перерезанным горлом. Там же, в яру.

— А в Афгане, наверное, тоже было что-то памятное? — спросила девушка.

— Друзья, боевые товарищи, мне все интересно.

— Да там всё памятное. Особенно теперь. Но вам же нужно, чтобы герой, то есть я, как-то проявил себя. Иначе читателю будет неинтересно. И потом, сейчас Афган уже неактуален.

— Ну, мне виднее, что актуально, что нет, — обиделась эта Ария.

— У военного врача одна забота. Лазарет. Раненые. В боевых операциях не участвовал. То есть, с автоматиком не бегал.

— Но ранение-то получили? — настаивает журналистка. — Как это случилось?

Пришлось рассказать ей, как это случилось, — правда, скупо, без деталей. То есть, «без отключки» и Рериха. И совсем уж коротко про госпиталь в Ташкенте. Просто, я вдруг поймал себя на том, что чем дальше уходит от того события время, тем больше его вспоминать... Просто, потом было возвращение в никуда. Галя...

Тут «акулочка пера» по моим глазам прочитала, что развитие темы для героя черевато нервным срывом, и умело перевела разговор в современное русло.

— Гавриил Алексеевич, а когда вы открыли свои руки? «Так вот откуда инфор-

мация», — догадался я. Тут без «мамашки» никак не могло обойтись. — Они у вас исцеляют!

— Вы хотите помочь мне в рекламе моих возможностей? — в упор глядя ей в глаза, спросил я.

— А почему бы и нет? Вы делаете дело. Сегодня столько шарлатанов на волне всеобщей коммерциализации и нравственной деградации. А у вас талант от Бога. Талант, понимаете? Как вы его открыли?

Тут я окончательно понял «откуда ноги растут». Галина Сергеевна использовала своё влияние и, наверняка, решила сделать мне приятно. Через газету. У меня вдруг пропал интерес к этой дамочке.

— Так уже и интересен я массам? Полно проблем. Какое исцеление? Я не Христос. Все, как говорится, в пределах «социалистического реализма». Правда, был один случай — я помог роженице из Афганского кишлака. Тамошние невежды—эскулапы чуть не угробили двух младенцев. А у меня получилось. И без кесарева. Одними руками. Я тогда не придавал этому значения. Наверное, их аллах решил: младенцам жить. Вот и придавал мне уверенности.

— Ну, доктор, и самый последний случай из вашей практики. Не так давно вы поставили на ноги мать одного уважаемого в городе человека. После того, что эта женщина пережила — многомесячные страдания, города, больничные палаты клиник и в ответ — неподвижность. И тут вдруг являетесь вы и...

— Схожу с небес, — усмехнулся я. — Знаете, Ариадна Львовна, я бы не хотел комментировать этот случай. Вообще, в любой практике такие случаи крайне редки. Но я повторяю — я не Бог. И не хочу развивать эту тему из чисто деликатных соображений. Если будете писать, — скромнее, ладно. Никакого чуда здесь нет. Патологии у моей пациентки не было. Я устранил причину. Обычное ремесло, ну и сердце, своё конечно. Без него нельзя никак. Может, даже любовь. Словом, на каждый отдельный случай — отдельный разговор. Кажется, у вас рубрика «Помни имя своё» — вот ей и надо соответствовать в любом деле.

— Я с вами согласна. В основе всего — любовь, — говорит Ариадна, и я вдруг вижу в её глазах недоумение и страх, переходящий в ужас. Я оборачиваюсь, в дверях стоит Анна.

— Анюта, — вскакиваю я, — ты как здесь оказалась?

— А вот так, по зову сердца. Или мне надо вас предупреждать о своём визите, чтоб не оказаться в дурацком положении?

Тут я откровенно теряю дар речи, зато находится Ария.

— Девушка, извините, я выключу диктофон. — Она встаёт, нажимает кнопку. Возникшая пауза, даёт возможность мне прийти в себя. И я говорю:

— Как видишь, у нас рабочая встреча. Я стал интересен журналистской братии. Вот корреспондент вечерней газеты Ариадна Львовна решила написать обо мне материал.

— Вижу. У камина и с шампанским. Да, это так романтично. Я понимаю, — ехидничает Анюта. — Не хватает только свеч.

Наконец, я беру себя в руки — я всегда помню правило: оправдывающийся мужчина — виноват.

— Познакомьтесь, Ариадна Львовна — это моя девушка, Анной зовут. Вообще-то она не такая нервная. Просто, устала от командировки. Правда, Аня?

Анюта тупо молчит.

— А знаете, девушка, я вам завидую. У вас мужчина на редкость настоящий, — вдруг смело заявляет журналистка.

— Спасибо. Ему для полного счастья не хватает только повести о настоящем человеке.

— А что, может быть, — не уступает Ария, и вдруг берёт ситуацию под свой

контроль. — Но, уж коль мы собрались, а не выпить ли нам за наступающий Новый год, ну и за вас, ребята?!

— Нет, правда, вы журналистка вечерней газеты? — вдруг обращается Анюта к Арии.

— Вам предъявить удостоверение? Просто, вашему мужчине показалось не очень удобно давать интервью у себя в общежитии. Вот мы и использовали мой транспорт. Согласитесь, здесь гораздо экзотичнее. Ну, так как — по шампанскому за успех?! — потянулась Ариадна к своему бокалу.

— А за какой, извините, успех? — спрашивает Анюта, принимая бокал у меня.

— Да бегаёт уже мамаша главы, — бросил я вскользь.

— Когда я уезжала в командировку, она первые шаги сделала, — тарачит на меня глаза Анюта.

Тут мы дружно чокнулись. Пригубили.

— Может быть, и вы что-нибудь скажите о своем мужчине? — обратилась Ария к Анюте, а та от неожиданности проглотила паузу. Как-то зарделась.

— Я не знаю, что сказать. Но, по-моему, он необыкновенный.

— Очень оригинально, — съязвила журналистка. — Ну, тогда, ребята, по домам? Едем вместе?

Мы с Анютой переглянулись.

— Понимаю вас. Завтра я вам, Гавриил Алексеевич, пришлю фотокора. Он вас снимет, желателно в форме. И — если у вас ещё есть какие-нибудь афганские фотографии, пожалуйста. Все верну. И ещё: вычитывать будете материал в полосе? Или мне доверите?

— Вам доверю, — переглянулся я с Анютой.

— Ну, тогда, ещё раз с Наступающим.

— Спасибо, вас также, — сказала Анюта.

Мы проводили её до машины. Постояли ещё, посмотрели удаляющимся огонькам след. И пошли в дом.

— Я очень соскучилась, капитан, — сказала уже в доме Анюта. — Я приехала к тебе, а мне сказали, что умёлся с девицей. Догадалась. Пришлось взять такси.

— Правильно сказали. Ещё один такой твой взбрык, и — развод.

— Ты сначала женись... Развод... Нет, я всё-таки вовремя появилась. Эта журналистка определённо на тебя глаз положила.

Я молчу, только как-то особенно, ново разглядываю Анюту.

— Кажется, догорает камин, — шепчет она и бросается мне на шею.

Как и договаривались, Ариадна прислала мне на следующий день фотокора, предварительно оповестив звонком. Фотокор — эдакий «мальчик с пальчик» с молочными усиками и ужимками пионера-активиста, долго искал ракурс. Извертел меня напрочь. Наконец, у него что-то там получилось. И он сказал то ли мне, то ли себе «о кей». Я хотел напоить его чаем, но он, натягивая вязаную шапочку и принимая стойку ожесточённо-творческой личности, заторопился. Только и сказал: «Все вопросы к Арии».

Но, хоть убей, никаких вопросов к этой Арии на тот момент у меня не обнаружилось. Возникли они через две недели, потому как ожидаемого материала под рубрикой «Помни имя своё» так и не оказалось. Это был шлепок по самолюбию. И я не выдержал, позвонил Арии, попутно и весьма запоздало поздравив её с наступившим Новым годом. Ответ оставил легкую досаду. Столько усилий? Оказывается «Вечёрка» переходит на новый формат. Теперь это будет толстушка и несрочные материалы переносятся на неопределённое время. В одном я могу быть спокоен, что очерк будет напечатан. Очень может быть, в феврале ко дню «вывода войск из Афганистана». Тут я пожалел мамку главы — она так хотела сделать мне приятное.

Новый год отметил у себя в общаге с Анютой. То есть, его самую драматическую

часть — подняли бокалы под бой курантов. Потом она уехала на такси продолжать праздник к родителям, а я остался у себя. Рисоваться в паре в семье, когда ещё толком ничего не решено, я посчитал для себя невозможным. Анюта не настаивала — хотя нетрудно было найти в её глазах обиду. Впрочем, она к моим «клизкам души» уже начала привыкать. А под рождество позвонила мне Галина Сергеевна и напросилась в гости. Мне очень хотелось ей отказать, но, как я не пытался найти в себе хоть мало-мальски подходящую причину, так и не смог. Она стала прошлым, но, как мне кажется, не до конца. Ремиссия моей боли ещё продолжалась и не потому, что её барчук-сынок не проявил о «спасителе» должной заботы. Тут было нечто другое, необъяснимое — но всякий раз, когда я вспоминал матушку Галю, сердце и душу точили полуболь, полудосада и мне почему-то становилось стыдно.

Я ждал её у входа. Она приехала ко мне на такси. Дорогая шуба, небрежно наброшенная белая шаль, сапожки, какая-то изящная сумочка в руке. Она идёт ко мне навстречу такая жизнерадостная, цветущая — как будто и не было этого мрака. Она легко подставляет мне щёчку для поцелуя и берёт под руку. Она счастлива, а мне волнение перехватывает горло. «Чёрт возьми, что с тобой происходит, офицер?!» И тут я вдруг понимаю, что со мной происходит. Да это же моя Галя, только как бы унесённая временем, всё осознавшая и такая вот близкая и родная, рядом со мной.

Мы проходим ко мне и мою холостяцкую берлогу тотчас наполняют дорогие ароматы Франции, и я ловлю себя на том, что жизнь всё-таки чертовски увлекательное путешествие.

Я помогаю ей раздеться. Усаживаю и делаю ещё массу ненужных движений. Я уже не помню, когда я в последний раз так волновался. Кажется, у первого брачного ложа.

— Как вы себя чувствуете? — прихожу я в себя и становлюсь доктором.

— Как видите. Хожу нормально. Привыкаю к новой жизни. Это тот случай, когда говорят: «Как на свет народилась». Скажите, мой друг, а вы часто думаете обо мне? — вдруг в лоб прямо, без «деликатесов», засвечивает мне женщина. Да так, что ни соврать, ни слукавить. Я просто теряюсь.

— Честно?

— Только честно.

— Вы стали частью моей жизни. Вся моя практика теперь только через призму этого банального «до» и «после». Поверите, я и сам не знаю, что это было. Но я так хотел, чтобы вы встали!

Тут она отвернула лицо. Заплакала.

— Я не могу привыкнуть, что я живу в роскоши, а вы вот... Так не должно быть. Не должно!

— Это не главное, Галина Сергеевна.

— Ну а что же тогда главное?! Мой сынок поступил с вами скверно. Конечно, не стану отрицать, он строг. Много делает для города, создает рабочие места. Но я попросила! Вы думаете, я не знаю, что жильё есть и то, что мой сынок, мягко скажем, не имеет возможности дать его вам — это неправда. Другое дело, что в стране бардак, и можно что-то поиметь. Лукавить не буду. За последние годы он очень отдалился от меня. Он стал другим.

— Не надо об этом, Галина Сергеевна. Я привык жить скромно. Вначале служба обязывала, а теперь инерция. А квартира мне нужна скорее для престижа. Не всем моим клиентам нравится посещать общагу. — Тут я откровенно соврал.

— Я вам скажу так: к сожалению, я не имею никакого влияния на сына. А от своей работы он меня вообще отрезал. Конечно, я вас по-человечески понимаю. Участник войны, инвалид, живёт в общежитии...

— Галина Сергеевна, ради Бога, пусть это вас не мучает, — прервал я.

— А вы такой хороший, такой настоящий человек. И доктор от Бога. — Сколько таких, как я, вы уже поставили на ноги?

Откровенно говоря, такого вопроса я не ожидал.

— Ваш случай редкий. И пока единственный, — честно признался я. — Но клиентура у меня большая. Так что, вы пока у меня — эксклюзив. Просто, у вас редкое заболевание.

— А знаете, я, как только прочно встала на ноги, пошла в Свято-Троицкий храм и поставила свечку за вас. Ещё и службу за ваше здоровье заказала, — вдруг проследзила гостья. — Но всё равно, я остаюсь перед вами в неоплатном долгу. Вы даже денег от сына не взяли. Пожертвовали детскому дому. И потом, вы так быстро от меня ушли.

— Если честно, мне и самому было больно расставаться с вами. Но я-то свою миссию выполнил. Зачем грузить ещё и вашу душу?

— Это правда. А я так и ничего не знаю про вас. Слышала, что у вас большие семейные проблемы были и ребёнок погиб. Ну, не буду об этом, извините, — тут она как-то странно улыбнулась. — А у вас есть девушка?

— Сложный вопрос, — улыбнулся я. — Иногда мне кажется, я её себе выдумал. Вообще, я любил свою жену.

— А кто она по профессии, это ваша сегодняшняя избранница.

— Инженер-экономист.

— Я тоже инженер-экономист. У нас рациональные мозги. Мы и любим, как это сказать, по конечному результату, что ли, — улыбнулась она и полезла в сумочку.

— А я к вам с подарком.

Тут она достаёт красную бархатную коробочку и протягивает её мне. — Это бриллиантовое кольцо прабабушки. Посмотрите, какое чудо! Свадебный подарок её мужа. Это наша фамильная вещь.

— Наверно, это безумно дорогая штука, — говорю я и чувствую какое-то странное волнение. Я первый раз держал бриллианты в руках. Кажется, даже в моей берлоге стало светлее.

— Эта вещь имеет свою историю. Колье досталось прабабушке, как я уже сказала, в качестве свадебного подарка от поручика лейб-гвардии. Он погиб ещё в Русско-Турецкую кампанию. Потом, после смерти прабабушки, кольцо досталось моей бабушке — дочери наказного атамана Всевеликого войска Донского. Его потом зарубили красные кавалеристы. А, между прочим, он был участником знаменитого Брусиловского прорыва. Бабушка наша эту вещь даже в голодуху не выменяла. А потом моя бабуля вышла замуж за директора гимназии, и пошёл наш род. Кстати, батюшку моего перед самой войной арестовали по ложному доносу. Ну и, бабуля моя понесла в качестве взятки офицеру НКВД это кольцо. А он не взял. Более того похоронился, чтоб отца отпустили. Бывают же такие люди?!

... Я слушаю её рассказ и испытываю чувство какой-то навалившейся безысходности. Я понимаю, дамочка хочет снять с себя крест, и любой ценой, за сыновий поступок. Вот так, чем может. Даже самым дорогим, памятью предков. Конечно, это бы кольцо решило все мои жилищные проблемы. Но почему так вдруг отвратительно-мерзко стало у меня на душе. Снимая с себя этот крест, она вручает его мне из благородных побуждений, но внутри-то драма.

— Красивая вещь, закрываю я коробочку и возвращаю её. Она отодвигает мою руку.

— Колье ваше. От всего сердца. Я вам дарю. — В её глазах слезы. — Пожалуйста, возьмите. Знайте, вы очень дороги мне.

— Нет, Галочка Сергеевна. Я не могу этого принять. А вдруг Бог отберёт у меня дар. Это очень высокая цена.

— И вы это серьёзно, Гавриил Алексеевич?

— Я был на войне, понимаете?

— Понимаю то, что ничего не понимаю, — горячо прошептала она и сунула коробочку в сумку. — Ну, при чём тут Бог?!

— Знаете, Галочка Сергеевна, я вас очень люблю. И пусть всё останется, как есть.

Я наклонился и поцеловал её в губы.

— Простите меня.

— Да, конечно, — пряча глаза, полные слёз, проговорила она. — Я буду молиться за вас. Проводите меня.

Она поднимается и шагает к двери. Я помогаю ей одеться. И вдруг я вижу, как крупная слезу вырывается из уголка её глаза, падает. И в следующую секунду она опускается на колени, обхватывает мои ноги руками.

— Господи, миленький мой, только не убивайте моего сыночка, не убивайте, не убивайте... — рыдает она.

— Да вы что такое говорите?! Как можно, — едва ли не ору я и легко отрываю от пола. — Как можно?

— Простите, я пойду, — вдруг холодно говорит она и в одно мгновение оказывается за дверью.

Какое-то время я прихожу в себя, потом выскакиваю за ней. Но её нет. Я выхожу на улицу. Пусто. В сердцах я набираю телефон Анюты. И — только длинные, длинные гудки...

11

Отшумели январские праздники, с ровным морозцем за окном, звонкими сугробами, прозрачными солнечными днями. Потом ещё какое-то время властвовала крепкая крещенская стужа, но ближе к февралю отпустило, и вместе с мягкими метелями пришла оттепель. Так всегда бывает в этих краях в зените зимы.

В один из таких предфевральских погожих дней нагрянул ко мне «мальчик — с пальчик», то бишь, фотокор «Вечерней газеты» и протянул стопку.

— Ариадна Львовна передает вам пламенный и, вот, газетки с вашим очерком. Вы ж, только не забудьте оценить и мою работу.

— Ну, вот сейчас и оценим, — разворачиваю я свёрток.

— Без меня. А то настроение испортите, а мне работать, — сказал он и пошёл.

— А если понравится? — спросил я ему вслед.

— Хотелось бы...

Свой материал я увидел на развороте в середине газеты. Крупный заголовок «Ни слова о войне», откровенно говоря, вызвал досаду: «Ничего себе «ни слова?!» Мелким курсивом в правом верхнем углу это самое «Помни имя своё». Рука уже потянулась к телефону выразить свое несогласие с названием, но тут я начал читать текст. Это было сделано блестяще! Взяв за основу мой последний случай из практики — исцеление матушки главы, журналистка одними штрихами и короткими фразами обозначила Афган. Она сохранила всё: «от волка» до академии, от потери фронтовых друзей до госпиталя, от смерти дочери до предательства близкого человека, от памяти о двух спасённых младенцах в афганском кишлаке и до сегодняшних проблем с бытом. Я прочитал его дважды, оценив, наконец, и фото этого «мальчика — с пальчик». Свежее, улыбающееся лицо, небрежно брошенный на плечи китель с орденом, а на втором плане портрет дочери.

Я позвонил в газету и позвал Ариадну Львовну к телефону. Её долго искали, наконец, она взяла трубку. И сразу после приветствия:

— Вот, Гавриил Алексеевич, получила выговор от шефа. «Между строк» они, видите ли, прочитали, что наше городское руководство не проявило должной заботы о герое. Не надо мне было указывать общаги, в которой вы живёте. Это негативно

скажется на работе с общественной организацией воинов-интернационалистов и «вообще». Одним словом, мэрии по фигу все их проблемы, а я вот тронула.

— Ну, я полагаю, вы же по наводке матери Главы? — спросил я.

— Это вы так полагаете. Но как раз сам-то Глава и пребывает в гневе. Он главреда уже разнёс. Вплоть до увольнения. Как это так, с ним не посоветовался?! И не показал ему, то есть, Главе, вёрстку.

— А как же быть с демократией? — усмехнулся я.

— Ну, об этом не по телефону. Я позвонила ей, ну вы знаете кому? Она пообещала ситуацию разрулить. Ей очень понравился мой материал. Она даже слезу пустила. Вот так...

— Во всех случаях спасибо. Если у вас возникнут проблемы со здоровьем — милости прошу.

— Лучше пусть Бог милует. На а как только, так сразу.

Я положил трубку и, не успев прожевать свою досаду, позвонил тестю.

— Читал. Тронут. А девица-то эта журналистка — молодчина. Всё по делу. И так деликатно. Мы тут с Эльвирой маленько обсудили. Эльвира всплакнула.

— Ну, слава Богу, что у вас мир и покой, — сказал я.

— Сколь надолго, — пробурчал тесть и повесил трубку.

Конечно, я ждал звонка от Анюты. Я дал себе слово, если она не прочтёт и не позвонит — уроню и не вспомню этого материала. Но Анюта прочитала и позвонила мне, когда нервы мои были на пределе. К сожалению, большого восторга не выразила. И я догадался — ревность. В очерке ни слова, ни полслова о ней. Только и бросила с досадой. — Как бы тебе эта статья боком не вышла.

— А что я теряю? — обиделся я.

— Сегодня ничего, — ответила она и положила трубку.

Я призадумался. Может, она всё ещё держит в памяти мой, мягко говоря, резкий отказ от сувенира Главы? Свой-то вердикт она вынесла: «Ты совершил глупость, Апраксин. Это не тот случай, когда надо было так безапелляционно возносить свою гордыню. Эти деньги ты заработал». Но я остался при своём мнении.

И ещё какое-то время я принимал восторженные звонки клиентов. Они мне мешали работать.

На следующий день, всё на том же пике очерковой эйфории позвонил мне Батищев и сразу без эмоций и фанфар:

— Вот ты, капитан, упиваешься в статье трудовой славой и своими подвигами на ниве здоровья, а о нашей организации ни слова. А ты, между прочим, член Совета. И когда ж, изволь тебя спросить, ты последний раз был на нашем совещании? Я, как старший по званию, объявляю тебе свое «фэ». Не годится так, Гаврюша, друзей своих фронтовых забывать. Событий нынче много. Заходи как-нибудь, потолкуем за «рюмкой чая».

Меня этот его артобстрел на какое-то время оглушил. Кажется, от стыда я потерял дар речи. Батищев прав.

— А чего тянуть, приходи ко мне, майор. Проблем у тебя нет? Ни со спиной, ни с поясницей? Если есть, заодно и поправлю.

— Да слышал я о твоих золотых руках. Но, извини, друже, пока Бог милует. Кроме геморроя с нашей организацией ничем другим не страдаю. В общем, надумаешь, ждем тебя, как всегда в третью субботу месяца. Февраль, вообще-то, наш месяц. Само собой, мальчишник.

— Попробую, товарищ майор.

— Господин, майор, — смеясь, поправил Батищев. — А журналистка-то эта не хилый очерк о тебе написала. Вообще-то о нас начали забывать помаленьку. Того и гляди, новая война грянет на Кавказе. Один чудак брякнул «берите суверенитета, сколько осилите», и сразу нашлись удалыцы развалить Россию. Ладно, приходи, по-

гутарим, обсудим текущие проблемы организации. Добавим в Совет новых людей. Ну и праздник наш отметим, как всегда, до упора.

— Буду, обязательно, — сказал я.

— Вот и добре. А «шуряк» твой, ну Глава, оборзел совсем. Всё мурый к рукам прибирает, через подставных лиц. «Всё вокруг колхозное — всё вокруг моё».

— Какой он мне шуряк, — обиделся я. — Ну, помог его матери. Как по-другому. Я врач. Она не он. Хороший человек.

— Да в батьку он пошёл, волчара. Слышал я, что ты квартиру просил. А он не дал. Плюнул тебе тысячу баксов.

— Я их детскому дому отдал. На подарки к новому году.

— Удивляешь ты меня, капитан. Оглянись. Сучье время наступило. Жертвенники не в почёте. Этим тварям кабинетным, нынешним коммунякам нужна беспредельная власть. Они сразу раскушали, что почём. Власть — это деньги. И не наши деревянные, а баксы. Нашёл, у кого просить? Я-то уж знаю, что это за волчара.

— Да вижу я всё, Руслан. Просто делаю своё дело. Жить-то надо.

— Правильно всё. Не бери в голову. Это я так, достали! Ты профи, помог человеку, как же иначе. Время нынче мутное. Все копытами стучат. И не к кому плечо притутить. Как у Высоцкого «И не друг, и не враг, а так». Ну, бывай здоров. Обнимаю.

Он положил трубку, надолго оставив меня в недоумении и досаде.

Утром следующего дня, та самая курносенькая дежурная Валя принесла мне букет красных роз.

— Кто передал? — спросил я.

— Дама. Красивая такая. В дорогой шубке.

Конечно, я подумал о матушке Главы.

— Валя, я тебя сейчас сувенирчиком одарю. Кто? — вдруг засомневался я.

— Не надо мне сувенирчиков, женщина ваших лет. Ну, красивая — этого мало?.. Я её видела в первый раз.

«Красивая — это уже много», — подумал я, ставя розы в вазон с водой и мучительно перебирал своих клиенток моих лет в дорогих шубках. Но не одну не вычислил. И тут позвонил тесть.

— Ты сидишь на стуле или стоишь? — несёт какую-то пургу Сергей Сергеевич.

— Ну, если это важно, сижу на диване и жду очередного клиента, — не принимая шуточки, мрачно ответил я.

— Замечательно. Галка подаёт на развод.

— Так они вроде и не расписывались, — абсолютно равнодушно ответил я.

— Как не расписывались? Расписались недавно. — Тут тесть сделал паузу, как бы давая возможность мне постичь «до доньшка» всю драматургию момента. — Выперла она его. Эльвире моей вчера плакалась. Дура, говорит, свою первую любовь, настоящего человека, променяла на этого брюзгу, вечно недовольного всем. Говорит, пока этот «светила» получит Нобелевскую премию, она в дурку загремит. А ты, кстати, не забыл, какой сегодня день? — Тут меня так и подбросило: «Сегодня ж день рождения Маришки, дочурки моей». Значит, это Галина приходила с цветами. Определённо, достал её профессор. «Но цветы мне? Как она решила?»

Наскоро закончив разговор с тестем, я набираю прямой рабочий телефон Гали. Она снимает трубку и я теряю дар речи:

— Галя...

— Здравствуй, Апраксин, но ты нашёл не самое удачное время для звонка. Я вся в работе, — говорит моя бывшая без всяких симптомов очарования.

— Сегодня день рождения нашей дочери. Спасибо за цветы, за память, — спокойно отвечаю я.

— Да, сегодня нашей дочурке было бы восемь лет.

Тут возникает неловкая пауза.

— Пожалуйста, если тебе там что-то наговорил папа, то знай, в семье бывает разное, — срывается вдруг Галина. — У этой Эльвиры не держится. Всё у нас хорошо, Гаврош...

— Я не знаю, о чем ты, но я рад, что у вас всё нормально. Ты хочешь поехать со мной на кладбище?

— Да я бы с удовольствием, но у меня консилиум через пять минут. Прости. — и она кладет трубку.

... Я беру такси, заезжаю в цветочный магазин, покупаю ещё розы и еду на кладбище. Я с трудом нахожу оградку с памятником малютки, кое-как расчищаю снег и мокрой перчаткой протираю фотографию. Здесь её лицо то же, что у меня в доме на портрете с мячом. Кладу цветы.

Я стою долго, пока не чувствую, как начали подмерзать пальцы увечной ноги. От памяти в голове тесно. И я ухожу с тяжёлой мыслью... О Гале. Она принесла мне розы, чтобы я их отвез на кладбище. Ей некогда. Ей всегда некогда. Сегодня вот консилиум. Я не знаю, что это? Но, по-моему, очень жестоко.

... На традиционном мальчишнике, посвящённом очередной годовщине вывода войск из Афганистана, я был недолго. Резкое охлаждение отношений с Анютой, эти неожиданные розы Галины в памятный для нас обоих день, и чуть раньше — вся эта катавасия вокруг очерка в «Вечерке», крепенько подорвали мою нервную систему. Я почувствовал дикую усталость. А тут ещё сюрприз, позвонил с дачи Пахомыч, поздравил с кроличьим приплодом. И здесь необходима моя помощь — «мелюзга» требует участия и ласки. Тут я едва сдержал себя, чтобы не послать на фиг весь этот приплод... Только его мне и не доставало. Но вовремя взял себя в руки. Пахомыч-то, светлый человек, при чём? В общем, объяснил старику, как мог, что в силу морального и физического истощения — прошу дать отгулы. Нетушки больше сил. И Пахомыч меня понял. Конечно, все затраты по уходу и содержанию младенцев я возьму на себя в любом объёме, только потом.

— Добре, сынку, отоспись. Мне не впервой. Отогрею, откормлю, пусть душечка твоя будет спокойна. Я пока клетку с приплодом в дом занесу и каминчик потоплю.

— Поступайте, как считаете нужным.

Укладываясь в постель, я подумал было отключить телефон, но вспомнил об Анюте — вдруг ей вздумается мне позвонить. Не выдержит... Если у меня душа болит, не может такого быть, чтоб у неё не болела...

Я рухнул в постель и, кажется, только сладко смежились веки, как вдруг затрещал телефон. Анюта?! Я вскочил, как по тревоге. А звонил Батищев.

— Выручай, доктор, беда.

— Что случилось, подгребай ко мне, — не понял я.

— К тебе не могу. Я тут звоню из телефона-автомата. Рядом.

— А почему «не могу»? Зайди, чего мёрзнуть? — ни черта не пойму интриги.

— Нельзя мне рисоваться. Беда у нас. Ашота, водителя моего подранили. И ты знаешь, кто зачинщик? Водитель Главы.

Я мигом представил себе квадратного мужика с туповатым лицом — этого самого водителя Главы.

— Ты возьми там, что надо, и дуй к нам. Огнестрел. Инструмент какой, ИПП. Ну, ты знаешь. И побыстрей, я шагаю тебе навстречу.

Собраться военному человеку — секундное дело. Я достал свой кейс с хирургическим инструментарием. Мне его вместе с остатками вещей доставил из части прапорщик ещё в госпиталь в Ташкенте. Последний раз я брал его, когда работал в

неотложке. Выгреб все из аптечки отдельно в сумку и прибавил ещё бутылку спирта. Вышел. Навстречу мне шёл Руслан. Подал руку.

— Из «Макарова», сука. В кабаке с кентами твоего крестника сцепились. Вроде по мелочи. Его посредник пригласил меня на переговоры. Ну и дуболома взял, этого качка-водителя, для поддержания формы. Кстати, качёк этот, сука, тоже Афган прошёл. Но там, где большие бабки, друзей нет. Одним словом, Глава надумал прибрать к рукам мой автодром. Место-то козырное, недалеко от центра. Он решил сделать многопрофильный крытый рынок. Ну а меня за город со своими учениками. На простор. Я-то всё свое хозяйство документировал по уму. Так что, выбор у меня оказался аховый. Как говорят, без комментариев. А не хочешь, какой базар мы можем тебе предложить и местечко в районе кладбища. Даже с музоном. Во как! Ничего расклад?! Ну, слово за слово. Занервничали. Тут я и послал уполномоченного в очень популярное место ниже талии. У меня на свой участок — планов громадьё. Держава активно попёрла в автомобилизацию... Сцепились помалу. А мой водитель, кавказский парень Ашот, решил поиграть кулачищами. Но не успел, шофер Главы ему промеж глаз выписал, и не слабо. Но не свалил. Сцепились. Ну, тут вдруг какойто шибздик с соседнего стола ствол достал. Попугать. А потом, как шархнет. Ашот за бок схватился. Мы — ох, ах, а эти суки сдёрнули, след простыл. Хотели было ментов позвать, — да вовремя спохватились. Ментура вся под Витком ходит. В общем, Ашота я кинул на заднее сидение. И сразу в дежурную аптеку. Взял бинты, йод, обезболивающее в ампулах и так. Перевязал как мог, а кровь всё равно хлыщет. И к тебе. Если в больничку официально — это же огнестрел. А значит — менты, следствие. Эти мурье так повернут, что мы же и станем виноваты. Сейчас время беспредела. Вот я и вспомнил о тебе. Выручай. Родина не забудет.

— Она уже забыла, — ничего не имея ввиду, вырвалось у меня.

Мы подошли к Руслановой «Ниве». Ашот лежал на заднем сидении. Руслан достал фонарь. Оголили поясницу. Кровавое месиво не оставляло перспектив — там пуля. Я только понял, что полет её был по касательной к тазобедренной кости. «Значит, почка не задета» — отметил я себе. Это уже хорошо. Перевязали заново. Руслан сел за руль, я рядом.

— Что будем делать, доктор?

— Как что? Ко мне на дачу. Оперировать, — сказал я спокойно.

— А у тебя ещё и дача есть?! Широко шагаешь, — попытался ослабить нерв Батищев. — Дача, машина, всё как у людей.

— По-моему почка не задета, — не обращая внимания на Батищева, поразмысляя я вслух.

Тут я вспомнил, что клетку с приплодом Пахомыч занес в дом. Протапливает камин — согревает молодняк. «Значит, тепло; как кстати», — мелькнуло.

...Впрочем, к полуночи камин прогорел. Но тепло в доме ещё держалось. Мы вынесли клетку в соседнюю комнату, а с веранды, сюда в большой зал занесли стол. Раненый легонык постанывал на диване. Руслан подбросил поленья в камин — пыхнули сразу.

Ашот всё-таки мужественно держался, правда, не без спирта, пока мы его сняли с дивана и переложили на стол. Раздели до пояса. Я включил весь имеющийся в наличии свет. Мало. Пришлось снарядить ещё и переноску — её держал в руках Руслан.

Приступили.

Как я и предполагал, пуля пошла по касательной, не дотянув до почки и, попутно зацепив тазобедренную кость, нырнула в мягкие ткани ягодицы. По форме раны — это был рикошет. Наперво я остановил кровь. Затем яголол обезболивающим рану и дал таблетку снотворного бедолаге.

— Ну что там? Серьёзно? — не терпелось Руслану.

— Ашотику повезло. Вероятно, этот шибздик решил попугать. И шархнул в ни-

куда. Пуля срикошетила от чего-то твёрдого и вот сюда, Ашотику в бок; повредила слегка кость и застряла в ягодице. Ранение, в общем-то, лёгкое. Но — кровопотеря, ясное дело. Вот пульку мы сейчас вытащим с Божьей помощью и наложим швы. Ты-то, Русланчик, от кровищи в обморок не брякнешься?

— Ты это серьёзно? А то я мало видел- перевидел. И круче бывало, когда кишки в руках.

— Ладно, отставим разговорчики. Как там наш герой?

— Да всё нормально, капитан, — пролепетал Ашот. — Тошнит только.

— Ну, потерпи. — Я извлек, наконец, пулю, показал страдальцу. — Вот тебе сувенир на долгую память.

— Спать хочется, — вяло отозвался Ашот.

— Ну и спи на здоровье. Руслан, дай ему ещё таблетку снотворного.

— Да он уже уснул.

Я наложил швы, потом с помощью Руслана упаковал рану.

— Кажется, всё.

— А пулька-то, вещественное доказательство. А если через неё нашего кадра на гоп-стоп поставить? — сказал Руслан.

— Это кого ты хочешь поставить? Они так повернут, что эта пулька из твоего рукава вылетит. Забудь.

Мы перенесли Ашота на диван. Тепло укрыли.

— И всё же какой-то ответ должен быть, — не унимался Руслан. — Это же беспредел начинается. Нет, я всё-таки что-нибудь изображу.

...Кажется, тогда я не придал значения этим его словам. И даже пошутил: «Изобрази, художник»...

— По-моему, всё. Вот и за окном светает, — сказал я.

— А наш герой спит, как младенец, — тепло улыбнулся Руслан.

— И спать он будет долго, — сказал я, присаживаясь к камину и чувствуя дикую усталость. — Срочно нужны антибиотики. Поколоть бы надо. И, конечно, обезболивающие. А вообще, сюда б сиделку. Ну, хотя бы на три-четыре дня. Я-то надеюсь — все обойдется без осложнений, но медсестричка б не замешала.

— Во! Есть у меня такая, — живо подхватил Руслан. — Деваха своя в доску. В наркологии медсестрой работает, а сейчас на рынке торгует. Двое детей — жрать нечего. Но дело знает. И без мужика. Я её иногда материально подкрепляю. В память о прошлом.

— А без мужика — это как бы дополнительный бонус? — рассмеялся я. — Лучше б, конечно, хирургическая...

— Главное колоть умеет, и не только, — масляно расплылся в улыбке Руслан. — Заплачу. Какие дела. У неё двое малолеток детей, так их бабушка сморит. Представляешь дамочку без мужика и при формах?.. Ашот быстренько воспрянет духом.

— Ладно, убедил. Я тебе сейчас выпишу лекарства и схему нарисую чего и когда колоть. Ну, а связь через Пахомыча. У меня эта неделя напряжённая.

Только я вспомнил про Пахомыча, и вот он:

— А я гляжу, — никак, чужие, да в такую рань, — загремел он с порога. — Что тут у вас, Гавриил Алексеевич?

— Беда у нас, отец. Бандиты товарища ранили, — сказал за меня Батищев.

— А тут, значит, больничка. Правильно.

— Не правильно, но что поделаешь, — сказал я и представил их друг другу.

— Это Руслан Георгиевич, майор. Председатель Совета ветеранов Афганистана, а это Кондратий Пахомович — наш сторож.

Руслан протянул старику руку:

— Батищев моя фамилия.

— А этот? — пожав руку, сторож пальцем ткнул в лежащего.

— А это прапорщик Ашот — участник боёв за Саланг. Слышали, может быть?

— Но кто же не слышал про Саланг? Там, кажется, духи нам козью морду устроили.

— Но не то, чтобы... — напрягся Руслан. — В общем, это мой товарищ, кстати, кавалер Ордена Боевого Красного Знамени. Вот вчера, отец, бандиты, поставили нам ультиматум. Или мы, или они — хозяева в городе.

— Да, дело... — сморщил лоб Пахомыч. — Я вас, пацаны, понимаю. Я сам однажды был в такой передрыге. Как-нибудь потом расскажу. Но я к тому, что за бойцом-то пригляд нужен. И дело-то это, я как понимаю, деликатное. А вы сейчас по своим делам разъедетесь. А я тут один.

Мы с Русланом переглянулись. Старик был прав.

— Сегодня здесь будет медсестра. Вот доктор обещал через три денька выписать. Выпишешь, Гавриил Алексеевич?

— Будем надеяться, — не ожидал я такого вопроса.

— Вот я и не знаю, предупреждать ли сменщика. Скажу пока, что гостюют родичи ваши, Гаврюш. Но буду ждать вашу сестричку и присматривать. Ну и по связи докладывать лично вам, Гавриил Алексеевич. Мне-то — хошь, не хошь, — а вот уж и крольчат ваших кормить.

Мы пожали старику руки. Руслан сунул ему в карман денежку. Пахомыч только усмехнулся.

Вечером того же дня мы с Русланом привезли больному медсестру и хороший баул продуктов. Медсестру, весьма сочную дамочку, звали Екатериной, по Батищеву — Катюхой. Руслан хотел навести визит Пахомычу, но его встретил сменщик. Он был не в теме. Конечно, эта самая Катюха получила от меня всю необходимую консультацию по уходу за таким больным и ознакомилась со схемой приема лекарств. Впрочем, Катюха оказалась весьма хваткой дамочкой и дело знала. На пятый день Руслан забрал парочку — смеясь, рассказывал мне, что дольше держать их вместе не имеет смысла, ибо придётся забирать троих. Ну, осложнений, слава Богу, не было. Температура в пределах нормы. Так что, дальнейший досмотр за больным Катюха всё-таки решила провести у себя на квартире. По этому поводу мы с Русланом только весело переглянулись.

Через неделю я снял прапорщику швы. Рана затягивалась нормально. А если учесть, что Ашот холостяковал, то своим присутствием никому хлопот не доставлял, разве что Катюхе. «Но так то ж — приятные», — гоготнул Руслан. Одним словом, на второй неделе Ашот появился в штабе организации, и история обрела авантурные черты прошлого. Ну, конечно, смочили там встречу по рюмке крепенькой и дружно завалили ко мне в общагу с сувениром. Батищев достал веерок зелёных, прими, мол, браток от всего сердца. Но я категорически отказался. Руслан потупился, спросил:

— Ну а борзыми возьмёшь?

— Борзыми возьму, — предполагая шутку, ответил я.

Но оказалось, майор и не собирался шутить. На следующий день они с Ашотом приволокли мне новейший шестизарядный винчестер.

— Бери. Фирма. И не спрашивай, где взяли.

— Старик — это же целое состояние, — удивился я.

— Конечно, за наши деревянные не купишь. В общем, владей. Кто знает, может, охотиться начнёшь. В отпуске у себя на родине. На кабана.

— У нас кабаны не водятся, — усмехнулся я.

— Зато здесь их валом, — посерьёзней вдруг Руслан. И вообще, иметь такую дачу и без ствола, негоже, старик. И вот тебе ещё и пачка патронов. По-любому время военное.

Вообще-то, у меня с детства была любовь к оружию. Помнится, я гордился перед

пацанами отцовской «тулочкой». Конечно, шарахали с братом на праздниках. Но вообще, отец прятал ружьишко от нас в железном сундуке и под ключ.

Ствол, конечно, обмыли. Уже собираясь уходить, Батишев спросил:

— Слышал, на следующий февраль назначены выборы местной власти?

— Слышал, тесть иногда просвещает, — ответил я. — Главу будем выбирать первыми демократическими.

— Захотелось пареньку нашему легитимности, — сказал Руслан.

— А что это ещё за хрень? — спросил Ашот.

— Как, что? Чтоб народ подтвердил законность своего избранника.

— Понял, под знаменами народа хочет спрятаться, — сказал Ашот.

— А как ты хотел. Городские чиновники вот недавно кампашку провели, эдакий междусобойчик разыграли и Устав города нарисовали. Теперь его в местной брехаловке опубликуют на обсуждение. Так все и станут его обсуждать. Главное — принцип. А задача такая: проташить Витька во власть. То ж его партия назначала, не без участия папашки, а тут народ должен оказать доверие. Партия-то где? Тю-тю на Воркутю. А народ родимый вот он — ты, да мы с тобой. Вот нам и лапшу. То есть, власть демократическим путём, всенародным голосованием выбирает депутатов Думы и градоначальника. Во как! И теперь, согласно Устава, на четыре года. Вот паренёк и засуетится. У него уже везде всё схвачено с собственностью. И на друзей, и на братьев и зятьёв недвижимость записал. Везде он у нас почётный представитель. Во всех акционерных кампаниях будущих и настоящих Член. Ну и банков, само собой, соучредитель.

— Эт точно. Ни одной харчевни нынче, ни одной конторы не откроют без визита Главы, — добавил я. — А помните, в прошлом году газеты трещали, как он с ваучерами носился по предприятиям. Вручал под звоны меди бедолагам заводским. «Вы теперь собственники, мать вашу, богачи!» И сам, наверно, себя не забыл.

— Во-во, и везде с золотыми ножницами, — живо подхватил Руслан. — Одно ленточки в карман к себе кладёт. Вот теперь он хочет стать в Законе. А партия — она своё дело сделала. Её нынче только ленивый не пинает. Так что, ребятки, надо бы и нам присмотреться к сей легитимности. Кто попрёт и у кого какие шансы.

— Я не понял, ты на что-то намекаешь? — в упор спросил я. — Хочешь в эту дуду подудеть?

— А то, а чем мы хуже! Ну, коммунисты это, само собой, какие-нибудь либерал-патриоты, демократы и прочая шелупень в самовыдвижении. А мы новенькие свежие, фронтовики. А?!

Тут возникла неловкая пауза. Мы с Ашотом переглянулись.

— Что языки проглотили?! Думаете, нам слабо? — вознегодовал майор.

— Слабо, не слабо... Там не дураки. Глава этот со своей камарильей прежде чем решиться на легитимность, все ходы продумал, — засомневался я вслух. — Они уже выиграли сражение, Руслан Георгиевич. Потому, что им есть, что терять.

— Ух ты, как хорошо говоришь, доктор! Ну, так что, ещё четыре года он нас будет иметь? А этого он не хочет, чудака понтовый.

Тут Батишев предъявил нам, как вещественное доказательство, фигуру из двух рук.

— Как сказал классик: «Мы ещё поглядим, кто кого «перемогёт».

— Ну, раз ты так решил, я лично не против, — сказал Ашот и отчего-то грустно взглянул на меня. — Двигай, мы тебя поддержим. А вдруг победишь. Мы тогда этим сукам покажем.

— Неправильно мыслишь, прапорщик. Никому и ничего показывать не надо. Просто, делать надо дело. За что мы там своих пацанов положили, чтоб эти гады обогащались?!

— Руслан Георгиевич, ну что ты, ей-Богу, завёлся. Я лично на этого Витька

обиды не имею, — сказал я. — Если каждый на личной обиде — ничего путного не выйдет.

— Вот тут я с тобой согласен, капитан, — пожал мне руку Руслан.

...Потом я часто вспоминал этот наш первый «политический» разговор. Всё было на эмоциях, на искренности, на вере. Впрочем, блажен, кто верует...

Апрель выдался на редкость тёплым. Город утонул в цвете плодовых деревьев и небо, кажется, пахло только что вынутыми из короба пирогами.

Пошла вторая неделя, как наладились наши отношения с Анютой. Я в открытую порадовался, чтоб не спугнуть лиха. Впрочем, Анюта расцвела — в её облике появилась какая-то утонченная женственность, а движения стали мягкими, волнующими. «Похоже, капитан, эта дамочка тебя достала». В самом деле, все мысли теперь были только о ней. Кажется, ещё чуть-чуть, и я решусь на последний шаг. Со встречами, правда, негусто, но на проводе постоянно.

— Ну, как здоровье матушки Главы? Ты поддерживаешь с нею отношения? — как-то спросила Анюта.

— Редко, но перезваниваемся. Врач иногда должен контролировать здоровье своих пациентов. А она, как ты понимаешь, уникальный случай, — ответил я.

— И всё-таки, напрасно ты не взял тогда за свою работу деньги. Принципы Гавр — это хорошо. Но, кому сейчас в этой стране нужны какие-то принципы? Благородство? Честь? Нам вот зарплату задерживают вторую неделю. Непонятно, что будет завтра.

— Ты повторяешься. Тысяча баксов не решила бы проблемы, а вот бриллиантовое кольцо, может быть, — вдруг вырвалось у меня.

— Какое ещё кольцо? В этом месте, пожалуйста, подробнее, — так и вцепилась в меня Анюта. — Тебе эта матушка предлагала бриллиантовое кольцо? И ты мне об этом не сказал!

— Не сказал. Я до сих пор не могу отойти от этого. Да приходила ко мне матушка с бриллиантовым колье на Рождество. Плакала, просила, чтобы я простил её сыночка. Эту вот фамильную драгоценность пыталась всучить мне. Как оказалось из её рассказа, немало омытую слезами. Я отказался. А вдруг с этим сувениром я лишусь своего дара?!.. Потом вдруг упала на колени, обхватила мои ноги и стала просить, чтобы я не убивал её сыночка. Я не знаю, у кого чуть крыша не поехала?

— А почему ты об этом мне ничего не сказал? — занервничала Анюта.

— Не помню. По-моему, у нас с тобой опять были какие-то проблемы. Но дело не в этом. Она хотела уговорить меня принять это чёртовое кольцо, как будто крест с себя снять, точно от этого зависела её жизнь.

— Или жизнь сыночка, — многозначительно подхватывает Анюта. — Женское предчувствие.

Тут Анюта выдержала паузу.

— А знаешь, Гавр, давай сходим в Храм. Поставим свечи. Я уж и не помню, когда в нём была.

— А я помню, в детстве бабушка нас с братом водила в станичную церквушку. Мне было и любопытно, и страшно одновременно. А брату, по-моему, было по барабану. Потом сны ещё снились страшные. Ну а последний раз в Ленинграде, в Александро-Невской Лавре был. Пышное зрелище. Я почему-то так волновался...

— Да вы впечатлительный мальчик, как я погляжу, — рассмеялась Анюта. Вот и пойдём. Свечи поставим к образам. Может, у Господа нашего попросим что? В Храме красиво. Я б и не против венчания. А как вам, офицер, слабо под венец пойти?

— Мой подвиг, Анюта, в стадии созревания. Но решение близко.

— Мне секундомер включить? — смеется Анюта. — Ладно. Завтра встретимся — и в храм, отмаливать грехи. В Свято-Троицкий. Он самый красивый.

— А они у нас есть, грехи-то?

— Это ты завтра у Бога спросишь. Он тебе все припомнит. Так кто к кому приходит? Гора к Магомеду или Магомед к горе? — шутит Анюта.

— Пусть я буду Магомедом. Идёт? — тоже шучу я.

— Ну, тогда жду Магомеда. Правда, я стирку затеяла — успеть бы до ночи. Я всё ещё хочу вам нравиться, капитан. А когда вас нет, у меня ностальгия по далёкому прошлому.

— Это как?

— Это когда мы караулили твою жену. Ты мне уже тогда нравился. Сколько уж лет прошло? А Магомед всё не торопится к горе.

— Ну договорились же, завтра я захожу за тобой с утра.

— И не побоишься своей? Завтра суббота, — мягко ехидничает Анюта.

— Начнём с того, что она уже не моя. И пусть теперь она меня боится. Прошло всё, Анюта.

— Ладно тебе, а то я уже чувствую твою меланхолию. Жду, — отвечает Анюта и кладёт трубку.

На следующий день, как договорились, я прибыл к ней. Я был в гражданке — обычные серые со стрелками брюки и светлая рубашка с короткими рукавами. Тепло. Апрель на перевале. В последнее время я вообще редко надеваю форму. Разве что, на «мальчишник» в организацию или на встречу с пионерами. По «исторической» лестнице поднимаюсь легко — никаких волнений и заблуждений. Последний Галинин финт с цветами поставил жирную точку в моей драме. Возврат не только нереален — он, кажется, противоестественен природе. И хотя я знал теперь точно, что Галина этого своего профессора выставила вон — сердце моё на сей акт отступало равнодушно.

А Анюта была готова к моему приходу. Я лишний раз убедился в её необыкновенном обаянии и женственности. «А может, ты просто соскучился, офицер?» Впрочем, скромное, без излишеств, платье бежевого цвета, с отложным воротничком и коротким рукавчиком ловко подчеркивали достоинства её фигуры. Туфелька на шпильке, умеренный макияж, но главное — её безумно пышные локоны волос, слегка прихваченные на висках заколками — всё говорило сейчас о безупречности вкуса и какой-то особой изящности.

— Я думала, ты на машине приехал. Хоть бы раз прокатил, — поиграв лукаво глазками, встречает меня Анюта.

— Прокачу. Денёк-то какой. Только для прогулок. Мне всё лень свой «жигулёнок» перегнать к себе под окошко общаги. А уже пора. — Тут я, наконец, взглянул на Анюту и не мог не воскликнуть:

— Ты сегодня просто необыкновенна!

— Ну, слава Богу, дождалась. Что, расцветаю? — кокетничает Анюта. — Гляди, военный. Птичка может упорхнуть.

— Угу, я ей упорхну. Я с этой птичкой считай, жизнь прожил.

— Чего-чего? Вы меня определённо с кем-то путаете. Повторите, пожалуйста, уж очень интересно. Неужто, мы созрели?

— А вот пойдём сейчас в храм. Посмотрим, как там что...

— Ну и что? — смеясь, подхватывает Анюта. — Под венец, господин офицер?

— Там видно будет...

У храма Анюта надевает платок и говорит.

— Ты погляди, сколько нищих. Вроде и праздника нет святого. Пасха прошла.

Они сидят в две шеренги, образуя некий живой коридор, по которому идут люди. И обойти, чтобы не встретиться с кем-нибудь глазами просто невозможно. И странное состояние какой-то одинаковости этих глаз оставляет осадок безысходности. Что пригнало их сюда? Не только ведь всеобщая российская хворь? Или возможность вот так ловко, накоротке, использовать нашу национальную черту — «милость к падшим»,

или ещё что-то большее, какой-то ритуал — и прощения, и протеста одновременно. Хотя подают-то больше такие же бедолаги. Конечно, я подавал налево и направо, стыдливо пряча глаза — но, ей-Богу, за спиной моего офицерского прошлого не было этого чудовищного «вприсядку» строя калек и убогих. И подаю, подаю...

— Сюда обязательно надо брать мелочь, — говорит мне Анюта.

— Да взял, но тут и монетного двора не хватает, — пытаюсь отшутиться я.

И тут вдруг длинноволосый седой старик, понуро склонив предо мной голову, говорит:

— От тебя не возьму. Ты — убиенный, хлебнул лиха.

Зато девчушка, сидящая с ним рядом, вся в лохмотьях потянула ко мне ручку:

— Дай мне, дяденька, копеечку.

Я сыпанул ей горсть и та, мельком пересчитав их, сунула себе за пазуху, и сердце моё сжалось от боли.

— Пойдём, Гаврюш, — вдруг нашлась моя Анюта. — Господи, как ты побледнел.

— Да так, мне что-то показалось, — сказал я и торопливо шагнул вперёд — мне не хватало воздуха. Господи, так это же старик Рерих с моей дочерью! — вдруг осенило меня. И в следующую секунду я вернулся назад — но ни старика, ни девчушки не нашёл. То есть все были на месте, но, как и прежде, — на одно лицо.

— Ну, что с тобой случилось, Гавр? Тебе плохо? Чего мечешься?

— Нет, ещё не знаю... Кажется, я встретил своего сослуживца, — торопливо сказал я. — Он был здесь. Я его видел.

— А может, тебе показалось? В нищих?

— Может быть... показалось...

Здесь же в зале Храма Анюта купила свечи. Часть — мне, и мы пошли к иконостасу. В храме людей оказалось не так много. Мы зажигаем свечи, устанавливаем перед алтарем. Анюта шепчет:

— Креститься надо и кланяться, когда свечу ставишь.

Тут вдруг из врат царских выходит молодой человек в рясе с большим золотым крестом на груди. Заметив нас, он улыбнулся и шагнул к нам навстречу.

— Доброе здравие, — чуть склонив голову, сказал он.

— Здравствуй, Олесь, — улыбнулась ему Анюта. — Гаврюш, познакомься — это мой школьный товарищ Олесь...

—...В миру, — поправил её священнослужитель. — А так я — отец Олег. — Ну, здравствуй, Аннушка. Давненько не приходила. Считаю, со смерти мужа.

Тут Анюта очень смутилась, да и отец Олег как-то зарделся и взглянул на меня извиняюще. Я отметил себе, что для отца-батюшки в моём христианском представлении этот Олег был мал росточком, бородёнка, как у гоголевского дьячка, и глазки мелкие со слезинкой. Я проникся к нему скорее жалостью, чем уважением. Возникшую нервную паузу ловко ликвидировала Анюта.

— Познакомься, Олесь — это мой друг Гавриил Алексеевич Апраксин. Капитан. Участник войны в Афганистане.

Я подал отцу Олегу руку.

— Бывший военнослужащий, к сожалению...

— Бывших не бывает, — как-то укрепил меня батюшка. — Жив. Раз Господь оставил, значит, на праведные дела. По глазам вижу, всё у вас хорошо. А то, что храм не забываете — честь вам. Мы однажды забыли дорогу к храму и к чему это привело?!

Тут отец Олег повернулся к алтарю и трижды перекрестился.

— Молось я за вас, ребята. — И вдруг наклонился и сказал Анюте на ушко, но так, чтобы и я слышал. — Береги своего мужчину.

И ушёл.

— А у батюшки-то глаза мученика, — сказал я ему вслед. — И взгляд пронизывающий.

— Ты заметил? Ты знаешь, я ему нравилась. Он меня на выпускном вечере даже в щёчку поцеловал. Он тогда совсем другим был. Весёлым, что ли. Жизнерадостным. Давай, Гавр, помолимся каждый о своём. Загадаем что-нибудь. Ну, я пойду к Божьей Матушке, а ты — к Николаю Угоднику.

Так и сделали. А когда вместе выходили из храма, опять столкнулись с отцом Олегом, в миру Олесем Ярцевичем. Он нам простодушно кивнул.

А сразу за тяжёлой массивной дверью Анюта взяла меня под руку. Мы опять шли к воротам, а за ними вольница нищих, и я чувствовал волнение. Впрочем, их стало гораздо меньше, и руки они тянули скорее по привычке, чем из нужды. Я поискал глазами Рериха — его не было.

— Берегите своего мужчину, — вслух вырвалось вдруг у меня. — Почему надо меня беречь, Анюта?

— Не знаю, ему виднее, — сказала Анюта. — А что, тебе не хочется? Хотя, может, он имеет ввиду моего так нелепо погибшего жениха. Наверное, ему показалось, что у тебя нет Ангела-хранителя.

— Может быть, — отозвались вдруг во мне её слова каким-то странным эхом.

— Знаешь, Гаврюша, мне Олесюк всегда было жаль, — говорит Анюта, когда мы покидаем пределы храма. Еврейский мальчик из какого-то Белорусского местечка прибил к нам в пятом классе. Есть такие упёртые отличники — вот он такой. Математику лучше всех знал, а поступил в МГУ на философский. Со второго курса его забрали в армию. Представляешь, в стройбат. Там его били, издевались, даже говорят, изнасиловали. Его комиссовали. В университет не вернулся. Один он у матери. Отец от чего-то там умер. Что-то у Олеся с психикой вышло, долго лечился. А потом пошёл прислужником в храм. А следом — духовная семинария. Теперь он даже чин какой-то имеет. Ему иногда доверяют вести службы. Поёт, заслушаешься. Вот такая судьба. Кстати, когда я пошла к нему поговорить насчёт венчания со своим прежним, у него в глазах вдруг слёзы появились. Он сказал:

— А вам бы надо повенчаться. Но ему нельзя. Он не захочет.

Так и вышло. Наверное, что-то почувствовал.

— Да, Анюта, у него не глаза, а какая-то расплавленная слеза.

— Что ты сказал? Господи. Ну как точно! — воскликнула Анюта.

— А ты-то сама — истинно верующая? — вдруг спросил я.

— Не знаю. Ещё не поняла. Но очень хочется верить. Ты же знаешь, как нас воспитывали? По ленинским заветам. Верь во что хочешь, только не в Бога. А ты?

— После Афгана все верующие, кто в живых остался.

Потом мы обедаем в кафе. А потом идём домой к Анюте.

— Скоро праздник. День Победы, — говорит Анюта, а потом у меня будет день рождения, а потом уже лето. Скучно мы с тобой живём, военный. Ты хотя бы один раз свозил меня на море. Вроде и не жадный.

Тут мне становится стыдно — в самом деле, почему я ни разу не повёз её на море. Неужели только Галина, эта страсть, мне глаза затмила. Стыдно, офицер.

— Вас понял, виноват. Этим летом обязательно. Это будет мой тебе подарок на день рождения.

— А ты не забыл — майская я. Только, в Сочи в мае делать нечего. А я хочу только в Сочи!

— Согласен, значит любой месяц лета? Да? Ну, а после отдыха окончательно подведём черту.

— Да неужто, ты созрел, капитан?

— Уже перезрел. И вообще, хочу тебя, наконец, с родителями познакомить...

— Попробуй.

Мы выходим из кафе. Анюта берёт меня под руку.

— Ну что, ко мне? Я так хочу, чтобы нас с тобой встретила твоя бывшая. — Счастливо смеётся Анюта.

И мы идём в мой бывший дом и, конечно, не встречаем Галину. Так, по заказу, бывает только в кино. А на душе тревожно. Перед глазами этот живой колумбарий рук и лиц нищих и калек, тянущих руки. Да ещё эти слова отца Олега: «Берегите своего мужчину».

12

В последних числах апреля позвонил Батищев, как всегда ближе, к полуночи. Я так и напрягся. Но, слава Богу, никакого ЧП. Просто, в это время нормальные люди спят, а у него «мысль», не требующая отлагательств.

— Извини, старик, но я тут прикинул что-то, к чему-то и решил. Будем отмечать День Победы, и широко. Так скажем, вечер двух поколений. Через две войны.

— Руслан, у меня сегодня был очень гружёный день. Устал, честное слово. Давай на утро.

— А на войне ты не уставал? — обиделся майор.

— И на войне уставал; ну, давай, что там? — тут мне стало неловко.

— Ну, если мысль, Гаврюш? Она ж не придёт опосля, — взмолился Руслан.

— Ну, давай, давай, я весь внимание, — поощрил я его, чёрт возьми, всё-таки любопытно.

— В общем, так: арендуем дворец культуры, лучше машиностроителей — он почти в центре. Приглашаем толковую ведущую — есть у меня на примете. Расписываем торжественную часть. Пионеров ставим на встречу ветеранов у входа с цветами и т.д.

— С пионерами будет напряг. Они сейчас в подполье, — пошутил я.

— Тут всё у меня схвачено. Не боись. Так вот, приглашаем ветеранов самых-самых...

— А ты когда собираешься это мероприятие делать? — Кажется, на седьмое мая общегородское торжество в театре. Тут времени всего — ничего.

— Ну и что?! А мы восьмого. Я знаю, что у них там будет. Скукота. Знамя внесут, знамя вынесут. Духовики. И грамоты в зубы. Военком два слова скажет. Может, ещё Витёк покормит в театральной кафешке стариков. Фронтвые сто граммов нальёт.

— Значит, ты хочешь удивить?! — то ли спросил, то ли согласился я, отметив себе, что надвигающийся сон, как рукой сняло.

— Я хочу сделать оригинально. Типа от всей души, понимаешь? Как бы встретились два поколения. Представляешь — две войны, два мира. Глаза в глаза.

Чёрт возьми, кажется меня начинает увлекать его идея.

— Да всё отлично, Руслан. Но времени почти нет, — сказал я.

— Ты меня ещё не знаешь, я завтра всех на уши поставлю. Но мы сделаем такой праздник, — Витьку и не снилось.

— Не понял, ты для кого делаешь праздник?! Для Витька?

— Да это так, от досады. Я уже и начало придумал. Вообрази. Открывается занавес под революционный этюд Шопена...

— Ты меня удивляешь, ты даже классику знаешь, — перебил я его.

— Я музыкалку заканчивал по классу фоно. И в училище в оркестре играл. У меня мама преподаватель музыки, а отец военный. Сейчас инвалид. Чернобылец.

— Извини. Как мало мы знаем друг о друге, — сказал я.

— Ничего, революционное время нас сблизит. Ну, так вот — открывается занавес. На нём просто задник — вид города. Предвосхищаю твой вопрос, такой есть! Опять-таки звуки революционного этюда, и выходишь на сцену ты.

— Не понял. Я-то тут с какого бодуна? — едва не рухнул я.

— Не перебивай. Это уже решено. Выходишь ты, скромно с палочкой и просто от души приветствуешь ветеранов. Скажешь: «Я военный врач, и я это видел... Кровь, страдания...» Покажешь свои руки. Вот, мол, этими руками я давал жизнь, как, впрочем, и закрывал глаза. Вот такой пролог. Ну а дальше всё по сценарию. Так же закончим подарками, фронтовой соткой. Ну а после торжественного собрания выступления ансамбля Северо-Кавказского военного округа.

— Да кто тебе даст ансамбль! В эти дни его раздирают на части, — сказал я, слегка нервничая, но идея меня увлекла.

— Ты готовь речугу. Да так, чтобы тебя надолго запомнили массы. А с ансамблем я уже договорился. Это первое, что я сделал. Там у меня свой человек. Ну, сам понимаешь, не задаром же ребята будут выкладываться. Ну как тебе мысль?

— В общем, ты решил идти на выборы. Начинаешь себя раскручивать. Организацию подключил, дураку понятно, — усмехнулся я.

— Мыслите вы в правильном направлении, капитан. Но есть одно «но», о котором позже. Да, кстати, пригласим прессу, радио, телевидение. Под наши знамена многие подпишутся. Но не сразу, конечно. Понял, капитан?

— Я понял, что ничего не понял. Как ты всё успеешь за неделю? — засомневался я.

— Люди уже работают. Денежки капают. Ты готов толкнуть такую речугу, чтоб все наши ребята в полный рост встали? И живые, и мертвые. У тебя получится. Ты спросишь — почему ты, а я тебе отвечу известной притчей. «Никогда не спрашивай у Господа — почему ты?» В общем, готовь речь, коротко, но чтоб до костей, до сердца...

«Чёрт возьми, и отказаться нельзя», — мелькнуло у меня.

— Но, всё равно, кого-то же из Администрации надо пригласить? — поразмыслил я.

— Конечно, надо. И от первого лица. Мы-то пошлём свои «золотые» открытки, только, в лучшем случае, Витёк нам сольёт какого-нибудь инструктишку из отдела культуры. После некоторых мероприятий, известных тебе, у него аллергия на нашу организацию. Так он от меня желаемый автодром и не получил. У меня тоже кое-кто в области есть. Ну, это, Гаврюша, другая история. Спокойной ночи!

«Какая уже, к чёрту, спокойная», — положив трубку, подумал я. Вот теперь надрывайся ещё и с «речугой». Да нет, что-то другое задумал майор. Так просто глубоко не запахируют.

Утром следующего дня звоню Анюте. Жестковатый дамский голос отвечает чисто по-контторски.

— Кремнева на планерке. Освободится через пару часов.

«Спасибо, умыли», — подумал я. Чёрт возьми, как хочется с нею увидеться, ввиду новых обстоятельств». Но тут меня отвлекает звонок в дверь — первый клиент, и я включаюсь в работу. Впрочем, до обеда Анюта позвонила мне сама.

— Что случилось, Гавр?

Я без деталей, обще, рассказал о «заговоре» Батищева и своей роли в нём. Анюта отнеслась к этому предложению абсолютно спокойно. А её вердикт меня просто восхитил.

— Да наплевать на его заговор, Гавр. Ты подумай о себе. Ну не век же ты будешь сидеть в своём гнёздышке. Пора выпархивать. И ничего плохого нет в том, что ты покажешься на людях. Выглядишь ты хорошо. Как наши девчата говорят, впечатляешь.

— Почему я должен открывать это торжество? Что он надумал? Неужели, выход инвалида с костылем такой уж драматический ход?

— А ты его сделай драматическим. Неужели, тебе нечего сказать о том, что ты видел и что пережил? — Анюта сделала паузу. — Это ты должен решить сам. И срежиссировать тоже. Надеюсь, я буду присутствовать в зале?!

— Я хочу, чтобы ты была необыкновенная в этот вечер.

— И я хочу. Но все зависит от тебя. Целую.

— Понял, — ответил я и положил трубку. От разговора с Анютой у меня явный подъём. Я оглядел свою келью. «Пора выпархивать из этого гнёздышка, говорят тебе, на свет Божий. Хотя бы иногда».

Вечером следующего дня позвонил Руслан. И после приветствия, сразу к теме:

— Речь учишь?

— Угу. На бумажке написал и долблю, как двоечник, с утра до вечера, а то других дел нет.

— Серьёзное, капитан, серьёзное. Такая ответственность, — занервничал майор.

— Когда надо, я скажу то, что надо. И скажу так, как надо. Мне режиссер не нужен, — твёрдо, но слегка бравируя, ответил я. — Лучше просвети, как там развиваются события?

— Да как по маслу! Команда работает. Люди по объектам расписаны. Единомышленников, хоть отбавляй. Каждый мечтает вставить «оному лицу» что-то во что-то. Во всяком случае, наш вечер по-любому должен быть на голову выше этого удалца.

— А среди наших поклонников могут быть и засланцы?! — то ли спросил, то ли утвердил я.

— У меня на сей счёт своё агентурное агентство имеется. Уж больно серьёзные вещи будут поставлены на карту. Так что, процесс пошёл. Учи роль...

— Подожди, не клади трубку. По моему телефону только что-нибудь про любовь. Надеюсь, ты меня понял.

— Эт ты правильно мыслишь, капитан. Спасибо. Учту.

После разговора с Русланом, я позвонил Анюте. Она взяла трубку.

— Ты дома... Еду к тебе — это срочно.

— Ты на своей? — спросила Анюта.

— Да, вчера перегнал из военкомата себе под окошко. Теперь я на колёсах до конца сезона. А на зиму опять туда, в военкомат

— А что, собственно, случилось? Какие-то неприятности?

— Анют, ну почему должны быть неприятности? Приятности. Встречай. Десять минут и я у тебя.

Анюта ждала меня у открытого окна кухни. Любопытная Варвара — ей непременно надо было лицезреть меня за рулем.

Я припарковался и помахал ей. Поднялся.

— А я только в душ собиралась, — после поцелуя сказала Анюта. — Ты ужинал?

— Ещё нет. Но есть не хочу.

— Ты какой-то загадочный. Ты сегодня останешься? Или хочешь меня показать?

— Сколько вопросов. Сегодня не останусь. И вообще, устал. У меня завтра ранний клиент. — Проблемный. Общий массаж. И далее по списку. — Тут я лезу в карман и достаю деньги.

— Это мой месячный заработок. Что хочешь, делай, но на этом вечере ты должна быть лучше всех.

— Слава Богу, дождалась, муж начал зарплату отдавать, — покетничала Анюта и поцеловала меня в губы.

— Там ещё и немножко валюты, — заметил я.

— Мало времени, но я попробую быть лучше всех, командир, — явно радовалась Анюта.

...Время «икс» приближалось с бешеной скоростью. И, как ни работало «агентурное агентство» майора, вставить палки в колёса нам пытались, и неоднократно. То вдруг ни с того, ни с сего затеяли ремонт сцены, то вдруг в «знаменитом Дворце машиностроителей» загнули щиты электроснабжения. Ясное дело, не обошлось

и без работников санэпиднадзора, в связи с плохой работой канализации. Всё это «по мере поступления» Батищев гасил суммами не для слабонервных. Потом вдруг психанул и позвонил своему боевому товарищу в Округ — рассказал о своей затее, широко, с деталями. И на следующий день во дворец явилась свита из представителей администрации на предмет готовности объекта к торжеству.

— Какие люди! — облобызался с каждым из них Руслан и после беглого осмотра и, разумеется, оценки «отлично», повёл «маленько откушать» комиссию тут же в кафе «Экспресс».

— А если б дядя не позвонил? — спросил я Руслана.

— Это обошлось бы мне ещё большей кровью, — вздохнул Батищев. Похоже, он выдохся. Впрочем, всё только начиналось.

Наконец, наступил означенный «день Икс» — то бишь, наш вечер двух поколений, посвящённый очередной дате Победы. Торжество намечено на 14.00 часов. Погода за окном в полном соответствии с заявкой — небо как будто специально насытили до упора голубизной и, кажется, от неё город как-то опрозрачнел, посвежел и, чёрт возьми, кажется, даже помолодел. Откровенно говоря, накануне спал я тревожно — всё-таки сказывалось волнение, но утром после прохладного душа, я решительно взял себя в руки и почувствовал даже какой-то кураж. Самое главное — я знал, что скажу. Я не набрасывал себе тезисов, как рекомендовал Батищев, ничего не учил и главное — ничего не придумывал. Просто я был уверен, что те самые нужные слова придут уже там, на сцене, когда «глаза в глаза». Я собрался, надел парадный костюм с наградами. Вышел.

День обещал быть жарким, но утренняя свежесть держалась долго. Просто, накануне череда майских гроз отработала до упора свой плацдарм. Лёгкий, чуть влажный ветерок — как эхо минувших сражений. Мы созвонились с Анютой и договорились, что я зайду за ней где-то в первом часу. Почему бы не прогуляться по городу, просто так — не часто нам выпадает такая возможность. Я покупаю в цветочных рядах по пути маленький изящный букет фиалок. И иду к своему дому. И вот я жду у подъезда выход своей Анюты. Я, кажется, взволнован, ну а как же по-другому? Я жду любимую женщину. И вдруг появляется она и, как это ни банально звучит: «Остановись, мгновенье!» Серо-голубой костюм с лёгкой уверенностью облегающий её женские достоинства, какой-то изящный кулончик на груди, туфельки, — но главное, воздушный шёлковый шарфик, небрежно окольцевавший её шею и леновато ниспадающий вниз, — это было блестяще! И как подарок судьбы — эти вьющиеся локоны волос, разбросанные по плечам. Она смотрит на меня и улыбается, как девчонка — напряжённо и чуть-чуть виновато.

— Ну, тебе нравится, капитан? — спрашивает она, а мне почему-то кажется, что от волнения у неё сейчас выпадет эта изящная безделица в руках — перламутровая сумочка. — Я так старалась!

— Я тебя люблю. Я тебя очень люблю, — только и сказал я. — И прости меня, ради Бога.

Она царственно подходит ко мне и берёт под руку.

— У нас ещё есть время погулять?

— Есть, — едва лепечу я от волнения.

— А почему ты сегодня с палочкой. Болит нога?

— С ногой всё в порядке. Эта палочка — реквизит. Я с ней выйду на сцену открывать концерт. Так задумано по сценарию.

— Тебе интересно, как я себя рисовала?

— Мне всё теперь интересно... — искренне говорю я.

— Моя портниха отставила все заказы и занималась только мной. Такая умница. Сколько мы с ней журналов перелистали?! Шарфик — это её идея. И сумочка. И где-то макияж.

— Денег хватило? — спросила я.

— Хватило. А на валюту я купила косметику. И даже маленький флакончик Диора. Гулять, так гулять!

И тут вдруг навстречу нам идёт моя жена Галина. Мы переглянулись. Я не так уж давно видел Галину, всё в том же памятном феврале, на день рождения дочери — но вероятно тогда от волнения я не заметил главного — её неумолимо надвигающейся полноты. Сейчас сравнивать её с Анютой было бы грешно. Кажется, она ответила на наше дружное приветствие живо, интонационно — легко и даже с улыбкой. Не знаю уж, чего это ей это стоило. Но следом навалилось наше обоюдное тупое молчание. Я заглянул в глаза Анюты — в них не было победного блеска, скорее сожаление. И только позже, когда эту стихию чувств залистало настоящее, я сказал вслух:

— Такая вот «се ля ви» получилась....

— Не надо, Гаврюша. Всё в прошлом, — проговорила Анюта с нескрываемым сожалением.

После шумного фойе: дам «в кринолинах» и господ офицеров с золотом погон и орденом иконостасом на груди, началось, наконец, главное торжество в зале. Впрочем, я единственный раз был на этой сцене в заключительном прогоне программы. Просто, на мой выход отмерили музыку, где-то смикшировали, и режиссёр, эдакий пожилой дока, в джинсовом костюме, дал мне добро. Кажется, я произнёс всего-то два-три предложения.

И вот в зале тают последние шумы и тихо, как бы с разведки начинает своё шествие «Революционный этюд» Шопена. Режиссёр ждёт заветного аккорда и легонько толкает меня в спину — «пошёл». Вначале я чувствую сильнейший удар волнения, но аккорды становятся мягче, и я просто говорю:

— Друзья мои, дорогие наши отцы и деды. Я не был на войне тогда в сорок первом... Но я был недавно на другой, не менее жестокой и кровавой. Знаете, что кровь не имеет национальности, она такая же красная и у друзей, и у врагов. По долгу службы мне приходилось лечить и чужих, и своих... Но не об этом я хочу сказать. В госпитале во время лечения своего тяжёлого ранения я случайно встретил парнишку. По-моему, ему не было и двадцати. Фугас оторвал ему ноги, как говорится, по самое некуда. А он сидел на скамейке и играл на гитаре. Коляска стояла рядом. В коляске ему было неудобно держать гитару. Я не видел, как он менял место своей дислокации — можно только представить себе, чего это ему стоило. И только для того, чтобы петь. Знаете, я грехом подумал тогда, а может он ещё и не пробовал женщины никогда... Но, чёрт возьми, как он пел! Это невозможно передать словами — это надо было только слышать. Я запомнил слова этой песни:

*На что потраченные силы —
От боли сводит скулы.
Война кого-то проглотила,
А нами блеванула.*

Тут мальчишка сделал немислимую паузу. Запрокинул голову, как-будто обращался к Богу:

*Уж лучше перед Богом в рост
На майский радужный погост.
Свеча, стопарь, а по щеке
Две крохотных слезинки...
Прости, что жив, отставить тост...*

И вдруг я вижу, зал медленно приходит в движение. И за первым рядом встают следующие.

*Слова просты, но я не прост.
Душа моя, как стяг в руке —
Пусть даже половинка.*

Вот такие были слова. Простите. Две войны, два мира и одна жизнь. И мы, и вы теперь ветераны. О справедливости и несправедливости войн пусть говорят политики. Но в одном был прав безногий мальчишка.

Прости, что жив.

Какое-то время держится пауза. Все стоят. Революционный этюд смолкает. И следом шквал аплодисментов.

... За кулисами я нос к носу столкнулся с журналисткой «Вечёрки» Ариадной Лисициной. Она поздоровалась со мной с поцелуем в щёчку и сказала:

— Вы меня приятно удивили, капитан.

— Я сам себе удивился, — легонько побравировал я. — А как вы здесь?

— Нехоженными журналистскими тропами, — закокетничала Ариадна. — А если серьёзно, начальством велено сделать краткий обзор. У меня даже родился заголовок: «Прости, что жив». А какова судьба этого мальчишка?

— Не знаю, я видел его первый и последний раз. Слышал, что за ним приехали родители. Да такими историями любая война полна.

— Но не такими стихами, — помрачнела Ария. — То, что вы сделали сейчас — это был экспромт или всё-таки заготовка?

— Вы уже начали писать? А не будет у вас опять неприятностей? Я главе, как кость в зубах, — не без ехидства спросил я.

— То был частный случай. А сейчас у меня обзор мероприятий по военной тематике. Ваше выступление поставлю непременно, чтоб у вас не сложилось мнение, что танцую под чью-то дудочку. Даже в общий заголовок вынесу эту строчку из стихотворения. Как я уже сказала... Но вы так и не ответили на мой вопрос.

Тут подошёл Батищев, взял меня за руку. Я только успел бросить Ариадне: «Извините». Просто оттащил в сторону.

— Ты с дамочкой этой будь поосторожнее. Я понимаю, у неё патриотическая грудь, редкий образец, — но это пассия Витьки — Главы. — Руслан как-то подозрительно осмотрелся, перевёл дыхание. — Хочешь знать мою точку зрения — так вот, ты превзошёл все мои ожидания. Вечером на мальчишнике, на этот раз можно с подружкой, я тебе сообщу очень важную для тебя новость. Собираемся в ресторане «Кавказ». Форму одежды сохраняем. Да, кстати, как я и предполагал, от мэрии сошка мелкая присутствует — куратор по общественным организациям, некто Латипов. Такой плешивый мужичок татарского происхождения... И хватит тут толкаться в кулисах, иди в зал к своей даме. Впереди ещё много чего хорошо. Он подал руку.

— Жму твою мужественную лапу. Ты молодец! — И исчез.

Я пробился на свое место рядом с Анютой, та, вместо похвалы, просто взяла мою руку... Я шепнул ей:

— Вечер у нас в ресторане «Кавказ». Сразу же после выступления ансамбля.

Как и договорились, вечерняя встреча в ресторане «Кавказ» собрала только своих, как шепнул мне Батищев «преданных делу товарищей». Впрочем, банкетный зал оказался полон. Добрую половину гостей я видел впервые. Мне с Анютой «указали на место во главе стола, я попытался было «повозникать», но метрдотель был неумолим». «Всё расписано согласно договора». О качестве сервировки «скромного ужина», изысков и деликатесов — говорить не приходилось — вероятно, бригада Батищева ограбила Американский национальный банк. Однако, к моему полнейшему изумлению, своё место майор с супругой нашёл на противоположном от меня конце стола, где вообще-то собралась публика мне малоизвестная. «Правда, некоторых из них я видел за рулем шикарных иномарок, подгребающих к ресторану. Честное слово, такая дистанция, на которую удалился от меня майор, меня несколько омрачила. Я не знал, чем я так провинился перед шефом, и я почувствовал определённый дискомфорт. Даже Анюта заметила.

— Гавр, тебе не нравится, что нас посадили во главе стола, а твой друг тебя бросил?

— Именно. Хотя бы предупредил, — нервно ответил я, теряя в принципе интерес к вечеру.

— А может, так надо? — заинтригованно заблестели глаза у Анюты. — Может, тебе готовят какой-нибудь сюрприз?

— Анюта, я здесь такой, как все, — сказал я.

— Такой, да, видно, не такой. Мне самой любопытно.

Наконец, все расселись. Слово взял старик полковник, участник Великой Отечественной войны и после довольно длинного выступления предложил-таки тост за Победу.

Дальше застолье развивалось естественным ходом, сыпались тосты и за Берлин, и за Афган, за дружбу и братство по оружию. Конечно, как и положено, спели «Катюшу». Но каждый раз, когда Батищев поднимал свой бокал, он непременно обращался к нам с Анютой. Потом подошёл, обнял нас и сказал:

— Сейчас провожаем стариков-ветеранов и переходим ко второму вопросу повестки дня. Следите за интригой. Надеюсь, вам тут не скучно.

— Я как-то считал, что вы с супругой будете рядом, — не выдержал-таки я.

— Сказано — доктор. Хоть и военный, но не стратег. Тогда я был с нужными людьми. А сейчас я с ветеранами Отечественной. Первая часть моя...

— А что, ещё и вторая будет? — удивился я.

— А то. Ещё какая... Да расслабьтесь, ребята, какие ваши годы?! — сказал Батищев и лихо подмигнул Анюте.

— Руслан, а где Ашот, что-то я его не вижу, — спросил я.

— Ашот срочно уехал на родину — отец приболел. Кстати, с Катюхой.

— Неужели так серьёзно? — пробормотал я.

— Слепой сказал — побачим, — улыбнулся Батищев. — В общем, ребята, ведите себя тут прилично. Всё только начинается.

— Ты чего-нибудь поняла? — спросил я у Анюты.

— Я поняла. Уйдут старики, и что-то очень важное объявит всем своим ваш начальник.

Ждать пришлось недолго. Ветеранов проводили. Оркестр на дорожку сыграл «Славянку». Ну, облобызались, конечно, и слёзы вытерли. Батищев дал команду своим ребятам развезти фронтовиков и пришёл к нам. Заказал кофе. Не спеша, выпил. Застолье в этот момент приобрело хаотичный характер. Кто-то танцевал, кто-то что-то обсуждал, а кто-то просто созерцал происходящее. Впрочем, даже после ухода ветеранов, людей за столом оказалось ещё достаточно много. И тут вдруг я понял. Все чего-то ждут. И в этот момент Батищев сделал жест оркестру, ребята ловко оборвали аккорды, а танцующие пары, не поняв, медленно потащились к столу. Руслан встал, кивнул музыкантам — те вышли.

— Господа — товарищи военнослужащие, наши милые дамы! Наступил момент, не объявленный в повестке дня нашего торжества, но который я бы хотел сейчас озвучить. Думаю, что сегодня встретились единомышленники, а не только братья по оружию. Этот год, как вы знаете, последний, когда власть нам сбрасывалась сверху, как манна небесная. Они устанавливали правила игры, по которым мы жили. Как жили? — вопрос другой. — Тут он сделал паузу, оглядел присутствующих. — На февраль следующего года назначены выборы Главы города. И, как негласно утверждают массы — первые демократические. Совет ветеранов боевых действий в Афганистане принял решение участвовать в этих выборах. Здесь собрались только самые верные, самые преданные друзья. Сейчас я назову кандидата на пост Главы. Замечу — это только предварительный разговор. Так, скажем, смотрины. Но я лично хотел, чтобы вы обратили внимание на этого человека.

— Капитан Апраксин, прошу встать.

Я не знаю, откуда у меня взялись силы встать. Я, кажется, обалдел от такого решения Совета. Так вот он — сюрприз!

— Я не буду давать пока характеристику этому человеку, но это очень умный, высокообразованный, и по большому счёту — цвет нашей армии. В трудную минуту Россия всегда держалась на таких сынах Отечества.

Над столом зависло гробовое молчание. Я взглянул на Анюту — она была невероятно бледна.

— Вам ничего не надо сейчас говорить, — обратился ко мне Батищев. Ей-Богу, я его не узнавал. — Я давно присматривался к вам. А сегодняшний ваш выход к залу меня лишний раз убедил. Вы сможете, и вы это сделаете!

Тут все дружно зааплодировали. Кто-то даже предложил тост. Я стоял, не шелохнувшись.

— Я понимаю ваше волнение, капитан, ваши чувства. — поддержал меня Батищев. — У вас ещё будет время подумать. Осознать и окончательно принять решение.

— Ребята, я же хромаю, — вдруг сказал я. — Где вы видели хромого мэра?

— Ничего, Геббельс тоже хромал, — сказал какой-то басовитый офицерик с галерки и его поддержали дружеским смехом.

— Ну, а теперь приглашаем оркестр. Танцы, господа! — скомандовал Батищев и за столом загудели, задвигались. Только я убито смотрел перед собой — мне, кажется, не хватало воздуха. Подошёл Батищев, обнял.

— Спасибо, майор. На этот раз ты меня сильно удивил, — едва пробормотал я от волнения. — А если я откажусь?

— После того, что ты сделал на сцене? «Прости, что жив». Нет, старик. Есть такие минуты, когда человек себе не принадлежит. Это тот случай. Тебе что, очень хочется, чтобы нами правили негодяи?

— Но почему я! — тут я едва не сорвался.

— Не спрашивай, ладно? — И к Анюте. — Анечка, проведите со своим мальчиком работу. Сегодня исторический день для всех нас.

Ночевал я у Анюты. Сна практически не было — какая-то вязкая полудрёма. Нервы. А в промежутках — разговоры — под одним и тем же пламенным соусом: «Ну, какой из меня мэр?» В самом деле, за душой нет даже комсомольского опыта управления. Как-то так уж исторически сложилось, что я — добросовестный исполнитель, а не руководитель. Однако, Анюта, наоборот, была настроена решительно.

— А почему бы и нет. Если тебя выберет народ — будешь учиться руководству. Ты паренёк крестьянский, упёртый, извини, не в обиду будет сказано. Ты всего добивался сам. Всё у тебя с отличием. Не то, что у некоторых — папки в креслах, да лапки сверху. Если народ тебе доверит, а я думаю, такой шанс есть — ты будешь хорошим руководителем города.

— А если не выберет? — усмехнулся ехидно я. — Позор.

— Ты погляди, сейчас совсем другое время настаёт. В политику пришли новые люди. Вот, например, Гайдар, Руцкой. Но, если с таким настроением — иди отказывайся; но если не ты, то кто?

— Конечно, женой мэра быть приятнее, чем женой массажиста, — съехидничал я.

— А я и не скрою — конечно, приятнее быть женой мэра. И вообще. До сегодняшнего дня я считала, что армия — это чёткое исполнение приказов. Тебе армия сейчас приказала, понял?! И как там у вас — «разговорчики в строю».

Я обнял её.

— Да это я так, с испугу... Гляди, вот уже и рассвет потянулся, а секса у нас так и нет. Первый раз.

Тут Анюта обняла меня, поцеловала горячо.

— Завтра праздник, выспимся.

К себе в общежитие я вернулся только утром 10-го и сразу увидел торчащую в углу двери записку.

«Ув. тов. Апраксин. Подготовьте жильё к ежегодному санитарному обходу. Комиссия будет у вас 13 мая в течение дня».

«Комиссия, так комиссия» — весело подумал я, смятая листок и бросая в урну. И тут вдруг меня так и прошибло током: «Винчестер». Ствол не зарегистрирован. Надо спрятать. А ещё лучше — от греха подальше отвезти его на дачу».

Недолго думая, я разобрал его, уложил в большую дорожную сумку, туда же бросил пачку патронов. Сел за руль и через полчаса я уже созерцал свой цветущий сад. Наверное, только в мае по большому счёту можно оценить всю прелесть своего загородного участка. Надо сказать, что Пахомыч потрудился на славу, дорожки вычищены, старый мусор вывезен. А легкая травка на газонах и цветниках, как первая улыбка. Не успел я от души насладиться прелестями мая на своей усадьбе, и вот он Пахомыч — собственной персоной. Ну, крепкое рукопожатие — это само собой.

— Давненько не было, — сказал сторож.

— Давненько, — согласился я. — Событий, Пахомыч, масса.

Мы присели за стол в беседке. Я огляделся. «Сказать ему, что я иду на выборы главы в качестве претендента», — подумалось, и тут же решил — нет, рановато.

— Хорошо тут у нас, душа радуется.

— Да я маленько погрёб, Гаврюш. Травки молоденькой кролам собрал. Растут, как на дрожжах. Через месяц можно и забивать.

Тут я поднял руки.

— Ради Бога. Только меня увольте от этой процедуры.

— Значит руку человечью или там ещё чего, тебе оттяпать — это — как нечего делать, а животину — жалко, — хитрит сторож.

— Жалко. Это, Кондратий Пахомович, разные позиции. А, значит, и нравственность другая.

— Значит, петушок на столе — это нравственно, а когда голову ему рубишь — нет.

— Что-то не о том у нас разговор, Пахомыч.

— Да эт я так. Надолго воздушком дышать?

— Нет, я по делу. Тут ребята, ну, помните случай с подранком, мне подарок отвалили...

— А как, кстати, этот подстреленный? — спросил Пахомыч. — Живой?

— Смеётесь. Лет сто будет жить. Он Катерину, которая за ним ухаживала, повёз на родину родителям показывать, — сказал я. — Наверное, любовь.

— Всё, как в жизни. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Но я вижу ты, никак, по делу? — спросил старик.

Тут я молча раскрыл сумку. Достал ствол. Уложил на стол.

— Ого! Хорошая машина! — так и воскликнул Пахомыч.

— Это подарок братьев-афганцев за удачную операцию Ашоту, — слегка бравирюя, проговорил я. Собрал винчестер и подал Пахомычу.

— Заграничная штука, — понянчив нежно ствол, сказал Пахомыч. — Для нашего объекта, дюже богато. — Дорогушая, поди?

— А то! За рубли не купишь: Америка. Шестизарядный винт. Вот привёз где-нибудь здесь спрятать. У меня в общаге нельзя. У нас там всякие авралы бывают. Комиссии.

— Во! Есть место для ствола! — вдруг загорелся старик. — Пошли со мной.

Пахомыч привёл меня в баньку.

— Когда клали эту купальню, тесть твой решил здесь сделать тайную кладовочку. Чтoб что-нибудь ценное туда прятать. Грабят-то в основном жилые помещения.

Здесь везде, видишь, кафель, а эта стена напрочь обшита вагонкой. Вот найди тут кладовочку?!

Я стал простукивать вагонку, ища пустоту. Сдался.

— Стучи — не стучи. На месте кладовочки вагонка в три слоя, а под ней — пусто-та. Вот она, кладовочка! — воскликнул старик, что-то там нажал, и от угла отошла плита. Старик потянул её к себе. — Загляни. Там всё путем. Везде кладка в полтора кирпича, а тут в пол. Но зато металлом обшита. Как сейф. Если хочешь знать, тещ твой здесь одно время «Калаш» хранил. А вот на этих полочках сверху патроны лежали и даже рожок.

— Ну, батя, заговорщик! — так и воскликнул я.

— Кто знает, что было тогда на уме у тещя твоего. Он руководил продовольственным снабжением округа. Могли и подставить дружки. Только ты, не дай Бог, не спроси, про этот автомат.

— А как же он вам доверился? Дело со стволом подсудное? — удивился я.

— Да как-то по пьянке показал. Вообще-то он мне всегда доверял. Наказал, чтоб помалкивал. Только, вскорости ствол исчез. И честно говоря, я вздохнул с облегчением. Боевое оружие — это не то, что ружьишко. Помню, тогда ещё он шибко с жинкой своей цапался. Я уж грехом подумал, не гуляет ли она от него. Ну, всё забыто.

— А что, Пахомыч, шарахнем вот разок, опробуем, — сказал я, загоня патрон в ствол.

— Только отойди от меня подальше. Тут и так не хрена не слышу, — согласился сторож.

Я ушёл вглубь сада. Подняв ствол в небо, я нажал на курок. На выстрел хором откликнулись дальние собаки.

— Отдаёт сильно? — спросил Пахомыч.

— Даже не почувствовал. Америка!

— Ну, поигрался, пошли ховать.

Я положил на полку пачку патронов, на что Пахомыч хитро заметил:

— Ты заряди обойму. Раз ствол заимел — он всегда должен быть наготове. Неизвестно, что завтра будет в нашей России. Может, все под ружьё встанем.

— Типун вам на язык, — сказал я, но ружьё зарядил и аккуратно, как научил старик, прикрыл дверцу секретом.

... Утром следующего дня позвонил Руслан.

— Ну что, отоспался?

— По-разному, — неопределенно ответил я.

— Если ты думаешь, что идея выдвинуть тебя родилась вот так спонтанно, только потому, что ты выдал драму на сцене, это не так. Сцена — малая толика. Итог. Претендентов было, кроме тебя, ещё трое. В том числе и твой покорный слуга. Спорили в штабе, чуть до драки дело не доходило, пока на тебе не остановились, всего лишь один голос сыграл в твою пользу.

— И я подозреваю — это был твой.

Руслан замялся.

— Да, я с самого начала был за тебя. Или я иду, или ты. Знаешь, мои коллеги — солдафоны, а ты другой. Ну, во-первых, общий уровень культуры. Деликатность и дотошность. У тебя какая-то крестьянская, в добром смысле этого слова, упёртость. Ты сможешь свежим взглядом оценить ситуацию и принять мудрое решение. В итоге моя точка зрения победила. Понимаешь, ты в этой жизни сам себя сделал, а это дорогого стоит.

— Старик, ну хватит комплиментов. Я уже всё осознал. Чего уж теперь. Как массы решат, так и будет.

— Вот то-то и оно, что массы. Массы ещё надо зажечь. Пресса, как ты, должно быть, видел, на твоё выступление отреагировала, что называется, на бис! Ты теперь

чуть ли не национальный герой. А это твоё «Прости, что жив», если не в заголовках, то непременно в идее. Даже твоя полногрудая пассия пошла супротив воли своего спонсора и тоже отозвалась несколькими толковыми фразами.

— Она не моя, — едва ли не психанул я. — Чего ты мне её тулишь?!

— Боюсь, Гаврюша, она ещё своего слова не сказала.

— А ты не боись, — рассмеялся я.

— Ну что? Держись ты бодро. Чем намерен заниматься? — посерьёзней Руслан.

— Ну, я думаю, пока рановато бить в фанфары — я так понимаю, все события начнутся поздней осенью, ближе к зиме. А пока, сию минуту я намерен сделать профилактику своей «копейке». Впереди сезон. Но буду серьёзно думать. Время есть.

— Старик, уже хорошо, что ты задумался. Я пока тоже сосредоточусь на нерешённых задачах. Но, само собой, в голове держу. А что касается профилактики, поезжай на Даниловский спуск — это недалеко от центра, — там ребята открыли хорошую автостанцию. Никаких проблем. Отдал машину. Тебе назначают время, когда забрать. И свободен. Пришёл, заплатил, получил. Капитализм!

— Спасибо, до встречи.

Я так и сделал, нашел эту шарашку на Даниловском спуске, рассказал механику, всё, что я бы хотел, он, осматривая, добавил ещё и от себя и назначил время, когда забирать. А времени оказалось много. Я решил поболтаться по магазинам, заодно и присмотреть подарок ко дню рождения Анюты. И тут уж, конечно, ювелирный. Я, было, уже занёс ногу на ступеньку Ювелирторга, как простенькая мыслишка остановила меня. «Такие вещи покупают только с дамой сердца». В самом деле, что в этом я понимаю? Облажаться с сюрпризом?! Нет уж, только с Анютой! Но не это в данную минуту утяжелило моё настроение. Я, кажется, только сейчас, сию минуту, после вот такого, накоротке, разговора с Батищевым осознал всю надвигающуюся на меня ответственность. Эйфория прошла. Обратной дороги нет.

...Господи, как наивен я тогда был. Как наивны мы все были...

Разве я мог представить тогда, что погружаясь в русский мир политических иллюзий и страстей, надо напрочь затерять такие понятия, как честь, совесть, достоинство. В улыбке младенца есть неосознанное желание любви всех. Кажется, тогда я и смотрел на мир глазами младенца — разве я подозревал, что борьба за любое властное российское кресло — это война низменных страстей и подлых поступков. От русской власти всегда потягивает сладковатым запахом морга, но твоя жизнь сейчас, ещё до начала процесса «всенародного волеизъявления», уже поделилась на «до» и «после».

...Тогда ещё было время поразмышлять...

Как, однако, я легко согласился быть лидером! Ни мучительных раздумий, ни сомнений — вот так просто, по-детски наивно рухнуть в совершенно неведомый, противный даже самому твоему духу, мир. Мир интриг, подлости, зависти, равнодушия. Ни черта я не думал ни о каком нравственном итоге — БЫТЬ МЭРОМ! Ах, ах! Быть мэром! А что за всем этим?! Мучительное движение в нечто чуждое твоему образу жизни, твоим идеалам и ценностям. Толкотня к трону, в котором нет и никогда не будет соратников, настоящих друзей, искренности. А что в итоге?

Это кипящее гадами сонмище каких-то низменных страстей, пересыпанное, по-русски, запредельными благами, плотскими удовольствиями и невероятным цинизмом. И это от подзабытых партпосиделок до нынешних «демократических» президиумов, от VIP-гальяонов до всё тех же роскошных вилл. Разговоры о человеколюбии, благоденствии — всё блеф. Всякий путь на вершину власти — это Голгофа! И только, наверное, кажется, что под звуки меди и рукоплескания соратников тебя ждёт мир Поступка! Народ жаждет эдакого благородного витязя, чтобы тот хоть как-то смог нивелировать извечную русскую нищету. «Ну и как, капитан Апраксин, ты готов взойти на трон в городе, исторически обласканном, разве что, цитатами вождей?!»

Ну, попробуй совершить этот чёртов поступок, если в тебе что-то осталось ещё от войны, от твоего ремесла и людской боли.

... Так думал я, бродя по улицам города в томительном ожидании получения своей поздоровевшей «копейки». Впрочем, кто знает, что лучше для меня — поражение на выборах или победа? Я уже перешагнул черту в себе. И может быть, уже сегодня, сейчас, во мне что-то начнёт ломаться, рушиться. А вдруг!.. Я стану, как все, мимикрировать — просто, сама природа ваятелей подобного загонит меня в прокрустово ложе таких же деятелей, многозначительно называющих себя борцами за счастье народа, а точнее — упырей, погрязших в роскоши и хамстве. Впрочем, что стоило мне остановиться у первого попавшегося телефона-автомата, набрать Батищева и просто сказать:

— Старик. Отбой. Не спрашивай. Не хочу.

«Ну, а как же быть с чувством долга, офицер?! Если не ты, то кто? Может, ты первый, кто сделает эту власть другой?» — «Да в моих ли это силах?» — «Но ты же не такой!» — всё-таки кто-то настойчиво восклицает за моей спиной. — «Да, но пока», — отвечаю я ему, не оборачиваясь.

И я уходил, уходил от очередного телефонного аппарата, от последней возможности отказаться, и, шаг за шагом, рубил канаты. Только лишь на центральном проспекте, механически загнав себя в подземный переход, я обретаю пространство. Здесь в извечной толчее и затхлых запахах сквозняков, где людские массы низводят до мелкого уровня бытовых проблем любые страсти, я ощутил вдруг острую, доводящую до абсурда безысходность замысла. Кто знает, может, эта мирская, милая сердцу, толкотня у бедных прилавков уже через год станет прошлым. И «членовозка» с холёными холуями, и маскарадные толпы заискивающих чинуш, и сладкая россыпь словоблудий — станет твоим привычным образом жизни. Тебя вот так просто отжуют от этого самого народа: россыпью мелких интриг, стерильным подбострастием, лукавством роскоши, подлостью. Радуйся, военный, пока ты здесь. Пока ты у этих ребят свой.

Тут я заметил на одном из киосков большой аляповатый плакат: «Хочешь быть счастливым»... Фраза-огрызок из Козьмы Пруткова, Впрочем, ни к чему не обязывала. Но любопытных загоняла. Здесь продавали сувениры. А точнее, странные поделки — изуродованные морские твари, какие-то полумедузы, получерепахи, полукрабы и масса других полурептилий из самых глубин водных стихий. Они с какой-то жадностью обращали на себя внимание. И какая-то сила тянула к этим омерзительно-сросшимся с красивыми лилиями уродцам, к морским конькам чудовищно соседствовавшим с глазастыми эмбрионами. Однако, всё это не отталкивало, а наоборот, манило какой-то своей абсурдной красотой и даже отчаянием. Только гениальная, но, как бы травмированная, психика человека могла наплодить этих чудо-уродов, которые вот так оригинально, отталкивая, всё-таки манили.

— А это что? — на всякий случай спросил я у мужиковатой продавщицы.

— Как — что? Уроды. Но зато, какие красивые, а?! Вот хотя бы этот клочок медузы? — вдруг жирно рассмеялась она.

«По-моему, дама неадекватна, как и товар», — подумал я, шагая от ларька.

— Да это, молодой человек, завлекуха, — вдруг весело воскликнула она мне в спину. — Посмотрите наверх. Сколько великолепных сувениров и игрушек. А манят вот эти. Здорово придумано, а?

— И что, берут этих уродцев? — удивился я, возвращаясь.

— А то! На какой-нибудь прикол. Не все же такие впечатлительные, как вы. Вот вы же не всегда покупаете целого поросёнка. А только часть. И не философствуете. А эти штуки талантливо сделаны.

Тут я опять увидел перед собой плакат «Хочешь быть счастливым» и рассмеялся. Я понял замысел. Половинка всегда ближе, чем целое.

— А кто автор этих уродцев? — спросил я, начинавшую уже уставать от меня, продавщицу.

— Да вон же он, стоит у колонны, молодой человек. Ну, так будете всё-таки брать медузу? Я взвешу, — рассмеялась дама. Но тут, слава Богу, её отвлек очередной любопытный, мечтающий, наверное, быть счастливым, и ко мне подошёл автор. Его взгляд — будто ожог. Бывают же такие острые пронзительные, как бы скальпирующие, глаза. Мне от его взгляда стало жутковато. По-моему, я уже видел где-то эти глаза, это лицо. Он, очевидно, хотел обратиться ко мне, но я пошёл.

— Эй, парень, откуда я тебя знаю? — догнал меня его вопрос.

— Не помню, — ответил я.

— Ты в Афгане был?

— Ну был, — обернулся я и продолжал уходить.

— Да постой ты, — нагнал он всё-таки меня. — Хочешь стих на любую тему. На опохмел дай заработать.

Я достал деньги.

— Бери, но ради Бога, без стихов.

— Нет, так не пойдёт. У меня, кроме заразы делать уродцев, есть ещё одна, я пишу стихи. Хочешь, я тебе просто так прочту. Мы ж с тобой в Афгане были. Я тебя помню. Я в Баграме служил.

— Ну, давай стих. — «Не хватало мне ещё воспоминаний», — подумал я.

— Вот это другое дело. Тебе улыбка — мне похмел. — Тут он так щедро заулыбался, что лицо его рассыпалось на мелкие морщинки. Только, вот, глаза так и оставались холодными и каким-то погребальными. — Ну что, сосредоточился, тогда давай любую фразу.

Я задумался. И машинально скосил взгляд на плакат.

— Ну, хотя б: «Я как-то был счастливым».

Парень показал мне большой палец: «Ну, это просто!»

*Я как-то был счастливым,
Момент я помню сей.
Занудно и хвастливо
Порхал, как воробей.
Обмазанный весь счастьем,
Твердил себе одно:
Я зверь особой масти,
А все вокруг — говно.
Пока днём некрасивым
Подумал: «Ведь помру», —
И понял — быть счастливым
В России не к добру.*

От такого стихотворения я как-то потупился. Сказать было нечего. Я полез в карман за деньгами, но парень остановил меня.

— Не парься. Не надо. Это я так, на благотворительных началах. Я тебя помню.

Сказал и шагнул от меня. Просто юркнул в проходящие массы и исчез.

(Окончание следует)

РОДНИК

Альманах в альманахе

*Люблю я степь польвинную
С приправой гаврица
И стая твою былинную
Без края и конца...»*

Анатолій Софронів

**Победитель альманаха
«Дон и Кубань» № 2 (15) за 2012 г.
в рубрике «Родник»
Вячеслав Зименко
г. Ростов-на-Дону**

Прозрение

Рассказ

За столом ректора института, приняв грушевидную форму, сидела *вечность*; она спала. Нет, правильнее будет сказать, — «она коматозно дрыхла, своим храпом обрушивая сосульки и провоцируя сход снежных лавин с крыш ближайших домов». Импульсивно захлебнувшись на вдохе и испугавшись собственной запредельной тональности, *вечность* вскочила, почесала себе «место», на котором сидела, и проснулась. Именно в такой последовательности: вскочила, почесалась, проснулась. Звали вечность Мона Жучкин. Вообще-то, народ «за глаза» именовал *фюрера* целой гаммой заслуженных прозвищ: «Шариков», «Жмоткин», «Жабкин», «Жуткин», «Кошмаркин», но официально все обращались: «Товарищ генерал!»

Управляя высшим учебным заведением и имея громкие звания академика, заслуженного работника высшего образования, члена... (не побоимся этого словосочетания!) корреспондента, Мона до конца не представлял, чем педагог отличается от сантехника или погонщика мулов, например.

Вербальный и педагогический вклад генерала в могущество России переоценить невозможно! Его монологи с пришепетыванием всегда начинались одинаково: «Фто вы тут...» — а заканчивались по-разному, в зависимости от ситуации: «...болтаетесь без дела» (если подчиненный шёл), «...фопой греете стул» (если подчинённый сидел), «трясёте тестисами»* (если тот стоял).

Являясь успешным менеджером, пузатый и ответственный Жучкин легко выпивал волю своих подчинённых и раскупоривал не самые лучшие стороны их душ. В преддверии нужного для себя общественного решения Мона делался сладеньким и пел: «Друзья! Мы фже с вами — коллектив единомышленников!» А добившись результата, *не впечатлялся* положительным исходом предприятия и самых рьяных исполнителей своих замыслов «смывал в унитаз».

Если верить институтским «придворным» хирургам, у генерала нет ни верхних, ни нижних конечностей. Точнее, они когда-то были, но все сломались от непосильной работы, что подтверждено многочисленными рентгенограммами и высоко оплаченными страховками. Причём, изначально этих конечностей у больного было в несколько раз больше, чем у среднестатистического антропоида.

*Тестисы (анат.) — парная часть мужского репродуктивного органа

Генеральская жизнь, по мнению Мони, должна состоять только из приятных впечатлений: получения наград и подарков, личных восхвалений, уестествления интриг подчинённых и организации в учреждении. Две последние составляющие быта академика, похоже, тоже относились к разряду приятных. По количеству государственных и ведомственных наград Л.И. Брежнев катастрофически отставал от нашего героя (видимо у генсека возможности были скромнее). Свободными от блестящих побрякушек местами генеральского гардероба можно уверенно назвать разве только брюки, спинку пиджака и его пройменные области.

О своих детях, в скаутском возрасте уже имеющих звания докторов наук и должности профессоров, Моня с гордостью говорил: «Это нафе будущее!» — и награждал их, в очередной раз, Потанинскими премиями.

И текла такая размеренная и замечательная жизнь до тех пор, пока не грянул «дембель», превративший Жучкина в обычного «гражданского» работника ВУЗа. Оказавшись без короны и скипетра, Моня узнал много нового о человеческих отношениях и пороках, о хамстве и совести, о добре и зле, о рациональном и «деревянном».

— Вы кто? — нагло интересовались у кавалера Ордена Почета вчерашние его замы.

— Почему у вас всё так?.. — строго спрашивали у академика клерки без ученых степеней.

— Вы зачем нарушаете вами же установленные правила? — злорадствовали вчерашние любимчики Почётного атамана Сибирских и Вятских казаков.

От всего этого Моня столбенел, терял связь с объективной реальностью и скакал в суд с иском к очередному обидчику.

Но смертельное оскорбление VIP-персоне пришло, «откуда не ждали». Оперативный дежурный не пропустил генерала через парадный вход института (когда-то Моня сам запретил проходить простому люду через эту царскую дверь).

...Визг, крики, выпученные глаза, красное лицо, «Фто вы тут?», потоки слов и букв, — пена из ушей!

Оперативный уже почувствовал, что его сейчас «станут бить ногами — и больно», но вдруг заметил какую-то спасительную перемену в глазах оппонента... Оказывается, оскорблённый организм, испытав запредельные переживания, безапелляционно предложил Моне срочно поделиться своим богатым внутренним миром с атмосферой. И генерал бодренько, с богатырской удалью (так и не закончив научный спор с оппонентом) запрыгнул в ближайшие кусты шиповника.

«Зря! Зря я отполировал завтрак баночкой сметаны», — подумал Моня, в очередной раз на реактивной тяге поднимаясь над клумбами.

На следующий день, испытывая отвращение к текущему моменту, а заодно и к «коллективу единомышленников», Моня прозрел и уволился из института.

Теперь уже окончательно!

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Вячеслав Дутов
ТО «Союз литераторов Дона»
г. Красный Сулин
Ростовской области

Всё вокруг — поэзия

То, чего весна коснётся,
Обретает два крыла:
Похристосоваться с солнцем
Верба рвётся из кола.

Ты спешишь, весна, ты машешь
Пёстрой кистью на бегу...
Рассмеёшься, и ромашки
Разлетятся с юных губ!

От берёз – в душе светло.
Роща кажется роялем:
Белоснежный строй стволов
На окрестность звон роняет.
Здесь малютка-соловей,
Незаметный за листвою,
Жмёт на клавиши с ветвей
С виртуозностью такую,
Что слезы своей –
не скрою...

Вот и лето!
Клубника поспела,
Под лучом прогревается пруд...
Из бокалов акации белой
Пчёлы мёд, как шампанское, пьют.

Звонкий пляж

Над водой мальчишки
Поднимают ветер,
Летним фейерверком
Брызжет звонкий пляж:

В каждой капле – солнце,
В каждой капле – дети,
В каждой капле – пёстрый
Огненный пейзаж.

Здесь одни качели
держатся за сучья
Разных двух деревьев
С разных берегов,
Но не так уж важно,
Что узка Кундрючья...
И что детство в прошлом –
Тоже, ничего!..

Ура! Ура! Вот снова я у моря –
У ног моих с утёсом волны спорят,
Гора бодает в небе облака...
Душа моя, как парусник, легка:
Подскоком отрываюсь от земли
И вдаль плыву,
Где ходят корабли...

Подбросил шиповник над снегом жарины,
Опята в цвет солнца раскрасили пни...
Из города еду с лукошком старинным –
Руками потрогать живые огни.

Лукошко до дужки огнями наполнят
Оранжевый гриб и багровый шиповник...

Бабье лето

В середине осени,
В солнце октября,
Кроны абрикосные
Маками горят.
В небо чистым золотом
Бьют фонтаны ив,
И петух, что колокол, –
Звонок да игрив.

Всё вокруг – поэзия!
Лишь, поправ любовь,
Ветер точит лезвия
Для бритья дубов...

Уходит осень

За порог уходит осень,
Вымерзают лужи слёз...
Молоко пролил на озимь
Наступающий мороз,
Солнце клином расколело
Серый облачный футляр –
Брызжет мощным ореолом,
Льётся в каждый капилляр!..

Первый снег

В соснах, словно колокол,
Зазвенел мороз...
Мёрзлый месяц облаком
Оттирает нос.
Оттирает,
Фыркает,
Стряхивает прочь:
Первыми снежинками
Высветлилась ночь.

Декабрьский ветер

Ветер жёсткою стужей
Речку в лёд заковал:
Дул, губатый, натужно –
Чуть щеку не порвал.
Дул, ревел и метелил –
Всё сильнее и сильнее...
Откуражил неделю –
Семь ненастнейших дней.
Видно, нет больше силы!
Видно, очень устал:
Вдруг из ветреной сини
Белой птицей упал. –
Лёг тропую под лыжи,
Захрустел под ногой...
И лежит неподвижно
Отгулявшей пургой.

Студёный вихрь устал от бега –
Тепло,
Весна своё берёт:
Распеленался март от снега
И потянул сосульку в рот...

Татьяна Мажорина

ЛТО «Лира»

г. Волгодонск Ростовской области

Вдруг да сбудется?..

Стылый ветер свирепствует, кружится
В закоулках продрогшей души.
И не может мне, и недужится, –
Не сидится в елейной тиши...

Мне на гребне волны, сверхнапористой,
Поневоле приходится быть;
Словом тёмным, порою «забористым»,
Не всегда по течению плыть...

На горячий песок, да у берега,
Бросить душу бы, да отогреть!..
В Слово звонкое, светлое верю я:
Вдруг да сбудется – зазвенеть?..

Читаю Блока

*Но только лживой жизни этой
Румяна жирные сотри.*

(А. Блок)

Бумага. Карандаш. Одна в квартире.
Листок молчит... Он ощущений ждёт.
А я – витаю в сумрачном эфире.
Читаю Блока. Знаю, что проймёт. –

Завьюжит, заметелит, понесёт...
Сердечным словом на бумагу ляжет. –
Обрывки фраз в струну тугую свяжет
Души моей стремительный полёт.

Певец Невы, грустнейший из поэтов,
Мне с высоты обмолвился: «Смотри,
Душой пиши (Я следую совету.),
А лжи румяна жирные сотри!»

Декабрь и слякоть...

Декабрь и слякоть. Серые дома.
Мигают фонари безрадостно и тускло...
Расплакавшись дождём, грустит зима, –
Пора б в обычное вернуться русло!

Пора явиться царственной княжной
В фате из снежной радуги и стужи, –
Накрыв владенья шалью кружевной,
Легко ступать по онемевшим лужам.

И радоваться вместе с детворой,
Играть в снежки, лететь с горы на санках...
И не грустить, поникнув головой,
А с гордостью держать свою осанку!

Закат над Доном

Закат, догорая, любит Дном,
Окрасив его берега
И водную гладь с молчаливым затоном,
Песок золотистый, стога,
Как стражи, стоящие неподалёку,
В янтарно-малиновый цвет.
Вода с наслаждением целует осоку –
Чуть слышно ей шепчет сонет...

Поодаль – мосток, деревянный и зыбкий,
И лодка, с разбитым веслом...
И чайка, стремглав опустившись за рыбкой,
Ударила воду крылом:
Круги разошлись разноцветными бликами.
Закат затерялся за Доном, за липами...

Исповедь

А что, как я поведаю бумаге,
Что чернобылом, тёрном поросли
Моих *невстреч* колючие овраги,
Поля несостоявшейся любви?..

Порой, душа с невероятной болью
Листает памяти страницы вновь...
И утопает в горечи злословья
Тобой не оценённая любовь.

Ольга Ткачёва
ЛТО им. А. Недогонова
г. Шахты Ростовской области

Ковыль..

У самой у дороги, где ветром носит пыль,
Склонились травы белые с названием «ковыль»,
Расчёсаны, как волосы, по ветру полегли
И волнами опавшими касаются земли...

Плугами не запаханы, не скошены косой,
Стоят и тихо светятся неброскою красой.
Над ними небо светлое, а там, вдали – река,
А в ней собой любят крутые берега,
И терпко пахнет травами, а сыростью – с реки,
И яркие, степные, синеют васильки...
О степь, такая мощная есть сила у тебя!
Здесь шли века истории,

воюя и любя:

И полчища хазарские, и скифские шатры,
И битвы, и пожарища, и буйные пиры...
Прошли века...

Что – небыль в них, неведомо,

что – быль...

По-прежнему качается в степи седой ковыль, –
И вновь к земле склоняется пушистою главой,
И снова к сердцу тянется неброскою красой.

Проза.... Проза... Проза..

Ксения Баштова

Ассоциация молодых литераторов
при Союзе писателей России
г. Ростов-на-Дону

Аленький цветочек счастья

Рассказ

У меня в квартире завёлся домовый. Вот уже третий день он шастает по квартире, чем-то грыкает и беспрестанно ворчит, ворчит, ворчит...

— Где это видано! Третий десяток уже разменяла, а всё в девках сидит! И то не диво — печь от сажи не отчищена, в сенях — сор... кот, животинка бедная, третью неделю не купаный!.. Да кто к ей жениховаться придёт!

Первый день я возмущалась и требовала, чтобы шальной домовый собирал свои манатки и шурувал куда подальше. На второй — мрачно отворачивалась от беспокойно снующего домовика, а на третий... плюнула на всё и сейчас лишь меланхолично провожала его взглядом из одной комнаты в другую.

Ой, да подумаешь, почти двадцать два года и не замужем! Ха, да не очень-то и надо! Вот доучусь, тогда и подумаю об этом.

Печь, то бишь плита? — Да мыла я её!.. Позавчера, правда... Ну... А кто виноват, что вчера я жарила картошку... Сковородка маловата... Вот — результат.

Сор? — Какой, нафиг, сор! Подумаешь, Барсик вчера фиалочку в коридоре перевернул. Цветочек я осторожненько убрала, а на полу немного земли осталось...

Ой, да и что такого, что я этого самого Барсика столько не купала?!.. Это всё родители виноваты! Откормили этого оглоеда за прошедший месяц, он на руки не даётся, при одном виде ванны шипит, как сдувающийся шарик, и плюётся, как верблюд... А я его — купать?! Ага, щ-щас! Только, шнурки поглажу...

Домовой не отстал и на четвёртый день. И на пятый... К концу недели я уже была готова придушить его, лишь бы не слышать этого бесконечного бормотания и бухтения! Бли-и-и-ин... Ну, вот, почему он появился только после того, как родители уехали на юг? Может, они бы его успокоили?

В общем, я принялась вспоминать, чего ж с ним можно сделать. — Лишь бы он отстал. Господи, хоть бы он отстал!.. На ум ничего не приходило. Все мои знания о домовых ограничивались просмотренными в детстве

мультиками про Кузю да Нафаню. И вели они себя в них прилично, на людей не кидались! Не то, что вот этот...

Ничего не придумав, я решила известить домового... невниманием! Жить так, словно я его не вижу, не слышу, и — вообще... Тем более, что домовый обычно появлялся на квартире где-то в полдень, около трёх часов шастал по квартире, а потом исчезал так же неожиданно, как и появлялся.

Бойкот сорвался на второй день, когда домовый, ни с того ни с сего, каким-то образом умудрился запереть дверь в ванную (у нас там отродясь изнутри никакого замка не было)... Не помню, что мне там, в ванной, понадобилось, но последующие полчаса я провела, молотя кулаком в дверь и вопя:

— Открывай, зараза!!!

Наконец, в ванной что-то загрохотало, и смурной домовый, высунув голову в коридор, мрачно поинтересовался:

— Чуго тебе, собственно, надо?

Честно говоря, я уже и сама забыла, «чуго мне, собственно, надо», но любое дело необходимо доводить до конца. — Я промаршировала мимо домового в ванную забрала с туалетного столика закладку и отправилась в зал.

— Свету в ванной больше не зажигай! — крикнул мне в спину домовый.

...Разбежалась!

«С той поры» между мной и домовым развязалась негласная «холодная война». Стоило мне только включить лампочку, как этот... этот... нехороший домовый тут же её выключал. Хотя нет, «с той поры» — это сильно сказано. Первое время я терпела и, может быть, даже и не часто включала... но потом мне это надоело. В конце концов, кто в доме хозяин? Я или этот... барабашка?!

Оказалось, что всё-таки — барабашка... В один прекрасный момент ему, видимо, надоело гасить за мной свет и, когда я щёлкнула выключателем, выяснилось, что лампочка не горит. Нормально...

— Контакты отошли! — ехидно пояснил домовый.

...Лампочка оказалась почти полностью выкрученной из цоколя. С той поры зажигание света в ванной превратилось в какой-то ритуал... У меня просто слов других нет!

Я включала свет, убеждалась, в очередной раз, что светильник не в порядке, шла на кухню за стулом... докручивала лампочку. — И так без конца... *Ужас!* И за что мне такие муки? И ведь скажешь кому — не поверят.

Наконец, домовику, видно, надоело выкручивать лампу и, когда я в очередной раз влезла в чашечку светильника, мои пальцы едва не напоролась на цоколь с острыми осколками лампы.

— Лопнула? — сочувствующе поинтересовался домовик. — А ты не зажигай!

В последующие дни мне приходилось заходить в ванную со свечкой...

Домовой подобрел и даже (что в лесу сдохло?!), вместо обычного зудения, сочувственно протянул:

— Ничё, девонька, будет и на твоей улице праздник! Найдём мы тебе суженого...

Я поперхнулась конфетой, бросила её недоеденной.

Конечно, всё имеет свой предел. В том числе и моё терпение. Я откопала папины плоскогубцы, с трудом выкрутила в ванной остатки лопнувшей лампы и поставила новую. На сто ватт.

Яркий свет залил зеленоватый, в пошлый розовый цветочек кафель... Какой, нафиг, цветочек? Какой зеленоватый кафель?! Всегда ж — всё в синих тонах было!!!

...Стены ванной заплели алые цветы.

Огромные, с мою ладонь, бутоны прямо на глазах вяли и, заливаясь тошнотворной чернотой, рассыпались в пыль... Боже, что происходит?!

Домовой наскипидаренной кошкой промчался мимо меня и щёлкнул выключателем:

— Ты чуго наделала, дурында?!

— Ч—что происходит? — тихо выдохнула я.

— Щастье ты своё спалила, девонька, — печально вздохнул домовой. — Квитка папоротника то была... День ему оставалось расти-цвести... А потом... И жених бы был, белый лебедь... И детки, красны ягодки... Магия это была старинная, все стены я здесь засеял... да ты, дура неумытая, все спортила. Садил я его, растил... да боится он света яркого... а ты... Нет тебе щастья боле, завяло всё, осыпалось... Хотел я помочь тебе, девонька, — бедная ты, даже животинка тебя не любит... а ты всё спортила...

И он тихонько выскользнул из ванной...

Всю ночь я потратила на разгребание завалов под ванной. Свеча дрожала, отбрасывая блики, кто-то завывал в трубах... Но к утру у меня в ладони лежал маленький, выкопанный из дальнего угла возле канализационной трубы, алый цветочек...

Днём, едва печальный домовой заглянул ко мне в квартиру, я затащила его в ванную и сунула под нос бутон, завёрнутый во влажную салфетку:

— Оно?!

Домовик, схватив цветок, замурчал, как довольный кот...

Теперь я — тихонько выскользнула из ванной. Что он там ещё говорил, — для счастья надо? Плиту вымыть, мусор убрать, кога выстирать?..

Валерий Калина
Литературная гостиная
Наташи Корбут
г. Ростов-на-Дону

Отказавшийся от крыл

Падший ангел

Я или плачу, сам толпу смеша,
Или смеюсь над плачущей толпою.
И весть, что принесу на бранный Шар,
Никто не ждёт и не зовёт благою.

Хотите, чтобы мысли я открыл? –
Я – ангел, отказавшийся от крыл,
В толпе людской не вижу человека...
Вам срок отпущен до скончания века,
А вы – уже украли столько лет!
И не просите больше,
Нет. Нет!.. Нет!!!
Греховность настоящего – ПРЕДЕЛ:
Наворотили вы бесславных дел...

Своим неверием лишились, видно, силы.
Какие глупости у Бога вы просили!
...Коллапс.
...Страница смята и – в костёр.
Но Бог – есть Бог, и слог его востёр. –
Рука возьмёт перо и лист бумаги...
И человек опять родится *нагим*,
И из ребра жена, и жизнь в раю...
Я первенцу их что-нибудь спою,
И крылья за спиной – опять лечу...
Напрасно всё!..
Я больше – не хочу.

Как мысли человечества скучны,
Как примитивны плотские желанья!
Что мы у Бога можем попросить? –
Ведь мы на низшей полке мирозданья.

Ничтожество своё не понимая,
Мы ходим-бродим вдоль забора Рая,
И за ворота принимаем куст...
А Рай и прежде, и поныне – пуст.
И каждый стон из человеческих уст
Затихнет,
До него не долетая...

Летит! –
Смотрите, ведь летит.
И физики закон не запретит.
А человек, однажды взвившись, знает,
Что он парит, возносится, летает!

Всевышний на него глядит с небес,
Во взгляде – к человеку интерес:
Способностью летать не наделял,
Откуда он способность эту взял?..
А тот лишь вышел на крутой обрыв
И взглядом горизонт земли обмерил,
И в первый раз в себя поверил,
И сделал шаг, – и ветры от земли
Его под руки-крылья понесли!

Акчуруну и прочим казакам

Лишь после родов мать сошла с постели,
Татары выкрали его из колыбели.
В попону конскую запеленав легко,
Умчались в чисто-поле далеко...
Был сироте догляд суровый дан:
В приёмьши его взял вольный стан.
Чтоб воином мальчонку сделать сразу,
По телу саблей «чиркнули» три раза.
Он – не заплакал... все раскрыли рты –
И приняли в казацкие ряды.

Хвала Перуну – воинов владыке, –
Ни перед кем не опускали пики
Лихого побратимства казаки.
Ребёнок рос, года неслись, как кони...
Со всеми он скакал в лихой погоне,

И крался по оврагам вдоль реки,
Сминая золотистые пески...
Во всех делах участвовали вместе.
Богатство не ценилось выше чести:
В рубахе рваной, в золоте – оружие,
С которым управляться было нужно,
Чтоб в Сече жизнь хозяину сберечь –
Привычно казаку рубить и сечь...

Столица хороша, но далеко,
А здесь, у Дона, дышится легко.
В столице ждут их и вершат парады,
Но не парадам тем казаки рады.
Была бы честь – вот высшая награда,
Да молодлица с кистью винограда,
Что вырос на Донской святой земле...

Пути господни неисповедимы

Идёт Господь, всегда, своим путём...
Вернётся, так расскажет нам потом,
Как звёзды гасли, уменьшая свет. –
Придёт Его черёд держать ответ.
Решит судьбу Господню суд людской:
Всем – встать!
Господь, ответь за непокой!

Наполнил голос мысли, сон, мечты...
А годы прежние – как будто бы пусты.
Кто шепчет на ухо, кто учит *отреченью*?..
Я встал на край: принять своё решенье.

Вот шаг, ещё... прыжок... глубокий вздох, –
Кто испытать меня хотел, тот мне помог.
Падение?.. С господней верою, полёт?..
Всё падаю, – выходит я не тот,
Чьи мысли могут быть угодны Богу. –
Не мыслить!
Падать привыкаю понемногу...

Никто не видел дна у этой бездны:
Я жертву приношу,
Чтоб стать... полезным.

Артур Сааков
Литературная гостиная
Наташи Корбут
г. Ростов-на-Дону

Притча про Дар Божий

Прежде, чем рассказать саму притчу, хочу отдельно остановиться на том, как я узнал её, — это само по себе интересно.

Лет пятнадцать назад в гостях у друзей совершенно случайно моё внимание привлёк отрывной календарь, — в таких обычно печатают интересную информацию о датах, людях, событиях или о чём-то любопытном и поучительном. Зная это и будучи человеком любознательным, я взял его и стал просматривать... Мне попалась притча про волшебные очки. Стал читать, и — этот момент считаю самым важным, судьбоносным в моей жизни! — Притча помогла мне найти ответы на некоторые вопросы, давно мучавшие меня, и, в каком-то смысле, указала Путь.

Один мой старый друг, человек глубоко верующий, говорит, что Бог общается с нами через простые обыденные вещи или явления, нужно, только, видеть их и понимать. Может быть, это один из таких случаев. Да, вы спросите, почему притча теперь называется по-другому. Объясню: дело в том, что притча эта религиозная, она о Боге; и, переосмысляя её, я со временем понял одну важную вещь — когда речь идёт о Боге, нельзя говорить о волшебстве. Волшебство — это про фокусников, про цирк, про Гарри Потера и Бабу Ягу. Говоря о Боге, должно говорить о Чудесах Божьих или о *Дарах Его*.

Жил на свете Человек, неважно, когда и где, имел семью, дом, жил в достатке, самое главное — верил в Бога, всегда молился и старался следовать заповедям Божьим, поэтому любил жизнь, любил людей. И ещё он был не глуп и очень любознателен, его интересовало всё, что происходило вокруг; во всё Человек хотел вникнуть и понять, и больше всего хотел понять человеческую природу.

«Что движет человеком? Чего больше в людях: добра или зла? Почему люди — все как будто разные, но при этом одинаковые?» — такие вопросы он себе задавал и искал на них ответы. Хотелось читать мысли людей, заглядывать в их души, и в одной из молитв Человек попросил Господа исполнить его желание видеть потаённые мысли людей.

И послал Бог к Человеку Ангела, и сказал тот Ангел Человеку:

— Не бойся, ибо услышана молитва твоя, и дано будет желаемое тобой,

но с одним условием: этот дар будет с тобой до конца твоих дней. — Ты согласен с условием?

Ни секунды Человек не сомневался:

— Да, я согласен. Я верю в Бога и знаю, что Он каждому даёт только то, что тот может осилить.

Ангел исчез, а Человек тут же пошёл на улицу, где всегда многолюдно, стал смотреть на людей...

Сначала взглянул на одного Прохожего... Душа того была осквернена завистью, и думал он о том, что вокруг много богачей, но все они — «бездельники и воры, получили своё богатство в наследство или наворовали, и теперь с жиру бесятся, бесполезно прожигая добро». А он, такой умный и замечательный, еле сводит концы с концами. Вот, если бы ему дали много денег, уж он бы распорядился ими куда лучше этих дураков и бездельников!.. Человек пристальней взглянул на этого Прохожего, надеясь, что в глубине души он добрый и *порядочный*... Но душа Прохожего — насквозь пропитана завистью и ненавистью, а добродетели, как старый ненужный хлам, свалены в бесформенную кучу в дальних углах его души.

Не по себе стало Человеку... «Это, скорей, — исключение, и у других, конечно, всё иначе», — подумал он и заглянул в душу ещё одного Прохожего. Но та душа была осквернена развратом, а мысли все — лишь о плотских наслаждениях. Всех женщин вокруг он оценивал через свою похоть: «Как хорошо было бы мне с этой, а с этой я бы сделал вот это, а та молодая, наверняка, ещё невинна, вот бы мне с ней...» И у этого Прохожего душа почернела и прогнила от пороков, а добродетели истлели, обратившись в прах.

К третьему Прохожему бросился Человек с надеждой увидеть иное, но и тут пороки пропитали душу насквозь, а сильнее других — стяжательство. Только о деньгах все мысли, о том, как и где можно нажиться; а следом — страх, что кто-нибудь отнимет *его* богатство! И в каждом человеке он видит врага, даже в родных и близких. Ни *любви*, ни *доброты* нет в нём — он продал *их* по сходной цене.

...К следующему подбежал Человек — здесь чревоугодие и пьянство. К другому подбежал — маленький тиран, злобствующий в своей семье. А этот — вор и убийца, не ценящий чужую жизнь. Ещё один — предатель и трус, не знающий слова «дружба». Другой — властолюбец, жаждущий повелевать и унижать всех вокруг.

Очень скоро Человек понял, что все порочны, что в людях много зла. Он стал бояться и презирать людей. Страх постепенно овладел всем его существом, ему было страшно смотреть людям в души, но не смотреть он не мог — боялся, что кто-нибудь задумает недоброе против него, а он не будет к этому готов.

Человек потерял душевный покой и стал думать о самоубийстве, стал он молить Господа, избавить его от Дара.

Снова пришёл Ангел и спросил его:

— Разве ты забыл, что от Дара невозможно избавиться?

— Нет, я не забыл, но Дар стал бременем для меня, — ответил Человек.

— Но ты же говорил, что БОГ не даёт человеку того, что тому не по силам? Думаешь, БОГ ошибался в тебе; думаешь, ОН может ошибаться?

— молвил Ангел.

— Нет, конечно, нет. Но я не знаю, что мне делать теперь. В людях столько ненависти, всё в них пронизано пороком. Я потерял покой, мне страшно, я не хочу всю оставшуюся жизнь прожить в этом страхе! Поэтому хочу вернуть всё назад, хочу снова радоваться жизни, хочу быть счастливым в своём неведенье! — отчаянье звучало в каждом слове Человека.

— Нет, уже ничего нельзя изменить. Ты заглянул в души людей и узнал их истинную сущность, но ты не сделал самого главного... Теперь загляни в *свою* душу и узнай правду о себе.

И Человек заглянул в себя... и ужаснулся: в нём было столько же зла, сколько и в других, и душа его так же была скована пороками.

— Я не хочу так жить, забери мою душу в рай, — взмолился Человек, обращаясь к Ангелу.

— А кто сказал, что ты заслужил пребывать в раю?.. Тебе уготована другая участь. Ты оставишь прошлую жизнь свою, пойдёшь по миру, проповедуя добро и наставляя заблудших на путь истины.

— Но как я смогу это сделать, если я сам порочен? Как мне спасти других, если не знаю, как спастись самому!?

— Да, человек порочен. Пороки есть суть человеческой природы, они сами растут и крепнут в человеке день ото дня. Добродетели же — это Дар Божий, и человек должен возвращать и развивать их в себе. Так что, не бойся правды, просто борись с пороком *в себе* и делай людям добро, через это и спасёшься, — и Ангел ушёл.

И ходил Человек по миру, и многих спас, и стал Праведником, и... был счастливым.

Теория столкновений

Эссе

Есть у меня теория, не знаю, насколько оригинальная, зато она — моя!

Суть её такова: представьте себе жизнь как огромный бильярдный стол, а люди на нём — шары. Один движется к своей цели уверенно и легко, другой летает туда-сюда без всякого смысла, третий застыл на месте и не знает, куда ему идти, четвёртый жмётся к бортам, думая, что там безопасно...

Так или иначе, все мы сталкиваемся, передавая друг другу часть сво-

ей энергии, хорошей или плохой (это уж — у кого какая есть!) Причём, большинство не заботится о том, с кем и как сталкивается, и что при этом передаёт другим, не заботится, — не по злему умыслу, а так, по незнанию.

Но есть особая порода людей, осознавших этот феномен, которым не всё равно, какой след они оставляют в жизни тех, с кем столкнулись, и решивших, что будут делиться только хорошей энергией, плохую оставляя себе.

Думаю, найдутся и те, кто скажет: «Что за бред, жизнь — это бурлящий поток, хаос!» «Жизнь — это бардак!» — станут доказывать они с пеной у рта. Может, и так, только в доказательство своей теории, приведу один пример, коротенькую историю из своей жизни.

Мне 12 лет, я возвращаюсь со школы домой, навстречу идёт пожилой человек. Помню его абсолютно седым: седые волосы и борода. Ещё помню рубашку военного образца цвета хаки — такие носили в советской армии. Поравнявшись со мной, он остановился и спросил: «Молодой человек, Вы не подскажите, где улица такая-то?» — да, он сказал именно «Вы».

Впервые ко мне обратились не так, как обычно обращаются к ребёнку — со снисхождением, жалостью или даже любовью, — а как к взрослому человеку, как к равному.

Конечно, тогда я не мог до конца осознать значимость произошедшего, но в тот момент я впервые ощутил сильнейшее чувство собственного достоинства, я почувствовал себя *личностью*, значимым человеком!

Много раз возвращаясь к этому событию, анализируя его, я понял, какой глубокий след оно оставило в моём характере и моей судьбе. Удивительно, какой большой силой может обладать всего одно хорошее слово, сказанное в нужное время. Ещё я уверен, — Человек действовал осознанно, хотел преподать мне положительный урок, поделится положительной энергией. И ему это удалось!

Вот такая моя теория, теория столкновений.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Денис Александров
Литературная гостиная
Наташи Корбут
г. Ростов-на-Дону

В «непонятках»

Это и есть – жизнь.
Эмоции – не суррогат.
Нырять, разогнавшейся, ввысь, –
тебе я жених или брат.

А хочешь, так – буду скопцом,
идушим служить в божий храм;
а хочешь, и – майя-жрецом,
что жертву приносит богам...

Но лучше: сольёмся в поток –
и станем одною рекой,
и будем хлебать мы порок
с монитора
правой
рукой...

Пухлые губы...
неровность дыхания...
Сильные плечи...
Потеря сознания.
Хитросплетение цепких объятий,
треск одеяния – порвано платье.
Пол с потолком поменялись местами,
взгляд затуманенный, «шкура» – буграми...
Шею целую, как – в кожу въедаюсь.
Каждым мгновеньем с тобой
наслаждаюсь, –
язык, как змея, проникает повсюду...
Тебя постигаю, как магию Вуду.

Но – миг, и... проснулся.
Лежу «в непонятках»...
Пойду, запишу сновиденье в тетрадку.

На жизнь я смотрю – как обычно:
и буднично всё,
и привычно.

Бывает, конечно же, всякое, –
смотрю на реальность двояко я.

Да, можно стенать-убиваться,
а можно – и петь, и смеяться.

Короче, живу я, не жалуясь...
А что мне ещё осталось?!

Неужто, красота бывает одинока? –
Как будто некому прославить, похвалить.
Как сталь, тверда, как облако, высока,
уйми гордыню, – я умерю прыть.
В глаза взгляну и поцелую в ушко,
да просто рядом сидя – помолчу.
Срываются рыдания в подушку? –
Вниманием тебя озолочу.
Любимая!
Тебя кто низко предал,
обидел горько?.. Крепко насолил?..
Попрал жестоко жизненное кредо?..
Я волка разорву – мне хватит сил.

Не плачь, красивая,
хоть слёзы, как бриллианты, –
утри глаза и к небу обратись:
конец пути, и гулко бьют куранты,
вставай! и устремляйся прямо ввысь,
на новый круг, что нам судьба готовит.
Ты свежих сил у Бога попроси –
и пусть сейчас душа в потёмках бродит,
нам ангелы настроят клавишин.
И заиграет звонкой песней счастье,
и Радость заискрится, как хрусталь...
Мы молоды – мы выдержим ненастье,
и полетим в заоблачную даль,
туда где Свет, туда, где нет печали,
а слёзы лишь от радости текут.
Давай же, улыбнись, ведь ты в начале
того пути, где верят, любят, ждут!

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Наташа Корбут
г. Ростов-на-Дону

Весьма любезно

Поговорим о нелюбви...

Какая надпись на плите! –
«Скорбим и помним».
И мы... забыли о Сестре,
Самодовольны,
Что похороны обошлись
«Вполне прилично».
На поминальный же обед
Явились лично

Сестры муж первый и второй,
Пришли подруги...
Мы ели, пили; за столом,
Не без натуги,
Вели заумный разговор
Весьма любезно...
...Нам было лень возиться с Ней.
Так бесполезно

Мы суетились – пред врачом –
«Вокруг болячки»,
Не выходя душой своей
Из полной спячки...
Порою деньги раздаём,
Но не желаем
Принять участие в судьбе. –
Пускай живая

Сама колотится: сплошь – лёд
Сердец остывших.
А мы на кладбище придём
И для погибших
От равнодушия людей
Сравняем кочки,
Вспушим могилку... и уйдём.
«Спокойной ночи!»

Нам важен фарс... Ну, что теперь?
...Она – живая
Нуждалась в нас *без ложных фраз*
И, не желая
Разводов гадость пережить,
Ушла отсюда.
А нам, бездушно-мелким, – жить,
Не веря в чудо...

Если вы попали в Яму,
Выползая не торопитесь.
Отдышитесь, осмотритесь,
Вдруг понравится вам там.

В Яме тесно, но удобно;
Ветер вас не обдувает,
Как когда-то на равнине,
Сразу с нескольких сторон.
Правда, может дождь нагрянуть...
Трудно будет здесь укрыться, –
Наводнение неизбежно,
Если меры не принять.
И, пока что есть возможность,
Вы подумайте о Крыше:
Из чего и как навесик
Поскорей соорудить!

Можно сделать углубление –
Ямку в Яме, – так практичней.
Вдруг позволит кубатура,
И получится бассейн.
Если очень постараться,
То появятся цветочки,
И заквакают лягушки,
Подражая соловью...

Расширяясь постепенно,
Вы достигнете успехов –
Землекопные работы
Вы освоите вполне.
Но другим – не помогайте!
Пусть копают себе сами
Свои ямы на здоровье –
Тоже справятся вполне.

Проза.... Проза... Проза...

Тамара Привалова
ТО «Союз литераторов Дона»
г. Таганрог Ростовской области

Вначале были слова

Рассказ

1. Бегство

Слова, словно змеи, шлёпались на пол; извиваясь, расплзались по комнате. Шурша, поднимались по обоям, и, свешиваясь с люстры, шипели, глядя на меня холодными, злыми глазами человека, который исторгнул их.

Они пытались укусить меня, впрыснуть свой яд в мой мозг, парализовать мою волю, отравить моё существование. Увернуться от них было невозможно. Наконец, одной из них удаётся достигнуть цели. Её кривой зуб вонзается в голову, и я чувствую, как трещат кости черепа. Змея не успевает впрыснуть яд: я метнулась в сторону и сбросила змею с себя.

Схватив сумочку, выскакиваю в коридор, громко хлопнув дверью. Слышу, как вся эта разъярённая орава бьётся позади о дверь, пытаюсь выбраться из западни. Глубоко вдохнув, разворачиваюсь и убегаю по длинному лабиринту коридора...

2. Город

Выскочив на улицу, жадно хватаю ртом прохладный сентябрьский воздух.

Каменные громады домов стоят твёрдо и непоколебимо, глядят на меня ровными рядами окон — холодно и безразлично. Город с его обитателями живёт своей обычной, размеренной жизнью. Его отлаженный механизм работает без сбоев.

У всего, что движется или находится в покое, есть своя цель. Я же в мятежном поиске. Куда податься? Где найти успокоение? — Забыться. В конце концов, исчезнуть из этого мира хотя бы на неопределённое время.

Повсюду глаза, глаза... От них не укрыться. И такие они все разные. Их взгляды добрые и злые, безразличные и холодные. Но, самые страшные — это пустые, без движения жизни в зрачках. Хочется убежать в тишину, но в брюхе каменного монстра её найти очень сложно.

В парк? — Нет. Там всё, до тошноты, спланировано, расчерчено и выверено. Даже деревья и кусты растут так, как хочется кому-то.

На время мой мозг отключается, остаются лишь механические движения. Я иду, иду, иду...

Аромат тёплого хлеба останавливает меня. Пахнет детством и ещё чем-то забытым и родным... Этот запах пробуждает меня, возвращая к «жизни». Теперь я осознанно выбираю маршрут. Иду пешком. Транспорт исключён. Меня пугает толпа, добровольно входящая во чрево железных чудовищ. Они заглатывают её, отсекая от внешнего мира дверями, которые, шурша, шипят словно змеи. Иду через мосты. Они выгнули свои спины, словно испуганные коты. Прохожу один, второй, третий и, наконец, последний, деревянный: он несёт в себе частичку воспоминаний из прежней жизни. Прямо передо мной возвышаются каменные стены старой, мрачной крепости. В неё ведёт полуоткрытая дверь, расположенная на теле массивных ворот, раскрашенных наискось черно-белыми полосами. Резкая противоположность цвета усиливает сумятицу в моей душе...

Избегая возможно уготовленной ловушки, сразу за мостом сворачиваю к реке. Едва вытаскивая из песка ноги, бреду к воде. Подошвы — просто горят. «Раз, два, три...» — считаю свои шаги. На шестьдесят девятом останавливаюсь у большого плоского камня, возле самой воды. Сажусь на него. Сбрасываю туфли и с наслаждением опускаю ноги на влажный песок. Река незамедлительно лизнула их легкой волной, но, словно обжегшись, тут же откатилась назад.

3. Река

Тая в себе необыкновенную мощь и силу, она текла мимо берегов, замурованных в гранит. Ей были безразличны узорные решётки садов, гордая стать дворцов и обворожительная красота Стрелки Васильевского острова. Ведь эта красота не могла соперничать с нею в величии, а могла только ловить своё дрожащее отражение в её водах... Ажурные мосты клещами впились в кромки берегов. Город боялся, что река однажды раздвинет их и вырвется на свободу, снося все на своем пути.

Давным-давно город набросил на неё каменную узду, полагая подчинить своей воле. Какая наивность! Это он был подвластен ей, от нее зависел его налаженный быт. Она была хозяйкой положения. А, чтобы он об этом не забывал, время от времени — напоминала о себе.

Никакая узда не могла удержать её в русле, когда она играючи взбиралась по ступенькам набережных и, клопоча, несла свои воды по близлежащим улицам, заглядывая в подвалы и скверы! Реке доставляло несказанное удовольствие видеть посеянную панику. Вдоволь насладившись своей властью и потрепав город, она, как ни в чём не бывало, не спеша, спускалась обратно по ступенькам и мирно продолжала свой бег.

Река не любила каменного монстра, — он сдавливал её, как удав, не давая возможности вдохнуть полной грудью. Прохождение через него она воспринимала как наказание за свои прошлые грехи.

В окружающем меня мире, река не имела себе равных. Может, поэтому

притягивала — той магической силой, которая лишает слабого воли. Она звала, манила в себя, обещая покой, блаженство и вечность. Предлагала раствориться в ней, стать её частицей, жить страстями, доступными только ей. Река шептала мне о красоте лесов, лугов, где ветер, словно вольный конь, гуляет по густым травам, о бездонной синеве, утопающей в её водах, о густых белых туманах, которые пасутся на её берегах. И, конечно же, о дальних, не знакомых мне странах. Это было заманчиво. Но войти в неё, для меня означало подчиниться чьей-то воле, более сильной и властной, чем человеческой...

Чувствуя моё колебание, река нервничала, нетерпеливо касалась моих ног лёгкими волнами, словно торопила: «Скорей, скорей!»

Что-то дрогнуло во мне, я напряглась, готовая подняться и войти в мокрую тишину.

4. Пёс

Холодный влажный нос коснулся моей щеки... Поворачиваю голову. Рядом со мной стоит огромный пятнистый дог. Умные, с влажным блеском глаза смотрят пылливо и внимательно. Он словно хочет о чём-то меня спросить.

— Садись, раз пришёл, — тихо говорю ему я.

Пёс — словно ждал моего приглашения. Придвинулся поближе, сел, слегка касаясь моего плеча. От него исходит тепло, доброта, понимание. Река стала сердито швырять волны на берег, будто хотела прогнать незваного гостя: он мог помешать её замыслам. Одна из волн коснулась его лап, но пёс не ушёл, даже не попятился.

Интересно, о чём он думает?..

Я поворачиваю голову в его сторону — он тоже повернул голову. Вероятно, и пса мучил тот же вопрос. Наши носы столкнулись. Я улыбнулась. Пёс весело посмотрел на меня, раскрыл чёрно-розовую пасть, свесил язык и часто-часто задышал: он словно смеялся. — Где-то глубоко, в самых отдалённых уголках моего сознания, как в далёком детстве, шевельнулся голубой тёплый клубочек. Он настойчиво стал выбираться на простор...

С громким рёвом мимо нас проносится катер. Мы поворачиваем головы, провожая крикуна взглядом. Снимаю с коленей сумочку и кладу её на песок. Тонкий аромат тёплого хлеба коснулся наших ноздрей и поплыл к серовато-белым облакам. Пёс легонько толкнул меня в плечо, как бы спрашивая:

— Это у тебя так вкусно из сумки пахнет?

И в тот же миг выглянуло солнышко, разом перекрасив серый мир, сделав его чище и светлее, а главное — теплее. Лучики заплясали по гребешкам волн, отразились нестерпимым блеском в окнах Зимнего дворца и, облив золотом купол Исакиевского собора, весело побежали по шпилью Адмиралтейства.

На самом деле, это из моей сумки пахло свежее испечённым хлебом:

по дороге сюда я слязмила румяную сайку с лотка разгружаемой машины-хлебовозки — прямо на глазах у изумлённого грузчика. И это она, хрустящая, румяная, ещё тёплая, своим ароматом разбудила дремавший в нас голод.

Достав сайку из сумки, я отламываю ей носик, самый вкусный кусочек, и протягиваю своему новому другу. Он осторожно, едва касаясь губами моих пальцев, берёт его. Второй кусочек — мой... снова ему, потом себе... Лёгкая волна жадно слизывает золотистые крошки у наших ног.

Покончив с сайкой, мы молча продолжаем смотреть на реку, которая упорно лижет наши ноги назойливыми волнами, приглашая проделать остальной путь вместе. Пёс теснее прижимается ко мне, и я кладу руку ему на холку, нежно перебирая её пальцами...

Нас окружает тишина полуденного города. Но мужской голос враз разбивает её. — От него вздрогнули не только мы. Река, качнув свои воды, ударила по нашим ногам крупной волной, за ней последовали более мелкие, наскაკивающие одна на другую... Дурным, всполошённым голосом завыл чумазый катер, который нацепил на свой бок большие автомобильные шины.

— Так вот ты где, негодник! Я тебя в сквере ищу, а ты здесь прохлаждаешься. С каких это пор ты сюда стал ходить гулять? Ко мне! — строгим голосом скомандовал мужчина.

Пёс напрягся, но головы не повернул, делая вид, что его интересуют река и вопящий катер.

— Джек, ко мне! — в голосе хозяина звучали нотки раздражения.

Мой друг повернул голову и посмотрел на него так, словно видел впервые. Мужчина решительным шагом направился к нам. Джек развернулся и, сделав шаг вперед, широко расставил ноги, и слегка вытянул морду, оскалился, издав негромкий предупреждающий рык.

Мужчина опешил. Опешила и я. Пёс оглянулся и посмотрел на меня, он словно хотел сказать: «Не бойся, в обиду я тебя не дам никому, даже своему хозяину».

Наступило молчание: умолк катер, затихла река, ветер перестал копошиться в кронах тополей...

Голубой тёплый шарик в моем «я», выскочил из тёмных путей лабиринта, брызнув во все стороны разноцветным ярким огнём. Разом разлился вокруг нас и ударной волной покатился по каменному монстру, оставив в моей душе чувство, которое нельзя описать словами. Здесь было всё: прохлада раннего утра и восход солнца. Звонкое ржанье коня, запах трав, обласканных солнцем, и первый крик моего сына... Я сползаю с камня и, упав на колени, обнимаю шею моего нечаянно обретённого друга. Рыдания душат меня... Джек осторожно кладёт свою голову мне на плечо и замирает.

Сколько это длилось? Мгновение или вечность — не знаю. Наконец, рыдания стихли, оставив после себя блаженный покой и лёгкий хаос. Я

сажусь прямо на песок, бессильно уронив руки на колени. Мой друг ласково лижет моё лицо, удаляя с него следы прошедшей грозы.

— Я могу Вам чем-то помочь? — растерянно спрашивает мужчина.

Я отрицательно качаю головой.

— Спасибо, но *он* мне уже помог — не наказывайте его!

Пёс посмотрел на меня, потом на хозяина, словно хотел удостовериться в искренности и заданного вопроса, и прозвучавшего ответа... Удостоверившись, он отпрыгнул от нас, весело лая, стал бросаться то в одну, то в другую сторону, словно приглашал нас поиграть.

Вскочив на ноги, я погналась за ним по песчаному берегу...

Обратно возвращаемся кромкой воды, весело шлепая по макушкам набегающих волн, любуюсь брызгами, в каждой из которых было по капельке солнца. Мужчина поджидал нас на камне, держа в руках палку.

— Ну, Джек, хватит дурака валять, давай поработаем немного, — сказал он и кинул её далеко от берега. — Апорт!

Мой друг с укором посмотрел на него. Лезть в холодную воду ему вовсе не хотелось. Лениво подойдя к воде, он потрогал её лапой, понюхал и оглянулся назад. У него ещё теплилась надежда, что хозяин отменит свой варварский приказ. Но тот был неумолим.

— Апорт! — повторно прозвучала команда.

Пёс лениво стал заходить в воду. Чтобы подбодрить друга, я быстро снимаю платье и бросаюсь в реку. Плыву, не оборачиваясь, слыша за своей спиной сопение. Первой к палке подплываю я, зажав её в зубах, плыву обратно. Когда поравнялась с псом, сделала «зверское» выражение лица. Этот чертяка внезапно обеими лапами окунает мою голову в воду. От неожиданности я выпускаю палку изо рта. Вынырнув, отфыркиваюсь, убираю с лица волосы и вижу впереди своего соперника плывущего с моим трофеем в зубах.

— Нечестно! — кричу я, бросаясь вдогонку.

Дог, выскочив на берег, первым делом относит палку хозяину, а потом отряхивается. Мужчина хохочет, нахваливая моего соперника за сообразительность.

— Нечестно, — говорю я, глядя псу в глаза.

Он лукаво смотрит на меня, мол, честно или нет, а я первым пришёл на финиш, — здесь игра без правил. Мужчина достаёт из сумки полотенце и протягивает мне.

— Правда, это полотенце Джека, но всё же лучше, чем ничего. Вытрите, а то простудитесь.

— Я закалённая, но... волосам не помешает.

Пока я вожусь с волосами, Джек, засунув морду в хозяйскую сумку, что-то ищет. Потом извлекает теннисный мяч и, взглянув на хозяина, подносит мне.

— Спасибо! — Я растрогана до слёз. Беру голову пса в ладони и целую его в лоб.

— Вы уж нас извините, но нам пора домой, — смущённо, точно оправдываясь, говорит мужчина, надевая псу намордник.

— Погодите, — я хватаю свою сумочку и лихорадочно роюсь в ней, — погодите, одну минуточку!

Достав ключи, я снимаю с них брелок с маленьким голубеньким зайчиком и торопливо цепляю его на ошейник, рядом с поводком. Смахиваю набежавшие слёзы.

— Может, пойдёте с нами?..

— Нет, нет, всё нормально. Просто не люблю прощаться.

Они уходят, но где-то на середине моста пёс оборачивается. Я машу ему рукой. — Спасибо, Джек!

Снова сажусь на камень. Лучики солнца золотят гребешки волн, отчего кажется, что река покрыта блестящей чешуёй. Подобно огромной сказочной рыбе, она пронесит мимо меня своё тело, с трудом протискивая его под ближайшим мостом, по которому, весело погромыхивая, бегут навстречу друг другу трамваи, важно шевеля усами, проплывают троллейбусы, спешат разноцветные жучки машин... Неподалеку от меня покачивается на волнах чайка, в кроне тополя громко спорят воробьи. Река больше не зовёт меня в своё чрево, не пытается подавить мою волю, она держится со мной на равных, *«ибо и свет во тьме светит, и тьма не объяла его»*...

От редколлегии «ДиК»: Сообщаем читателю, что Тамара Ивановна Привалова 17 ноября 2012 года Общим собранием писателей была принята в члены Ростовского регионального отделения Союза писателей России, а 19 марта 2013 года — была утверждена Приёмной коллегией (г. Москва) членом Союза писателей России. Редколлегия «ДиК» поздравляет Тamarу Привалову со вступлением в писательское сообщество и желает ей творческих успехов.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Алексей Помазков
ЛТО «Автограф»
г. Новошахтинск
Ростовской области

По нашему закону

Преклоним колени

Шёл год, когда – нежданно, вероломно
Немецкая фашистская орда
Невиданною силою огромной
Обрушилась на наши города;
Когда народ, захлёбываясь кровью,
Но дорожа свободою страны,
С боями отступал до Подмосковья,
Познав и смерть, и ужасы войны.

А впереди – бои за Севастополь,
Одессу, Керчь, за Харьков и Ростов,
За Сталинград и Курск... и за Европу...
Всё перечислить не хватает слов.

Шли на войну за Русь отцы и деды,
И юноши семнадцати годков;
В отрядах партизанских были дети,
И в кадровых частях – сыны полков.
Пусть сами мы фашистов не лупили,
На нас, тогда трёхлетних пацанов,
Смертельный ужас танки наводили,
Зловещий рёв фашистских «мессеров»...

С кого спросить? Прощая, зла не помним;
Фашизм давно – с разбитой головой.
А вот следы кровавой зверской бойни
Ещё не все позаросли травой...

Не меркнет память. Преклоним колени
Мы в этот день, поистине святой,
Перед погибшими и всеми теми,
Кто освящён той праведной войной!

И снова май!

И снова май! И снова день Победы! –
Над городом гремит оркестров гром...

Шагают в орденах отцы и деды,
И солнце светит в небе голубом.

Пытаются герои шаг чеканить,
И пусть совсем не стройны их ряды,
В глазах и в душах оживает память,
И снова – будто в юности деды.

И снова пред глазами кровь и пепел,
И плач – детей и вдов, и матерей...
Фашизм свою историю пометил,
На все века, миллионами смертей.

Но, несмотря на тяготы, невзгоды,
Россия, как и в прежние века,
Спасла себя, соседние народы...
И вот теперь, глядя издалека,
Я обращаюсь к поросли фашистской,
К неонацистам всяческих мастей:
Не отравляйте жизнь себе и близким,
Поберегите собственных детей!

Ведь всем же ясно: будет мир прекрасен,
Когда народы всех земель и стран
Поймут – насколько лик войны ужасен,
Как бесконечна боль душевных ран.

Мы встретим хлебом-солью

Печали день, а также – скорби день...
Невольно ощущаешь дрожь от страха,
Как будто снова *мессеримиттов* тень
Закрыла солнце покрывалом праха.

И это словно бы в кошмарном сне:
Передо мной глаза в смертельной муке;
От севера до юга всё в огне,
В огне – с мольбой протянутые руки...
Разрывы бомб и гусеничный лязг...
Едва затихли выпускные балы.
Да, в первые моменты нас потряс
Фашизм своею сворой генералов.

Подмяв Европу грязным сапогом
И возомнив себя непобедимым,
Фашист мечтал пройти, как утюгом,
По нашим нивам и полям родимым.

И были те поля обгарены
Невинной кровью воинов Союза.
А сколько ран на теле всей страны!?.
Но били мы и шведов, и французов.

И армия врага, в конце концов,
Подбитой гадиной к рейхстагу уползала. –
Святая Родина и дедов, и отцов
И в этот раз победу одержала.

Но я писал и снова повторюсь:
Не надо нам побед, и войн не надо:
Весь мир обнять готова наша Русь
И обласкать российским добрым взглядом.
Идите к нам с добром,
Мы встретим вас
По нашему закону хлебом-солью!..
Но кто опять «пойдёт с мечом на нас»,
Тот захлебнётся собственной кровью.

Нести победу на плечах – не в тягость

Десятки лет с победной *той* весны
Мы празднуем великий день Победы.
На теле Родины следы войны видны...
Ещё участвуют в парадах деды:
Пусть тяжелы мундиры в орденах,
Нести победу на плечах – не в тягость!
Оркестры и героев имена...
На лицах – нескрываемая радость...

А сколько бед пришлось преодолеть,
Чтоб отстоять не только жизнь – свободу!
Пришлось героям стольким умереть,
Чтоб сохранить свободу для народа.

Россия чтит героев имена:
Великие – страна и, с нею, люди!..
Мундир фашиста тоже в орденах,
Но кто герой, – история рассудит.

И в этот день не о фашистах речь, –
Будь прокляты, и нет им покаянья!
Но слава тем, кто смог страну сберечь,
Собой прикрыв от слёз и поруганья.

Татьяна Рябинская
ЛТО им. А. Недогонова
г. Шахты Ростовской области

Продев изумрудную нить...

В ожидании Чуда

Рябиновое чудо,
Умытое дождём...
Неважно как, откуда,
Но чуда все мы ждём!

Во вторник или в среду,
В какой неважно час –
С утра или к обеду
Оно отыщет нас...

На службе или в «пробке»,
А может быть, в кино...
В подарочной коробке...
А впрочем, – всё равно!

Слова, улыбка, случай,
Быть может, поцелуй...
Какое чудо лучше?..
Решай, готовься, чуй!

И ни к чему сомненья –
Ведь просит очень жизнь
Влюблённого мгновенья
В рябиновую кисть!

Зима

Мороз рассыпается колко –
Грустят над землёй небеса,
Звезда в голубой треуголке
Зелёные щурит глаза...

Там, где-то вдали, еле слышен
Собачий залиvistый лай...
Зима нашу снежную крышу
Возьмёт за напудренный край

И тонкой хрустальной иголкой,
Продев изумрудную нить,
От чистого неба осколки
Любовно захочет пришить. –
Мелькают чудесные пальцы,
Своё рукоделье творя...
Зима будет шить и смеяться,
Пока не проснётся заря.

А утром, в узорной коляске,
Умчится в летучую высь –
Туда, где сбываются сказки,
Где в них превращается жизнь!

Вечные пленники

Все пленники мы – у любви, у дороги...
Порой – у простого до дрожи дождя...
Идём, не жалея промокшие ноги,
Кому-то в душе ими вязко следя...
Все пленники мы – у тоски и у власти,
У зависти, денег, капризных страстей;
У каждой обычной грошовой напасти.
У славы, молвы... и упрямых идей!
Живём. Не грустим. И чего-то желаем...
В плену, как в бреду, –
и в бреду, как в плену.
И лишь одного мы как будто не знаем:
Опаснее плена – привычка к нему!

А ко мне сегодня приходило Счастье...

А ко мне сегодня
Приходило Счастье:
Постучалось тихо
И сказало: «Здрасьте»...
 Ни к чему «глазочек», –
 Так ему открыла...
 И просила очень,
 Чтоб не уходило.
А оно тревожно
У дверей топталось...
Говорило: «Можно?» –
Но зайти стеснялось.
А оно так чутко
Поводило носом:

«Только – на минутку...» –
Что же, без вопросов.
И за то спасибо,
Что дорогу знаешь,
Хоть пока вселиться
Что-то не желаешь...
 Постояло Счастье...
 «Буду!..» – обещало,
 И моё запястье
 Вдруг поцеловало.
«Мне пора в дорогу», –
Счастье попрощалось...
На своём пороге
Я одна осталась,
 Да – следов цепочка:
 На дворе ненастье...
 И я знаю точно –
 Приходило Счастье.

Воскресное угощение

Где же сладкие мои,
Вы, деньки-бездельники? –
Закружили-оплели
Злые понедельники...

В мой впиваются подол
Хлопоты с заботами
Да ложатся мне на стол
Хмурыми субботами...

Всё бегут, стучат, спешат
Каблучки-невольники...
И вздыхают, и дрожат
Чувства-беспризорники,

У ворот моих скулят, –
Только, я не слушаю...
Сколько дней уже подряд
Не ношу им кушанья...

Но сегодня, так и быть,
Будет угощение...
Разрешаю им любить, –
Ибо... воскресение!!!

Первая публикация...

Никита Колесников
школа № 13, 6-й «А» класс
г. Ростов-на-Дону

Страшно смешная история

Рассказ

Всё это произошло, конечно же, в новогоднюю ночь, самую интересную ночь в году.

Родители отдыхали после дневных хлопот — дремали под какой-то новогодний фильм, я тоже задремал «под телевизор»: его было слышно и в моей комнате.

Вдруг я услышал, что в моё окно *кто-то* стукнул (окна моей комнаты выходят на улицу), и сразу в доме отключился свет, замолчал телевизор... В окно стучали громче и громче. Я пошёл будить родителей.

Было ужасно страшно...

Выходя из спальни, споткнулся обо что-то... Оказывается, это был мой любимый фонарик, которым я вечером играл, уронил на пол и забыл поднять. Я подобрал фонарь, включил его, отдал проснувшемуся папе, и мы подошли к окну. Но никого не увидели, так как *тот* — кто-то! — уже колотил в ворота. И тут, как назло, у фонаря перестала работать батарейка.

Мама взяла свечу, папа — незаряженное ружьё, я — мобильник, чтобы позвонить в полицию, и мы, все вместе, пошли отмыкать калитку ворот. Отмыкаем, открываем...

Нам в лицо резко ударил свет большого уличного фонаря, — включился свет на улице и в нашем доме, со всех сторон загремела музыка. Мы испугались и зажмурились...

А когда открыли глаза, то поняли, что это пришли к нам в гости хорошие знакомые. Они тоже испугались, когда увидели направленное на них ружьё!

Мы повели гостей к столу. Они рассказали, что, когда выключился в районе свет, то с трудом отыскивали на улице наш дом, спотыкались в темноте и даже падали.

Мы посмеялись друг над другом и сели за праздничный стол как раз в тот момент, когда страну поздравлял президент России, и дружно встретили Новый год!

2012 г.

Как эвенки змеев победили

*По мотивам одной из сказок
народов Севера*

Как в России, да на Севере Дальнем
Жили люди и звались «эвенки». –
Были сильными, строили чумы
И в тайгу на охоту ходили...

Налетел на чумы эвенков,
Налетел да змей шестиглавый:
Он летает, крылами машет,
Себе в жёны девушку требует –
Из красивых красивую самую.
Испугались эвенки, отдали
Змею девушку эту в жёны.

Было, время какое-то, тихо,
Но пришла снова бедушка в чумы:
Налетел новый змей, трёхголовый,
И забрал себе девушку в жёны.

И повадились змеи в чумы,
И забрали всех девушек в жёны...
Закручинились думой эвенки:
Род их может навеки прерваться. –
Избавляться от змеев надобно.

Вышли юноши все, из чумов,
Остроги взяли в сильные руки
И пошли побеждать змеев,
Отбивать своих женщин у чудищ.

Страшных змеев они победили,
Своих женщин забрали обратно...

Но потомкам эвенков, бывает,
Снятся сны, что они крылаты, –
И взлетают легко в поднебесье,
И в серебряной чешуе
их змеевидное тело...

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Александр Шепшелевич

ЛТО «Оштен»

г. Майкоп, республика Адыгея

Сквозь карнавал...

Ода Венеции

О, Serenissima! – Светлейшая!
И безмятежная. О, да!..
В лучистом небе отражается
Покою полная вода.
Но эхо падает на площади,
Где – Марк, смотрящий свысока...
И в вечность медленно уносится
Каналов ветреных река.

Мозаик окна светлоокие,
Носы – летящие – гондол...
Из лавок бесконечно просится
Стекло прозрачное – на стол...

Любимая когда-то Родина,
Забытый сердцем уголок!
Великих духов послесловие –
Путей земных пресветлый рок.

Сквозь карнавал неуправляемый
Блестит твоих гранитов твердь...
В плаще ночном и белой маске
Проходит где-то рядом смерть.

Остров св.Оноре. Старое аббатство.

Черепашой – черепица,
И цветы, и кипарис...
То ли Канны, то ли Ницца?..
Вдруг – фазан... Вспорхнула птица –
Чудо-острова каприз.

Пальмы шепчут что-то башне...
Монастырская стена...
Забредёшь сюда однажды,
И совсем уже не важно,
Где лазурная волна.

Скрип цикад, и чайки – хором...
Колокол почти замолк,
Синева одна – укором.
Разошёлся сад пред взором,
И – на выходе – замок!

Небо завивает косы
У плывущих облаков.
Их белеющая проседь
Мысли вдаль мои уносит
Мимо каменных крестов...

Острова – большие камни,
Разомлевшие в тени.
Все они – как будто в давнем;
Их вода ласкает плавно,
А вокруг мелькают дни.

Дремлет старое аббатство
Из заброшенных веков. –
Чтоб с собою разобраться,
Может быть, мне здесь остаться,
От мирских бежав оков?..

Хельсинки. Утро.

Чайки смеются... У берега –
Утки плывут по воде...
Лодки развёрнуты веером...
Северный ветер – везде.

Белые чайки смеются –
Будто бы плачут в тиши...
Волны сомнения бьются
В серые камни души.

Копенгаген

Крыши, шпили, башенки...
Дивная страна!
Сказочнику *нашему* –
Родина она.

Теней высоченных
Царственный покров...
Дорог здесь мне чем-то
Перезвон часов.

Здесь, у кромки берега,
Волны теребя,
Грустная Русалочка,
Молча, ждёт меня...

Альгамбра

Я не был в Альгамбре, а кажется, – был
С заветною целью одною...
С утра и до вечера молча бродил,
Пленённый её красотою.

С утра и до вечера! Ночи пора
Журчала фонтанной водою...
С Альгамброй беседовал я до утра,
Пленённый её красотою.

Беседовал *с кружевом в камне* колонн
И арок, крутых высотой...
И слушал Альгамбры чарующий тон,
Пленённый её красотою.

Я слушал легенду: Альгамбра спаслась. –
Скрещение стили с судьбою!
Есть в этом союзе Всевышнего власть,
И я ей поддался, не скрою...
Пленённый её красотою!

Ностальгия

Н.К.

Осенний Канн... И – ветерок.
И пальм высоких шевелюра,
И шум волны – прибой ток...
И тучи – конницей в аллюре.

И неба блик... Цветов наряд.
И моря плавное движенье,
И яхт – блестящий, белый ряд...
И ностальгии дуновенье.

Та ностальгия – по любви
В созвучии с французской песней.
Она теперь в моей крови. –
Ну, что грустнее и чудесней!?

И больше света за окном,
И серых туч – почти что нету...
И не жалею я о том,
Что нет возврата снова к лету.

Плачет дождь в Стокгольме

Плачет дождь в Стокгольме.
Замерли дома.
И, конечно, горько:
Километров столько –
Серая стена...

Островов хождение,
На воде краса –
Город-рассуждение!
Статуй отрешенье...
В камне – дождь-роса...

Плачет дождь в Стокгольме.

Краков

Религий – дерзостный «разгул»:
Костёлы, церкви и соборы...
Колоколов, курантов гул,
И камня замкового горы...

Энергий сгусток всех времён –
Немеркнущего духа сила.
Напор страстей, и я... сметён!..
...Восстал!
А память – не остыла.

Монако

Монако, государство на Скале,
И сказочное место Монте Карло
Возникли в памяти, вдали, во мгле...
Я видел их, но этого – так мало!

Океанариум профессора Кусто,
Дворец Гримальди, флигель Бонапарта...
Ах, взять бы евро – десять или сто, –
И – в казино, вместилище азарта!

Красивая и дерзкая мечта,
Достойная одной из многих целей...
Она доступна и... весьма проста
Средь жизненных забот и канителей!

Монако часто вижу я во сне
И наяву там побывал я дважды...
Но вновь туда так захотелось мне:
Не утолил я *наслажденья* жажды!

Монако – государство на Скале...

Сакре-Кер

Седые шапки Сакре-Кера...
Я их увидеть так хотел,
Что от Монмартра, – где там мера! –
Наверх по лестнице взлетел.
Базилика... Сияет чудо!
Она видна со всех сторон.
Парижа пик.
И толпы люда...
И колокол: вечерний звон.
«Христово сердце» замирает
И струйкой тонкой холодок,
И звук струится и не тает,
И в теле поколений ток!
Восьмое чудо – чудо света, –
Собор, что над Парижем встал, –
Своим чарующим приветом
Меня возвёл на пьедестал!
И над столицей многоглавой
Душой в полёте, наяву
Я упиваюсь блеском славы
И во Вселенную плыву...

Аромат алычи

Мир полон ароматом алычи!
И жгучим днём, и в тлеющей ночи
Тем ароматом полон парк – как сад,
И я такому превращенью рад.

Вдыхаю, словно, падаю в туман,
Дурманом летним до предела пьян,
И жёлтые расходятся лучи:
Я полон ароматом алычи...

Игорь Антонов
ЛТО «Окраина»
г. Ростов-на-Дону

Светло и вдохновенно

Я так смешон в своей беспечности,
Как непоседа чёрный грач!..
Поплакаться в жилетку Вечности
Мне позволяет Время-врач.

Моё гнездо – ветрам открытое:
В нём ни уюта, ни тепла.
Но песня, кем-то позабытая,
Мне тихо на душу легла.

Живу, невольник настроения,
Любому дню безумно рад...
Мне *роза* нежная – весенняя –
Сердечный дарит аромат.

Перед тем, как о любви писать,
Соберу все чувства воедино
И, призвав на помощь небеса,
Вызволю заветное из дыма –
Мёртвых слов, пустопорожних фраз,
Нарочито выпуклых созвучий...
Ведь любовь приходит только раз,
Только раз создатель дарит случай!

Мечта

Розе Агоевой

Ласковый шёпот прибоя,
Парус рыбацкий вдали –
Дышит природа покоем,
Сбросив оковы земли.
Сердце не ищет награды,
Рвётся за парусом вслед...

Как он желанен, Наяда, –
Глаз твоих карих ответ!

Чайки скользят над водою,
В песни свои влюблены...
Как же я счастлив с тобою
В нежных объятьях волны!

Заблудились улицы в тумане,
Плачет ветер, ставни теребя,
А в окошко мерно барабанят
Серенькие пальчики дождя...

На часах – без четверти четыре.
В сказочных владеньях тишины,
В маленькой нетопленной квартире
Снятся мне заманчивые сны.
Вижу я апрельские зарницы,
Слышу песню звонкую ручья,
И свистит пронзительно синица,
Спутница весёлая моя...

Время преподносит нам сюрпризы –
Беспросветно-мрачною порой
Сердце, обессиленное кризом,
Занято безвольною игрой.
То молчит, то учащённо бьётся...
Кажется смертельным каждый миг.
Но душа, наполненная солнцем,
Верит в свой неповторимый мир.
В этом мире таинство Шопена,
Мудрость Блока, правда Куприна...
И звучит светло и вдохновенно
Паганини – вечная весна!

Век живи и век учись,
Постигая понемногу
Эту ширь и эту высь –
Жизни вечную дорогу!

Время движется – спеша,
Растворяясь во вселенной...
Улыбается душа –
Нелогична... и нетленна.

Павел Бойчевский
ЛТО «Ростсельмаш»
г. Ростов-на-Дону

Новая власть

Рассказ

Егор Громов с друзьями днями пропадали на улице. Им всё было интересно. Бегали на восточный край смотреть повреждённую Варваринскую церковь, разбитые немецкими бомбами, горящие хаты, убитых жителей. С запада доносился почти непрерывный гул артиллерийской канонады: фронт неудержимо, как цунами, накатывался на станицу.

Ребята горячо спорили: наши остановят фашистов под Грушевкой, или нет?

— Ни в жисть не остановят, — отрицательно мотал головой в старой драной шапочке Яшка Коцупеев, презрительно цвиркал слюной себе под ноги. — Деда Епифан, гутарит: у немцев силы — немеряно, особенно танков и самолётов, и они нам не враги. Их народ хлебом-солью кругом встречает, потому и прут от самой границы без остановки. Полстраны уже заняли и Грушевку возьмут, дайте срок... Что наши казаки на горе со своими сабельками против их танков железных сделают?

— У наших, гляди, и пушки есть, — возразил Мишка Шабельский. — Я сам видал, когда на гору бегал. Скажи, Жорка.

— Есть, да мало, — нехотя подтвердил Громов. — А танков — ни одного... Побьют их фашисты, как пить дать.

— Не-е, робя, танки на гору не зайдут, — авторитетно подал голос старший по возрасту Николай Громов — родной брат Егора, поработавший уже в колхозе на тракторе. — Попробуйте на «натике» на такую крутизну заехать — живо кверху гусеницами вниз посунетесь. А танк — он тот же трактор, только с пушкой.

— Резонно, — поддержал его Шабельский.

Со стороны хутора Каменный Брод в это время, приглушённые расстоянием, яростно загрохотали пушки, на всю степь заливисто разлилась отдалённая пулемётная трескотня. Казачата прислушались.

— Никак, бой идёт? — сказал, наострив уши, Егор Громов.

— Немцы наступают, — кивнул Яшка Коцупеев. — Вот бы сбегать, поглядеть!

— Не, хлопцы, я не пойду: маманя заругает, — начал было отказываться робкий Мишка Шабельский.

На проулок, где они остановились поболтать, с база выскочил полуодетый Стёпка Маковецкий — их сверстник. Он на ходу натягивал потрёпанное зимнее пальтишко и дожёвывал хлеб, торопливо отрывая зубами большие куски. Следом, кутаясь в серую пуховую материну шаль, стремительно вылетела его сестра Тая, погналась за братом, сердито крича на весь переулок:

— Стёпка, ты куды намылился, от чертей остатки? Мамка наказала: из дому ни ногой! Что тебе в хуторе делать? Там стреляют!

Маковецкий, не обращая внимания на отчаянные крики сестрёнки, поравнялся с ребятами.

— Степан, привет! Ты случаем не в Каменный Брод лыжи наострил? — поздоровавшись, спросил Николай Громов.

— Туда. Там курсанты из Ростова немчуру у Кирбитовой балки колошматят... Я вчера уже был в хуторе, гутарил с ними, — приостановившись и переведа дух, сообщил Стёпка Маковецкий. — Не в службу, а в дружбу: попрдержите Тайку, а я побёг. Там зараз самое интересное зачнётся, боюсь проглядеть.

— Ну, и мы с тобой, — присоединились к соседу Николай Громов и Яшка Коцупеев. Вскоре они втроем уже поворачивали за угол переулка.

Егор Громов ловко обхватил спешившую мимо Таю.

— Постой, что-то скажу на вушко...

— Пусти, Жорка, недосуг, — попробовала вырваться девчонка, отбиваясь от него ладонями.

Егор со смехом, крепко прижал её к себе, слегка приподнял от земли.

— Ну постой чуток с нами, погутарим.

Тая, весело взвизгнув, задёргалась в его руках, засучила ногами в воздухе, отчаянно замахала руками у самого лица парня.

— Не балуй, Егор, очумел? Люди со всех дворов смотрют...

— Ага, нужны мы им... смотреть, — засмеялся Громов. — Нашли бесплатную комедию... Зараз немцы в станицу придут, — вот то будет чё смотреть!

— С чего ты взял, что придут? — вырвавшись, наконец, взглянула на него вопросительно Тая. Смущённо поправила сбившееся под шалью платье.

— Придут, у них сила. Слышишь, как наших под Каменным Бродом порют, — убеждённо сказал Егор.

— Стёпка, дурень, туда попёрся, — осуждающе покачала головой девчонка. — Маня за молоком к бабуле на тот край ушла, наказала никуда Стёпку не пускать, а он выскользнул, как ужака, я и вспопашиться не успела... Будет мне зараз на орехи.

— Ничего, Тайка, не ной. Хочешь, я сбегаю в хутор, верну назад вашего Стёпку? — предложил Егор.

— Ой, Егорушка, миленький, хорошенький, — сбегай, за ради Бога, приведи этого оболтуса назад, — девчонка умоляюще сжала руку Громова, ласково погладила по плечу, по-кошачьи мягко потёрлась щекой о щёку.

— А энто самое... дашь? — лукаво подмигнув, слащаво заулыбался Егор. Потянулся жадными губами к её полным, красным, соблазнительным губам.

— Дурак! — отстранившись, девчонка игриво шлёпнула его по плечу... Залилась стыдливой краской.

Жорка весело заржал, без смущения глядя наголоватыми, всё понимающими глазами в её затуманенные плохо скрытой симпатией, бесхитростные красивые глаза.

— И ещё раз дурак, Егор! А я думала — ты умнее. — Резко крутнувшись на пятках, Тая повернулась к нему спиной и пошла торопливо к своему двору.

— Хорошая девка, — с сожалением глядя ей вслед, мечтательно протянул Мишка Шабельский. — И почему это, Грома, все красивые девчата к тебе, как мухи, липнут, а на меня даже не смотрют?

Егор Громов ещё раз усмехнулся и потянул друга на соседнюю, укатанную саянями улицу.

— Пошли, Шабла, в Каменный Брод ребят догонять. А про девок я тебе потом расскажу, — чем их приваживаю...

— Ну и чем? — не отставал Мишка.

— Чем-чем... а то сам не знаешь. Маленький, что ли? — лукаво, с весёлой хитринкой в глазах, сказал Егор. — Своим большим, большим...

Мишка ехидно хихикнул, подыгрывая другу, — ожидая услышать привычную в пацаньячем кругу скабрёзность...

— ...авторитетом! — сделав серьёзный вид, закончил фразу Громов. Укоризненно взглянул на друга. — Во, мать моя доярка, а ты что подумал?..

Своих приятелей догнали только в хуторе Камышеваха в полутора километрах от Грушевки. Те, сидя на лавочке у крайнего двора, перекуривали, шумно гомонили,

переругивались. Грохот боя отсюда был ещё слышнее, можно было даже различить одиночные и пачками выстрелы наших трёхлинеек и зловещую трескотню немецких «шмайсеров». Старый дед-казак с седой, как снег у него под ногами, бородой вышел из хаты на баз, посмотрел слезящимися глазами на неугомонную ватагу у плетня, прислушался к выстрелам и разрывам на западе, тяжело вздохнул, сказал, непонятно к кому обращаясь: «Хвашисты, мать их...», — и пошёл к уборной.

— Николай, ну, что тут? — спросил у старшего брата Егор, подходя к лавочке вместе с Мишкой Шабельским.

— Ещё ничего не видать, но громыкает уже сильнее, — ответил тот.

Мимо них в сторону Каменного Брода проехала по дороге группа всадников в казачьей зимней форме. Егор узнал бывшего колхозного бригадира Трофима Дубикова, своего дальнего родственника, — дядьку Илью Астапова, Кондрата Берёзкина. Астапов, увидев племянников, привстал на ходу на стременах, махнул плетью назад, в сторону станицы.

— А ну гэть отсюда, пострелята! Живо шуруйте в Грушевку да полезайте под пол с мамкой и сестрёнками... И вы все тоже, — обратился он к остальным ребятам. — Немцы зараз здесь будут, а вы гуляете.

Разъезд на рысях усакал на запад, в сторону Каменного Брода, где разгоралась не шуточная перестрелка. Егор Громов махнул своим рукой:

— Пацаны, айда скорее на гору, оттуда виднее.

Крикливой растрёпанной компанией двинулись наискось в степь по заснеженному целинному бездорожью. Долго взбирались на холмистую возвышенность, местами проваливаясь глубоко в снег, продираясь сквозь густые высокие бурьяны и колючий кустарник. Вскарабкавшись на самую верхушку пологого мелового гребня, подростки перевели дух, огляделись.

Вид отсюда открывался великолепный: огромный массив заречной, занесённой снегами, плоской степной низины за хуторами Камышеваха и Каменный Брод раскинулся, как на ладони. Вся степь далеко на северо-западе была усеяна мелкими, бегущими по снегу группами людей, похожих издали на муравьёв. Впереди них, дымя выхлопными газами, медленно ползли небольшие, квадратные — с виду, не больше спичечных коробков, немецкие танки. Они то и дело приостанавливались и палили в сторону хуторов. Южнее, вдоль берега реки Несветай и дальше в поле, протянулась изломанная линия красноармейских окопов, — как объяснил Стёпка Маковецкий: там держали оборону курсанты Ростовского артиллерийского училища — будущие офицеры.

— Видно-то как всё, пацаны... как в кино, — радостно протянул Мишка Шабельский, рассматривая развернувшуюся перед их глазами грандиозную панораму.

Неожиданно над его головой что-то зловеще просвистело, с силой вонзилось в землю, подняв фонтанчик снега. Шабельский в страхе отшатнулся и присел.

— Егор, гляди, пуля!

Казачки тут же попадали в снег, вжали головы в плечи. Над ними рассерженными шмелями пролетело ещё несколько шальных пуль.

— Ребята, ну его, с войнушкой энтой, побегли домой, — заныл струхнувший не на шутку Мишка Шабельский.

Забеспокоились и остальные. Тем более, что танковые снаряды стали перелетать через реку Тузлов и рваться на улицах Каменного Брода. Несколько угодило во дворы хутора Камышеваха. На её окраину стала стремительно откатываться редкая цепь курсантов, оставив позицию у реки Несветай.

— А мы зараз, гляди, и не пройдем обратно у Гуршевку, — не весело объявил Николай Громов, указывая рукой в ту сторону. — Немецкие танки прут на Камышеваху. Усё, хлопцы, — хана!

Мишка Шабельский по собачьи заскулил, затравленно вертя головой во все стороны. Запричитал плаксивым голосом:

— Пропали мы, пацаны! Подавят нас фашисты танками, либо из автоматов по-бьют. Надо бечь в Красный Колос.

— Правильно, — поддержал его старший из Громовых. — Кто ещё с нами? Давай, мелкими перебежками!

Николай с Шабельским вскочили на ноги и, низко пригибаясь к земле, чуть ли не чертя снег подбородками, торопливо побежали прочь от опасного места, в безжизненные просторы каменнобродской степи. Яшка Коцупеев, минуту поколебавшись, виновато глянул на оставшихся товарищей и опрометью бросился вслед за убежавшими

— Куда, дурни, немчура вас в степи быстрее постреляет! — попробовал вразумить их вдогонку Егор, но беглецы его не послушали.

К Громову подполз встревоженный Стёпка Маковецкий, ободряюще сказал:

— Правильно, Грома. Нагад у степь переться, приключений на жопу себе шукать! Погнали у хутор, схоронимся там во дворах, переждём энту заваруху.

Мальчишки так и сделали. Где бегом, где по-пластунски, — преодолели оставшееся расстояние до Каменного Брода, постучались в первый попавшийся дом... Открыл, наконец, пожилой бородатый казак цыгановатого вида, с серебряной серьгой в ухе. Поправляя сползающий с плеча, наспех накиннутый овчинный полушубок, сердито спросил:

— Чего надо, лихоманка вас возьми? В такое время дома не сидится...

— Деда, пусти в хату на время, покуда бой в Камышевахе не закончится, — состроив жалобное выражение на лице, попросил Егор Громов. — Мы до родичей у хутор побегли, мамка с утра послала, да задержались. Вышли обратно итить, а тут стрельба, немцы на танках... Мы со страху — сюда, в Каменный Брод... Дяденька, пусти, не то нас немцы на улице постреляют. Они вот-вот здесь будут.

— Ну что ты будешь робить... Заходите, коли такое дело, — посторонился казак, пропуская ребят в хату и захлопывая дверь. — Сами-то грушевские?

— Ага, из станицы, местные, — кивнул головой Егор, проходя вслед за хозяином в коридор. Стёпка Маковецкий, безмолвной тенью, — за ним.

Старик засветил керосиновую лампу, стоявшую на полке, указал ребятам на квадратный неширокий лаз с откинутой крышкой.

— Спускайтесь в погреб. Мы со старухой и внуками со вчерашнего дня там спасаемся. Стреляет немчура, едрит её за ногу...

Ребята, по деревянной лестнице, быстро, как мыши, шмыгнули в подпол. Там тоже коптила неяркая керосинка. Старая, дородная казачка, поминутно крестясь, сидела на деревянной кадучке с соленьями. К ней жались две маленькие плаксивые девчонки и мальчик. Девочка постарше, примерно одного возраста с Егором, сидела на плетённой корзине с луком, рядом с молодой статной женщиной, видимо, матерью. В руках у той и другой были спицы, они что-то вязали.

Обитатели погреба с удивлением смотрели на незваных пришельцев. Девочка отложила вязание. Егор со Стёпкой смущённо поздоровались, стали «как бедные родственники» у стены. В подвал спустился хозяин, старый казак с серьгой в ухе, подтолкнул казачков в глубь помещения.

— Сидайте, что стоите? Будьте, как дома, да не забывайте, что у гостей.

— Незванный гость хуже татарина, деда! — метнула на ребят осуждающий взгляд девочка с вязанием.

— Они у нас есть не просят, Наташка, — помолчи, — сурово глянул на говорливую внучку старик-хозяин. — Лихое время перебудут и домой отчалят, в Грушевку.

— Что вас сюда принесло в такую-то страсть? — сочувственно спросила старая женщина, прижимая к себе испуганных внучат и поглаживая их по непокрытым головам.

— В Камышеваху к родичам пришли, — тут немцы! — попугаем, заученно повторил Егор Громов.

— Сами чьи? — сворачивая козью ножку, поинтересовался хозяин.

— Я Громов, а он Маковецкий, — за двоих ответил Егор. Вспомнив, добавил:

— Тут, в хуторе, раньше родня наша жила, не слышали? Барбомяновы по фамилии.

— Это Леонтия Афанасьевича семейство, что ли? Как не слышать, очень даже слышали, — прикуривая закрутку и с наслаждением затягиваясь, сказал старик. — Слава Богу, Леонтия Афанасьевича Барбомянова у нас в Каменнобродском все знали, да. Потому как — уважаемый человек! Токмо, помер он давно, царство ему небесное. А сына его, Ивана Леонтъевича, в коллективизацию наши охламоны хуторские из безземельной бедноты — раскулачили, а самого посадили. Время, помню, такое же, как зараз, було — зимнее... Так их, Барбомяновых-то, по морозу в чём в хате застали, в том и выпроводили на двор — ничего взять не позволили, да... — дед глубоко затянулся, весь окутался сизым, вонючим дымом от сгоревшего самосада, который выращивал на собственном базу. Глухо, как в трубу, забухикал. Прокашлявшись, тяжело закончил:

— А хату ихнюю под правление колхозу определили... Добрый пятистенник, ракушечником снаружи обложенный, под черепичной крышей, как у купцов. Один такой на весь хутор... Он и зараз у церкви стоит, да. Справно жили Барбомяновы, ничего не скажешь. У Грушевке таких куркулей не найдёшь... Почитай весь Каменный Брод у них в должниках ходил, — потому и раскулачили...

— Не гневи Бога, Каллистрат, Зоя Прохоровна чем тебе не угодила? — укоризненно кольнула старика осуждающим взглядом хозяйка. — Вечно ласковая, тихая, богомольная... Придётся к ней с просьбой, никогда не откажет... Так нет — без ничего по миру пустили с детишками! И энто — власть?

— Бабуля, чу! Никак опять — тарабанит кто-то? — со страхом глянула вверх внучка Наташа.

Все сейчас же замолчали, прислушиваясь. Наверху в дверь действительно кто-то с силой ухал чем-то тяжёлым. Старуха-хозяйка часто-часто закрестилась, спустив глаза и шепча тихим голосом молитву. Дед Каллистрат округлёнными от страха глазами посмотрел на супругу:

— Никак они, Ангелина, анчихристы...

В дверь заколотили сильнее. Старая казачка перекрестила старика-хозяина, рассудительно посоветовала:

— Что поделаешь... Иди, Каллистрат, открывай, пока дверь с петель не снесли. Храни тебя Господь Бог!

Старик-хозяин, с трудом переставляя непослушные, сделавшиеся как будто деревянными ноги, полез наверх. Через минуту в коридоре что-то загремело, послышался топот сапог и лающая немецкая речь. Сапоги, звеня подковками, по-хозяйски протопали по всем комнатам, снова вернулись в коридор. По лестнице, тяжело скрипя перекладинами, кто-то начал спускаться вниз...

Притихшее, онемевшее от ужаса семейство старика Каллистрата и Егор со Стёпкой во все глаза следили за первым, пришедшим на их землю с оружием в руках, фашистом. Никто из них ещё не видел вражеских солдат, несмотря на то, что война шла уже пятый месяц. И вот один из них, поскрипывая амуницией, спускался в погреб. Это был высокий, плечистый человек в широком, грязном, кое-где разорванном маскировочном халате. На шее у него, на ремне болтался необычный короткий автомат без приклада с двумя ручками, который он придерживал правой рукой. На кожаном пояском ремне у него висел брезентовый подсумок с запасными рожками, две гранаты с длинными деревянными ручками, кинжал в ножнах, кобура с пистолетом. Сзади — короткая сапёрная лопатка, фляга, небольшой, металлический контейнер для противогаса; за спиной — вместительный квадратный ранец из красной свиной кожи с притороченной к нему плащ-палаткой и котелком.

Острый, неприятный запах солдатской кожаной амуниции, сапог, чужого табака,

мыла и одеколona сразу же заглушил подвальный сырой дух плесени, солений и слежавшихся, подгнивших овощей. Солдат, с опаской выставив перед собой автомат, обвёл всех настороженным, изучающим взглядом; не обнаружив никакой опасности, немного успокоился, потянул носом воздух. Его явно что-то заинтересовало. «Проялая» громко на своём языке несколько фраз, которые, конечно же, никто не понял, немец повернулся к старику, спустившемуся следом, ткнул его стволом автомата в грудь, что-то спросил, указывая в тёмный угол подвала, где стояли кадушки с соленьями.

— *Was ist das?*¹ — повторил свой вопрос немец.

Дед Каллистрат, догадавшись, что ему нужно, приглашающим жестом открыл крышку одной из бочек:

— Капуста тут у нас, господин фашист. С мочёными яблочками... В вилках и так, покрошенная. Угощайся, лихоманка тебя бери! Проголодался поди, леший?

— *Ja, ja!*² — весело закивал головой в тяжёлом металлическом шлеме, окрашенном белой краской, немец и запустил в кадушку немьютую пятерню. Подцепив целый стог солёной капусты, он жадно затолкал её в пасть, с наслаждением захрустел. Сок ручейками потёк по его небритому, щетинистому подбородку. Солдат цокал от удовольствия языком, причмокивал, слизывал с пальцев стекающий на пол сок.

— Яблочко отведай, вражина! — потчевал немца хитрый «гостеприимный» хозяин, пользуясь тем, что тот не понимает по-русски ни слова. — Хороши у меня на лето в саду яблоки, — белый налив прозываются. Ты таких у себя в проклятой Германии не полопаешь, знаю... У вас, у немчуры, и сортов таких нет... И семечинки-то, небось, нету...

Дед Каллистрат достал из кадушки большое мочёное яблоко, поплевал на него, потёр о рукав тулупа, протянул немцу:

— Угощайся, гость непрощеный... Чтоб оно у тебя поперёк горла встало, па-скуда!

— *Ja, ja...* Карашо, рус. *Sehr gut,*³ — закивал головой довольный солдат, взял яблоко, хищно вонзил в него крупные, по-волчьи острые зубы. Блаженно прикрыл глаза, выражая этим высшую степень восторга.

Егор со Стёпкой и подсевшая к ним девчонка Наташка еле сдерживались, чтобы не прыснуть, слушая речи острого на язык старика.

Сверху, оставшиеся в коридоре немцы, что-то прокричали товарищу. Тот громко «пролаял» в ответ, догрыз яблоко, бросил огрызок на пол и ткнул стволом автомата в деда Каллистрата, Егора и Стёпку. Указал наверх. Бабка Ангелина испугалась, подумала недоброе... С воем ухватила за руку старика:

— Не пуцу, Каллистратушка! Куды он тебя, окаянный?

— *Zurück!*⁴ — злобно заорал немец, замахнулся на бабушку Ангелину автоматом.

Дети в погребу заревели в голос, перепуганной птичьей стайкой прижались к матери. Наташка храбро заслонила бабушку своей грудью. Немец прошипел что-то по-своему, видимо, выругался. Подтолкнул слегка старика к лестнице:

— *Schneller, schneller!*⁵ рус! Ты — работать! *Arbeiten!*

Когда Егор со Стёпкой и дедом Каллистратом поднялись наверх, увидели там ещё несколько вражеских солдат в таких же замызганных маскировочных халатах, со «шмайсерами» в руках. Немцы вывели их на улицу, погнали по заснеженному кривому переулку за хутор. Туда же солдаты сгоняли и других жителей. Они стучали в двери каждого дома, тыкали рукой в грудь хозяина, махали в сторону берега замёрзшей реки Тузловки, за хутор. Если в хате были ребята постарше, выгоняли на

¹Что это? (нем.)

²Да, да! (нем.)

³Очень хорошо. (нем.)

⁴Назад! (нем.)

⁵Быстрее. (нем.)

мороз и их. Вскоре всё разъяснилось: немцы привели испуганную толпу хуторян на место недавнего боя, усеянное мёртвыми вражескими солдатами. Кое-где чадили вонючими чёрными кострищами подбитые немецкие танки и бронетранспортёры. В окопах, у берега реки Несветай, и дальше — по заснеженному полю до самой Тузловки, а также на окраине хутора, трупы фашистских солдат лежали вперемежку с окоченевшими телами курсантов РАУ.

Немцы знаками дали понять, что всех мёртвых нужно собрать, перенести в хутор, а завтра с утра похоронить. Офицер поманил за собой несколько стариков и пошёл с ними на гору, подыскивать место для немецкого кладбища. Красноармейцев велел сбрасывать в обвалившиеся окопы. Вскоре фашисты разбрелись по хутору, греться в хатах и пить шнапс. В поле остались только местные жители.

— Ну что, хуторяне, за работу, — проговорил, поплевав в ладони, дед Каллистрат.

— А куда мертвяков складывать? — спросил кто-то. — Дюже их много. И свои, и чужие... Где такое помещение найдёшь, чтоб всех уместить?

— Надо пораскинуть мозгами, — сказал Каллистрат, присаживаясь на замёрзший, ледяной труп немецкого унтера с маленькой, пулевой дыркой во лбу. Принялся по своему обыкновению сворачивать козью ножку.

Егор со Стёпкой Маковецким вдвоём устроились на другом покойнике, у которого осколками гранаты была разворочена вся грудь. Глубокая рваная рана была уже слегка припорошена снежком, и мальчишки смотрели на неё без особого страха, постепенно привыкая к необычному, не виданному раньше зрелищу.

— А что тут долго мараковать, православные, — подал голос сгорбленный худощавый старик с длинными волосами, с редкой козлиной бородкой клинышком, в меховой зимней скуфейке на голове — дьячок хуторского Петропавловского храма. — Занесём убиенных воинов прямо в церковь: помещение там большое, места на всех хватит. Да и примкнуть, на всякий случай, на ночь можно... А перед тем, как хоронить — батюшка зараз всех и отпоёт по обряду.

Остальные хуторяне с ним согласились. Принялись собирать по полю трупы и сносить в одно место на берегу реки Несветай, у Кирбитовой балки. Тела убитых солдат заоченели на ветру и лютом морозе, отяжелели. Одного покойника приходилось тащить вчетвером, а то и вшестером. Потом подъезжали пригнанные из колхозной конюшни сани, мёртвых грузили в них и отвозили к церкви, где другие их выгружали и заносили в притвор. Чтобы сэкономить больше места и не класть трупы штабелями один на другой, их прислоняли к стене — стоя. Следующих ставили рядом, чуть наклонив назад, чтобы не падали. При этом не разбирались: свой — чужой? — Было не досуг. К ночи нужно было собрать всех. Так что, в церковь свозили и ставили рядом друг с другом и немцев, и русских, — ещё недавно бывших непримиримыми врагами. И вполне могло случиться, что убийца стоял чуть ли не в обнимку со своей жертвой.

— Ничего, все — одинаково грешные души и все дети Божьи, — мелко крестил церковный дьячок и мёртвых немецких гренадёров из 60-й механизированной дивизии вермахта, бравшей хутор Каменный Брод, и геройски погибших защитников Каменного Брода — курсантов Ростовского артиллерийского училища.

Егор Громов со Стёпкой Маковецким упарились, подтаскивая трупы к накатанной санями колее у крутого склона Кирбитовой балки. Тело убитого брали вчетвером: двое за руки, двое за ноги. Волокли по снегу, как мешок, — особенно, если был немец. Предварительно шарили по карманам. И, хоть трупы немцев успела уже обшмонать похоронная команда, а курсантов РАУ — трофейная, попадалось кое-что и друзьям. Они нашли несколько — зажигалок, немецкие марки, шоколад в плитках. Одну тут же разделили с парнями из хутора, работавшими с ними на пару, и с жадностью съели. Две плитки припрятали, чтобы угостить в станице домашних. К концу суматошного дня Егору по-настоящему улыбнулась удача: в сапоге одного мёртвого, прошитого строчкой пулемётной очереди, немецкого гренадёра он нашёл новенький парабеллум.

С опаской оглянувшись по сторонам, завернул его в немецкую, камуфлированную плащ-палатку, быстро сбежал в камыши на берегу реки Несветай, закопал свёрток в глубокий снег. Разбив ногой лёд у самого берега, воткнул в лунку пучок чакана и камыша с коричневыми толстыми султанами — приметил место.

Только глубокой ночью, после двенадцати управились с делом. Приехав с последней партией в хутор, Егор со Стёпкой выгрузили тела погибших и впервые зашли в церковь. В тусклом полумраке им открылась жуткая картина: всё свободное пространство храма было заставлено мёртвыми телами. Они стояли, вплотную прижатые друг к другу: голова к голове, как прихожане во время церковной службы. Кровенели начинающие оттаивать страшные раны на телах, зияли пустые, чёрные — с выбитыми глазами, отверстия на мертвенно-бледных, восковых масках лиц. Казалось, тянулись кверху скрюченные, застывшие в предсмертной агонии, как ветки деревьев в замёрзшем зимнем лесу, руки. В помещении, не смотря на сильный мороз, уже отчётливо ощущалась специфическая трупная вонь, к которой примешивались неприятные запахи прелых человеческих ног, нестиранного мужского белья и приторный, протухший дух скотобойни.

Обезумевший хуторской дьячок в расстёгнутом старом тулупе, проталкиваясь между телами у входа, совал в руку каждому убиенному тонкую свечку, пытался зажечь. Свечи выскальзывали из мёртвых, окоченевших пальцев солдат, валялись на пол. Вслед за ними падали и покойники. Дьячок страшно, как одержимый, хохотал в мёртвом храме, хлопал в ладоши, приплясывал...

Егор со Стёпкой в ужасе пулей вылетели из церкви. В помещение вошли двое хуторян во главе с дедом Каллистратом, осторожно, под руки, вывели дьячка на улицу.

В небе, зловещим, бледно-голубым ликом покойника, тускло блестела полная луна. Страшно, — предвещая скорую беду, — даже не брехали, а выли во дворах на луну хуторские собаки... Пьяные, хлебнувшие шнапса и русской самогонки, фрицы играли в хатах на губных гармошках и горланили браваурные германские марши. И многим в этот час стало ясно, что, наконец-то, пришла на Дон долгожданная *новая* власть. Большевики-коммунисты разбиты и в панике отступают, но жизнь продолжается... И нужно жить и приспособливаться к новой жизни.

2012 – 2013 гг.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Роза Агоева

член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Верны привычке детства... (Переводы)

Агам Ахматукаев
(С чеченского)

Сгорев под солнцем, день спешит к закату,
А гор вершины – цвета яблок красных...
Домой, со схода, люди, как награду,
Несут сердец тепло от встреч прекрасных!

А мы пойдём, верны привычке детства,
В дом одного из нас – продолжить вечер.
Пужинаем вместе: двери сердца
Раскрыты настежь для друзей навечно.

...А завтра, став причиной общей боли,
Одна дорога к сходу оборвётся.
О том, что нет кого-то с нами боле,
Мир известит восходом грустным солнце...

Абдуллах Бегиев
(С балкарского)

Как я могу кричать везде о том,
Что край родной люблю и отчий дом!?
Мы любим воздух... хлеб... К чему слова?
И так все знают: *хлеб – всему глава.*

«Другого боль способен я понять!» –
Красиво ли о том в стихах писать?
Бедой соседской личная беда
Не затмевалась разве никогда?..

К чему сомненья? – Призываю вас:
С собой в ладу живите – *здесь, сейчас!*..

Откладываю ручку и тетрадь –
С любовью нежною гляжу на мать...

Я признался в любви рассвету,
Он в ответ подарил тепло, –
Песню, ставшую доброй приметой,
От которой в душе светло.

«Я люблю!» – крикнул речке бурной,
«Я люблю!» – от реки мне вслед...
И деревья цветением буйным
Умиляют меня в ответ.

«Я люблю!» – прокричал скале я,
Вторит эхо мне: «Я люблю!»
Ветерку я шепчу скорее:
«Я люблю», – и ответ ловлю.

Но никак не дождусь ответа
На признание в любви тебе.
На ответ наложено вето,
Или так угодно судьбе?..

«Я люблю тебя», – каждый вечер –
Шёпот дерева, звон скалы...
Слух ласкает признанием ветер,
Шум реки – о любви... Скажи:

«Я люблю тебя!» – Видишь, светит
Нам с тобой на радость рассвет?
На любовь мою, ну, ответь же!..
Но ответа всё нет и нет...

Испеки ты мне чурек на углях,
Во вчерашний день верни меня! –
Ах, бабуля, милая бабуля,
Как тебя *добром* не вспоминать?..

Расскажи, отец, про нартов¹ сказку,
Где героем главным – *Красный Фук*.²
И представлю я, как ночью скачет
Конь ретивый – под луной, на луг...

¹нарт (балкарск.) – богатырь

²Красный Фук – герой балкарских народных сказок

Поругай-ка, мать, меня, как в детстве, –
Тут же следом, ласково скажи:
«Нет тебя дороже в моём сердце,
Ты – моя отрада, моя жизнь!»

...Только, ты, отец, прошу, сегодня
Слов обидных мне не говори. –
Если будет так тебе угодно,
Я готов с рассвета до зари

Помнить об ошибках, где бы не был;
Виноватым буду – не прощай!
Широка душа моя, как небо. –
Потому не дам себе пропасть,
Что я – сын твой, продолжатель рода,
От тебя идущая тропа...
Всё ж молю я:
«В светлый мир свободы –
В детство – возврати меня, судьба!»

Анатолий Бицуев

(С кабардинского)

Маме

Как ты рано постарела, мама;
Сам я – как же поздно повзрослел!..
Всё назад вернуть мечтой упрямой
Не дано мне, как бы ни хотел.

Я присяду, думая о жизни...
Вид твой растревожит сердце мне:
То ль усталость от судьбы капризной,
То ли я повинен в седине.

Нет на свете сына, что успел бы
Матери свой долг вернуть сполна!
Если б невнимательным я не был,
Вряд ли б ты сейчас была больна...

Эти мысли выжигают душу.
Жаль, что раньше их не осознал...
Твой покой стараясь не нарушить,
Посижу с тобою допоздна. –

Мчусь теперь к тебе я ежедневно,
С радостью заботой окружить!
Жизнь свою отдал бы, без сомненья,
Если б мог на день твою продлить.

Ильман Юсупов

(С чеченского)

Песнь моя, ты тревожишь меня каждый миг – ежедневно,
Всё пытаешь судьбу – отнимаешь привычный покой...
Моё сердце не дверь, не умеет оно совершенно
Сменой чувств управлять, – у него биоритм другой!

И артерии, вены мои, ты пойми, не стальные, –
Что же вешать бездумно на них, как бельё, боль утрат;
Пропускать через душу кровавые годы шальные,
На сердечный огонь сыпать пепел тоски, словно яд?!..

Мои буквы, как плуг, пашут лист белоснежной бумаги,
Приравняли к пластикам золотым они ворохи слов.
Но допеть до конца тебя вряд ли мне хватит отваги...
И к тому же, признаться, последний куплет не готов.

Если ты скакуном отпускаешь скакать моё сердце,
То не надо скакать, умоляю, на нём без седла!
Взял у Вечности в долг я тебя. – Как верну, если солнце
Перестанет светить и раскроет объятия мгла?!

Людмила Загаштокова

(С кабардинского)

В раздумьях покинула край свой родной...

В раздумьях покинула край свой родной,
Печально к нему повернулась спиной
И в поисках счастья отправилась в путь...
А горы шептали: «О нас – не забудь...»

Душевная радость таилась в глазах
(Кому я хотела, и – что, доказать?..)
Казалось, что в поезде – в стуче колёс,
Я слышала слово – «предмет» вечных грёз!..

Искала по свету мечту много лет, –
Бывало, порой нападала на след;

Хватала, случалось, за хвост её днём,
Но ночь уносила в подоле своём...

Устала душа, потеряла покой,
Решила, что лучше... вернуться домой.
К железной дороге – на поезд – и в путь.
Пыталась забыть про мечту и уснуть.

Но поезд тихонько о том напевал,
Что ждёт меня дома надёжный причал,
О том, что исполнилась жизни мечта...
Так, вот оно счастье: *родные места!!!*

Светлана Моттаева

(С балкарского)

– Эй, гора, чья вершина седая – до неба!
Почему от земли отдаляешься ты?..
Между тем – у тебя объяснения нет ли? –
И деревья склоняются к ней, и цветы.
Течь хотят по земле, лишь по ней, даже реки,
Что берут от тебя, изначально, исток...
Почему с высотой так жаждешь ты встречи? –
Если можешь, мне дай хоть какой-то намёк!

– Полагала я, это поймёте вы сами:
У людей есть высокое чувство – мечта.
Потому с голубыми дружу небесами,
Потому и пленяет меня высота. –
Иль не ваша мечта, чтобы песни взлетали?..
Разве крылья орлы расправляют не там?..
И не вы ли достигли космических далей;
Звёзды снятся с луною не вам по ночам?..
Потому и стремлюсь к высоте постоянно,
Хоть стою на Земле – головой в облаках,
Что хочу, чтоб для вас, для людей, неустанно
Чувств высоких звезда освещала века!

Проза.... Проза... Проза...

Константин Полупанов
член Союза писателей России
п.Шолоховский Ростовской области

Не бывает...

Повесть

Я вышел из машины, припарковавшись у одного из самых дорогих и шикарных ресторанов на левом берегу Дона. Оглядевшись, задал себе вопрос: «Что я здесь делаю?» Даже моя новенькая «бэха» как-то жалко и убого смотрелась на фоне окружающих её «меренов», «роллсов», «бентли» и других, наверное, самых дорогих в мире автомобилей. Номера говорили о многом: три одинаковые буквы, три одинаковые цифры и присутствие «бондовских» номеров типа 001 в сочетании с одинаковыми буквами могли означать только одно: хозяева машин не просто богатые люди, но и властные, очень властные... Процентом сорок московских и питерских тачек, несколько номеров из краснодарских и волгоградских регионов, остальные — наши.

Возле некоторых из машин стоят по пять-шесть ребят, явно охрана — бывшие «наши», то есть «волки», судя по услышанным мною фразам, обсуждают ум и глупость своих нынешних начальников. На меня посмотрели косо: ещё бы — я, скорее всего, единственный из всех съехавшихся фраеров, кто за рулём приехал сам!

Вся территория вокруг ресторана, как и сам ресторан, хорошо освещена. Архитектура классная: удивительно хорошо подобранное сочетание средневековья с современностью. Стриженный газон, красивый фонтан с подсветкой перед входом — маленький Голливуд!

Мимо прошли два мужика в хороших, но дешёвых, как у меня, костюмах — наверное, охрана: у одного из мужиков из-под левой руки торчал ствол.

Может, я сплю? Нет, не сплю! Сегодня — день рождения отца моей любимой Сашеньки. А мой будущий тесть не последний человек в Ростове. А так как Ростов — «папа», то, соответственно, не последний человек он и в России, что только подтверждают столичные тачки. Денег у него не меряно, то есть много, много, много... очень много; я таких цифр и не знаю. Бизнес раскручен по всему миру — акции, облигации; у него есть всё! Когда-то он крутился и вертелся как ужаленный, а в 90-х подфартило: хапнул хорошие куски от народного имущества, и сейчас под ним добрая часть российского производства. Деньги будто плывут к нему сами. И сегодня, в этот прекрасный вечер, когда ему исполнилось шестьдесят, Сашенька решила познакомить своего папашу с лучшим зятем на юге России, в мире, во Вселенной — то бишь со мной.

И вот я во всей своей красе направляюсь к входу в ресторан; шагаю козырной походкой, я её ещё в училище отработал (а как по-другому? — Пять лет в сапогах), — грудь вперёд, плечи назад, подбородок приподнят; главное — контролировать руки, а то бывают переборы с отмашкой (по гражданке отмашка глумит). Новые туфельки, купленные на «Темере» — центральном Ростовском рынке — за две «штуки» наших родных рублей, смотрятся нормально, но дешевизна налицо. Костюмчик у меня тоже не импортный — ему уже лет тринадцать, я в нём ещё на выпускном в школе был.

Хорошо, что мода вернулась, а то пришлось бы покупать новый, и обошлось бы это тысяч в десять, а для меня это — в тягость. Сочетание белого костюма и чёрных туфель, ремня и галстука дополняют часики, подаренные любимой. Часики, кстати, стоят как всё остальное, что на мне есть, вместе взятое.

Понимаю, что не вписываюсь в окружающую обстановку, но всеми силами настраиваю себя на волну под названием «пофиг». Остановился у дверей. Достал пачку «Sobranía», специально купленную для сегодняшнего вечера, вытащил из неё сигарету, порыскал по карманам: опять забыл зажигалку в машине... Метрах в двух от меня стоит охранник, судя по всему — тоже военный: здоровый, лицо скуластое и не обезображено интеллектом. Но, скорее всего, не офицер, а бывший контрактник — спецназовец, вэдэвэшник или морпех.

— Хлопец, огоньку не будет? — обращаясь к нему, глядя прямо в глаза.

— Да, есть, — отведя взгляд, охранник достал зажигалку. — Возьми...те.

— Спасибо!

Я прикурил (нормальные сигареты, но дорогие), вернул зажигалку и, протянув руку, представился:

— Слава!

— Женья! — охранник пожал мою руку.

— Где служил? — спросил я, зная, что он ещё больше удивится.

— Морская пехота, Севастополь... — действительно слегка удивившись, ответил Женья.

— Классно там! Хотел одно время распределиться в Севастополь, но в последний момент планы изменились... — я глубоко затанулся, — у меня родственники там...

Парень явно не первый день в охране: разговаривая, он внимательно следил за моими действиями.

— В охрану за бабками пошёл? — спросил я.

— Наверное... Шесть лет назад, весной две тысячи десятого, мою роту в Чечню на учения отправили. Поучились... Моджахеды на дороге от части до полигона фугас положили, а мы пешею колонной, маршем по тому маршруту. Даже не понял ни хрена! — Женья говорил плавно, без лишних эмоций, явно стараясь контролировать себя. — Взвод сразу лёг — двадцать шесть из тридцати одного... У меня — контузия и четыре осколочных. А дальше... как у всех: Моздок, Новочеркасск, Москва...

— А мы чехам за свою капусту города восстанавливаем, — кивнул я. — Простите, мол, что напали!

— Ага! — усмехнулся Женья. — В Москве в госпиталь дяденька пришёл, отбирал к себе в агентство. Из бывших, в Чечне ещё в девяносто восьмом воевал, полковник. В девяносто девятом занялся безопасностью некоторых фирм, структуру поставил жёсткую. Сейчас под ним семьдесят процентов столичной охраны. Отбирает всех лично! Все поголовно военные, к порядку приученные. Обезбашенных у нас нет!

— Что с бабками? — спросил я.

— Не обижает, денег хватает с ушами, — Женья посмотрел в сторону стоянки.

— А в Ростове что делаешь?

— У него и здесь контора. Я сюда и перевёлся, ближе к дому. А ты, смотри, из приглашённых?

— Ну, а то! Пожрать приехал на халяву! — Улыбнувшись, я затанулся и кинул бычок в урну.

— А серьёзно? Ты, я понимаю, тоже служил? А теперь среди олигархов?

— Долгая история! — Я достал телефон и набрал номер любимой.

— Вкратце! — настаивал Женья.

— Вкратце? Влюбился в девчонку, а сюда приехал с тестем знакомиться: ему сегодня шестьдесят!

В трубке зазвучали гудки; услышав любимый голос, я отвернулся к фонтану.
— Сладенькая, я приехал! Встретишь? Хорошо!
Я убрал сотовый в карман, повернулся к Жене.
— Ну, ты хорош! — покачал головой Женя. — Нашёл подружку! Шаришь!
— Любовь, Женя, любовь бывает! Ещё выйду — покурим, — улыбнулся я и открыл дверь ресторана.

Навстречу шла моя женщина! Моя! Какая же она у меня красавица! В белом вечернем платье, с ангельским лицом, голубыми глазами и идеальной фигурой. Она просто идеальна — вся, от пяток до макушки! А самое главное — в сочетании с красотой — умна, нежна и ласкова. Что ещё для жизни надо? Её невозможно не любить. Если кто-то скажет, что такая женщина не в его вкусе, он соврёт.

— Малыш, я соскучилась! — Встав на цыпочки, Саша поцеловала меня. Обожаю, когда она так меня называет, с учётом моих двух метров роста и центнера веса.

— Я тоже! Саша, я тебе уже говорил, что ты самая красивая? Так вот, ты самая красивая! — Я наклонился и поцеловал её. Какие у неё губки! Во время поцелуя я забываю обо всём на свете. — Отца подготовила?

— Нет! Для него это будет сюрприз, а вот мама — в курсе!

Саша взяла меня за руку, и мы пошли по коридору в сторону банкетного зала, где уже вовсю звучала музыка и слышались тосты.

— Солнце, чует моя попа, не рад он будет! — Не останавливаясь, я посмотрел на неё и улыбнулся.

— Да брось, Слав! Он хороший, и, в любом случае, он любит меня и ничего против не скажет! А ты что, боишься?

— Ясен-красен! Не бояться только дураки! Всё-таки первый раз с будущим тестем увижусь, надо суметь произвести впечатление.

— Слав, не забивай себе голову — просто будь собой. Я в тебя влюбилась? Значит, и им ты понравишься!

Коридор закончился. Моему взору открылся зал размером в четыре волейбольные площадки, и потолки в зале высокие — метров восемь. Да, в волейбольник бы здесь поиграть! Всё блестит, сияет, сверкает. Столы стоят буквой «П», основанием к коридору. Все места заняты, мало кто из гостей обратил на нас внимание.

Начинаем спускаться по круговой лестнице. В левом нижнем углу расположился оркестр человек из десяти, играют какую-то лирику. В центре — два свободных стула. «К гадалке не ходи, наши!» — подумал я. Справа от стульев сидела женщина лет сорока — сорока пяти, в дорогом платье. Похожа на любимую, и для своих лет очень даже ничего: значит, мама! Тогда, справа от неё должен сидеть папа...

Сашин папа смотрел на меня звериным взглядом, мне вдруг показалось, что дай ему сейчас автомат — и он, не моргнув, всадит в меня весь рожок. Не опуская глаз, я продолжал приближаться, держа за руку его дочь. Спустились, прошли ещё несколько метров, и мой будущий тесть моргнул, отвёл глаза в сторону, а на его лице появилась ухмылка. На данный момент наш молчаливый поединок он проиграл. Этому фокусу с глазами — как проще подчинённым показать, что ты главный, — меня в войсках научили: ведь люди — те же животные, и глаза в схватке — не последнее...

Я начал оглядывать гостей: все при полном параде. Большинству мужиков за сорок, женщины заметно моложе. Ребята плотные, лица круглые, но вроде бы добрые. Девочки в большинстве своём хорошенькие. Есть за столом и дети. Все довольны, общаются и смеются. В общей сложности человек сто. Продвигаясь вдоль левой половины стола, успеваю разглядеть ассортимент закусок: чёрная икра, мясо, рыба, разные салаты... Еды — море!

Смотрю на Сашу: у неё глаза горят, идёт рядом со мной — гордая и счастливая. И я счастлив: страх прошёл, я уверен в себе. Подходим к родителям...

— Мама, папа!

Они посмотрели на нас. Отец встал и помог подняться жене, отодвинув её стул.

— Мама, папа! — обнимает меня моя любимая. — Это Слава! Слава, это мои родители: мама — Нина Ивановна! — та приобнимает меня и чмокает в щёчку. Прикольно! Тепло и уютно, как будто я её давно знаю. — Папа — Вадим Юрьевич!

Папа протягивает мне руку.

— Очень приятно! — отвечаю я на рукопожатие. — Поздравляю вас с юбилеем!

Вадим Юрьевич крепко сжал мою руку, потянул на себя, обнял, похлопал ладонью по спине. Такое ощущение, что я и его давно знаю.

— Я так понимаю, Слава, ты — мой потенциальный зять? — спросил он, распыляя лёгкий запах перегара.

— Так т... Да, вы правы! Именно... — запинаясь, ответил я.

Что я несу, какое «так точно»? Отставить!

— Ну что ж мы стоим? Давайте сядем! — вмешалась Нина Ивановна; молодец, она мне уже нравится!

Родители сели. Я помог сесть Саше — джентльмен всё-таки! — потом присел сам. Саша посмотрела на меня и быстро чмокнула в губы. Я, подмигнув, улыбнулся. Всё пока лучше, чем можно было представить. Вадим Юрьевич протянул мне бокал.

— Пьёшь? — Водка не доходила до края бокала на полсантиметра.

— Пью! — кивнул я. — Штраф?

— А то! — ухмыльнулся Вадим Юрьевич. — Нечего опаздывать! Дамы, — обращаясь к жене и дочери, сказал он торжественно, — поднимите бокалы! За знакомство!

Бокалы хрустально зазвенели. Я поцеловал Сашу в щёчку и опрокинул бокал. Не сморщившись, закусил малосольным огурчиком. Присмотрелся, а закуска-то стандартная, только оформлена хитро.

В какой-то момент мне показалось, что мы вчетвером сидим отдельно от всех и что это вообще не день рождения, а так... Все сидели, пили, ели. Сашенька моя знает, что я люблю покушать, поэтому постоянно подкладывает мне в тарелку всяких вкусностей. Тосты, которые я слышал ещё из коридора, почему-то закончились. Никто не танцевал.

Боковым зрением заметил встающего человека: теперь всё внимание присутствующих переключилось на него. Вставший мужчина — лет сорока, лысенький, очень упитанный, с большим круглым лицом — довольно быстро добрался от своего места к центру площадки между столов и начал речь.

— Господа! Господа! — громко произнёс он, и гости сразу утихли. — Дамы и господа! Одну минутку! Вадим! — он посмотрел на именинника, — Вадим, братишка! В этот прекрасный день я, как и хотел, поздравляю тебя крайним! Дорогой Вадим, сегодня много речей толкнули, много подарков подарили, но я, в натуре, присоединяюсь ко всем пожеланиям. Хочу, чтобы ты, Вадим, жил долго-долго! Чтобы ты был здоровым! — язык говорящего заметно заплетался. — Знай, Вадим, вся братва с тобой и за тебя! Чем сможем, всегда поможем! Прими, Вадим, от меня и от моих пацанов подарочек!

В центр зала вынесли деревянный ящик из красного дерева. На первый взгляд в нём должно было лежать как минимум ружьё.

— Вадим, мы знаем твою страсть к холодному оружию! Прими в подарок этот нож!

И он широким жестом открыл ящик.

— Да уж! Если эту секиру называют ножом, тогда я — суслик! — прошептал я на ушко Александре.

В ящике лежал меч исламского типа, весь усеянный драгоценными камнями. Да, впечатляет!

— Ты — мой суслик, — шепнула Саша, и я заработал ещё один поцелуй.

— Спасибо, Коленка! Спасибо! — обрадовавшись подарку, отвечал тесть. — Коля, я всегда рад видеть тебя у себя в гостях! Приезжай почаще! Не засиживайся в Москве!

— Не вопрос, Вадим! Господа! Может, потанцуем? Спросил поздравлявший и повернулся к музыкантам. — Оркестр!

Музыканты тут же начали играть что-то из последних попсовых хитов, девушка в красном платье запела. Гости начали понемногу вылезать из-за стола и сходитьсь на площадку.

Тесть сел и разлил ещё по одной, опять налив мне больше.

— За вас, Вадим Юрьевич! Присоединяюсь ко всем поздравлениям! — подняв бокал, произнёс я.

Саша с мамой тоже подняли бокалы, мы вчетвером чокнулись и выпили. Вадим Юрьевич взял жену за руку.

— Нин, поменяйся со Славиком местами! Мы с ним о мужском поговорим...

— Пап?! — попыталась возразить Саша, но я уже встал, и Нина Ивановна пересела на моё место.

— Вадим Юрьевич, вы не против, если я выйду на две минутки? — взял я предварительный тайм-аут.

— Давай! Только недолго! У меня к тебе море вопросов! — прозвучал полупьяный ответ уже изрядно захмелевшего «тестя».

Я направился к выходу, поднялся по ступенькам, прошёл по коридору, открыл дверь, и — вот он, глоток свежего воздуха! Женька, стоявший спиной к выходу, обернулся.

— Не прошло и полгода! Перекур?

— Ага! — Я достал сигареты, он уже чиркал зажигалкой.

— Как родственники?

— Пока хорошо! Сейчас допрос начнётся.

— Как внутри?

— Проведённая рекогносцировка показала: первое: я единственный смертный из приглашённых; второе: я самый трезвый; третье: всё не так плохо, как я предполагал! — проанализировав обстановку, выпалил я и жадно затянулся.

— Нервы? — усмехнулся Женька.

— Уже нет: остограммился!

— А где ты её нашёл?

— Веришь, нет? Не искал! Я, когда в первый раз её увидел, вообще говорить не мог. Она сама подошла. В университете это было, я вторую «вышку» получаю. И она там учится. Заочно. Вот так!

— Повезло! — произнёс Женька с завистью.

— Я в ней души не чаю! Красавица, умница, заботлива и, что интересно, избалованна.

— Редкость при таких финансах, — вздохнул Женька.

— И не говори. — Я докурил и бросил окурочок в урну. — Ну, я пошёл!

— Ни пуха, ни пера! — пожелал Женька.

— К чёрту!

Благополучно добравшись до нового места, я сел рядом с будущим тестем. На столы уже поставили чистые тарелки с прилегающим набором столовых приборов. Ненавижу: привык в «шараге» есть ложкой! К чему все эти ножи и вилки?

— Ну что, готов отвечать? — Сашин отец смотрел на меня, не улыбаясь; это плохо.

— А как же! Всегда готов! — весело ответил я.

— Поехали! — Он поднял рюмку, то же сделал и я. — За нас!.. Откуда ты? В смысле — родом?

— Из области. Вырос в посёлке городского типа; ну, проще говоря, в деревне, — кратко и чётко ответил я.

— Родители?

— Мама — учитель, папа — водитель-дальнобойщик, брат — в органах. Родители сейчас уже на пенсии.

— Образование?

— Среднее военное. Высшее гражданское. Сейчас получаю вторую «вышку».

— У меня началось складываться впечатление, что я в гестапо.

Он налил, мы выпили ещё.

— Офицер?

— Да, майор запаса.

За спиной разговаривали женщины; мать Саши была восхищена мной.

— Боевой или паркетный? — продолжал допрос мой будущий тесть.

— Боевой!

Он быстро спрашивает, я быстро отвечаю; всё очень быстро.

— Где воевал?

— В две тысячи восьмом выпустился из Новочеркасского училища связи, сразу в миротворцы на границу Грузии и Абхазии. В десятом там заваруха началась. Мы сначала под перекрёстный огонь попали, потом нам дали команду на Грузию развернуться. Короче, два года я ещё по горам скакал. Итог — два ранения, орден Мужества, медаль «За отвагу» и «спасибо» от Министерства обороны.

Вадим Юрьевич налил ещё; выпили.

— А дальше?

— Дальше? Дальше я решил, что хватит: ушёл на гражданку, на боевые открыл в Ростове магазин сотовых телефонов. Удачно. Сейчас уже третий открывать буду.

— Почему телефоны?

— Связь — моя специальность.

— Планы какие?

— Дальше раскручиваться.

— А на Сашу? — уточнил он.

— А Сашу я, Вадим Юрьевич, люблю! У вас прекрасная дочь. Я не знаю, как более полно мои чувства выразить словами...

Повисла пауза; мы смотрели друг на друга, думая каждый по-своему, но об одном. Я продолжил:

— Саша... Саша — самая лучшая... Я хочу... Очень хочу сделать вашу дочь самой счастливой!

Опять пауза. Я волнуюсь, впрочем, как всегда, когда говорю о ней. Мы чокнулись и выпили. Мышцы лица напряжены, весь азарт разговора ушёл, настроение упало. Состояние полной глума... Да, Александра для меня — очень серьёзная тема: слишком много она для меня значит, чтобы разговаривать о ней весело, тем более — с её отцом.

— Мальчики! — обратилась к нам Нина Ивановна. — У вас всё хорошо?

— Нин! — опередив меня, сказал тесть. — Нормально всё! Хороший парень Славка, не мешай!

— Вадим, не загружай юношу! — пристрожила Нина Ивановна мужа.

— Да хорошо всё, хорошо! Я ж говорю: разговариваем! — Голос его был уже пьяньским, буквы в словах сливались. Понятно, должен быть предел: мы ведь семи-сограммовую бутылку опустошили на двоих, а с учётом того, что он уже и без меня хлебал... Мне-то по барабану, а ему шестьдесят...

— Не обращай внимания, — Вадим Юрьевич махнул в сторону жены рукой, — она у меня молодец. Контролирует меня везде! — Он немного наклонился ко мне. — Вот сейчас, Слава, именно сейчас, я понимаю, как я её люблю...

Мы помолчали; видимо, жена для него, как Саша для меня, очень серьёзная тема. В этих чувствах мы схожи.

— За двадцать лет ты первый, кого Саша познакомила со мной, хотя и до этого у неё были кавалеры. И это много значит! Это значит, что ты для неё — не пустое место... Это значит, что она тебя любит. Но это также значит, что ты можешь причинить ей боль, — интонация его голоса повысилась, но тут же пошла на убыль. — Она — моя единственная дочь... Она всё, что у меня есть... Ты должен понять, куда ты лезешь и чем рискуешь... Ты должен понять, что твоя жизнь будет целиком и полностью зависеть от счастья моей дочери...

— Я...

— Не перебивай! Подумай. Хорошо подумай, ибо потом обратного пути не будет. Думай!

Я отвёл взгляд в сторону, посмотрел на танцующих. Самому мне мой ответ был известен заранее; я пытался сформулировать фразу, но понял, что не в состоянии...

— Я себя без неё уже не представляю! — наконец выдавил я из себя. — Не будет её — не будет меня. Вы даже не представляете, что я испытываю, когда мы вместе: когда она рядом, я чувствую себя самым счастливым человеком! Вы даже не представляете, что я испытываю, когда её нет рядом. Нечего здесь думать...

— Ты неплохой парень. На первый взгляд. Даже хороший: боевой офицер, начинающий бизнесмен... Я на вашем пути не встану, но с этого момента учти, что я буду контролировать каждый твой шаг, и за каждый неверный шаг ты будешь отвечать не только перед ней, но и передо мной.

— Контроль — это лишнее. Но если вы так хотите... Мне скрывать нечего. Контролируйте... — вздохнул я с облегчением, почувствовав наступление завершающего этапа нашей беседы.

— Сынок, ты только не обижайся! — Вадим Юрьевич положил свою правую руку мне на плечо. — Я всё понимаю...

Значит, отношения пошли на лад; «сынок» — это уже радует...

Мы выпили ещё.

— Нин! — приобняв меня, позвал он жену. — Мы с зятьком закончили!

— С зятьком?! — казалось, Сашину удивлению не было предела.

— Да, а что? — ответил её отец.

— С зятьком?! — Саша посмотрела на меня.

— Да! Поговорили с тестем о жизни! — улыбнувшись, я посмотрел на Вадима Юрьевича.

— С тестем? Мальчики, вы что, сговорились? — удивилась моя будущая тёща.

Я вдруг почувствовал, как спиртное добралось до крови, а кровь, соответственно, до головы. Пора уже. За руль точно нельзя...

— Слав, пойдём, потанцуем? — неожиданно предложила Саша.

— Пойдём!

Я не умею ей отказывать.

Мы встали и направились к оркестру. Саша подбежала к одному из музыкантов и что-то сказала ему, затем вернулась ко мне, взяла за руку и повела на площадку, где всюю гудела собравшаяся там толпа. Александра светилась от счастья: она повернулась ко мне и крепко обняла. Я наклонил голову и прислонился лицом к её волосам, почувствовав мягкий, приятный запах её духов. По телу пробежали мурашки. Саша посмотрела на меня, и я утонул в её глазах, до краёв наполненных счастьем. Я счастлив!

— Слава, я тебя люблю! — прервала молчание Саша.

— Я тебя тоже очень, очень люблю и хочу, чтобы ты всегда была со мной!

Музыканты взяли первые аккорды заказанной Сашей песни. Я приобнял невесту, она вложила свою руку в мою и прижалась к груди. Я перестал слышать музыку, видеть окружающих: ничто другое, кроме Саши, не имело для меня никакого значения. Я счастлив... Я поистине счастлив... Я, тот, кому никогда не везло с женщинами, тот, который не верил в любовь, сейчас безумно влюблён и счастлив с женщиной, которая сама меня нашла...

Саша снова посмотрела на меня и, встав на носочки, чмокнула в губы. Музыка закончилась. Держась за руки, мы пошли к родителям.

— Любимый?

— Да!

— Думаю, на сегодня хватит?

— Уверен. Я устал. Вечер выдался тяжёлым. Поедем ко мне?

— Конечно... — она прислонилась к моей руке.

Мы подошли к столику именинника. Её отец целовал руки жене. На грусть пошлое мужика; видно, ещё не добрал.

— Мамуль, мы, наверное, поедем. Устали...

— Да, езжайте: зачем вам задерживаться.

— Дочь, поцелуй папу напоследок! — заулыбался отец Саши, и она чмокнула его в щёку.

— Пока, папочка! Пока, мамочка!

Я поцеловал тещу, пожал руку тестю. Мы развернулись, но тут я вспомнил, что в данный момент вести машину не могу.

— Вадим Юрьевич, там, на входе охранник стоит; можно его забрать? А то я выпил...

— Молодец, соображаешь! Забирай! Какие проблемы?

— Ещё раз до свидания! — поставил я точку на сегодняшнем знакомстве.

Счастливые и довольные, обнявшись, мы поднялись по лестнице в коридор.

— Слав, ты что отцу сказал?

— Ничего особенного. Так, поговорили...

— Я сначала думала, он тебя убьёт...

— Я тоже так подумал, но он отличный мужик, всё правильно понял.

— А ты боялся!

— Ладно, посмотрим теперь на твою реакцию, когда я тебя со своими знакомить буду.

— Мне уже страшно!

— А вот это точно напрасно...

Я открыл дверь, пропустив любимую вперёд.

Знакомого мне охранника на месте не оказалось, но через пару минут Женя вернулся. Познакомив Сашу с Женей, я объяснил ситуацию. Женя по рации связался со своим шефом и, получив добро, пошёл вместе с нами к машине. Переживая за свою не совсем ещё обкатанную BMW, я вкратце пытался рассказать об особенностях вождения, но Женя только рассмеялся: какие могут быть особенности у новой машины с автоматической коробкой? Мы с Сашей сели на заднее сиденье, Женя плюхнулся за руль.

— Ну что, с ветерком? — спросил он, посмотрев в зеркало заднего вида.

— С ветерком! — ответил я. — Но поаккуратней, шумахер!

Машина плавно тронулась с места и выехала на проспект. Саша доверчиво положила голову мне на плечо.

— Жень?

— А?

— «Площадь яиц» знаешь?

— Кто ж не знает? — ответил он, глянув на меня в зеркало и подмигнув.

— Так вот нам туда, первый дом перед ней, если от Театралки! О'кей?

— О. Би, Слава!

— Слава, ты сколько гостей думаешь на свадьбу пригласить? — спросила Саша, не поднимая головы.

— Человек восемьдесят со своей стороны: я уже считал, но это грубо! — немного покраснел я: ведь ещё даже предложение не сделано, хотя в нашем случае это лишь формальность. — А у тебя?

— Тех, кто мне нужен, около тридцати, но там ещё папа с мамой подкорректируют...

— Саша, я завтра утром проверю стройку по документам, кое-что сделаю, а после обеда поедем ко мне. В смысле — к моим родителям.

Мне самому ужасно хотелось домой. Да и получив добро от родителей Саши, захотелось решить все вопросы и со своими, чтобы уже спокойно начинать готовиться к свадьбе.

— Ты серьёзно? — Саша посмотрела на меня внимательно.

— Вполне! Не бойся, они у меня добрые.

— А что тянуть? Не надышусь... Поехали!

— Я тебя люблю! — прошептал я ей на ухо и поцеловал.

К этому времени выехали на Ворошиловский мост. Дорога пустая, ночь. До самого дома молчали; я смотрел на дорогу и думал о том, как всё будет завтра. Когда подъезжали, сказал Жене, куда поворачивать и где остановить машину.

— Мы что, приехали? — спросила Саша: она уже успела задремать.

Вышли. Я забрал ключи, записал Женькин номер сотового, дал ему свою визитку, денег на такси и поблагодарил за помощь. Он долго отнекивался, но я настоял. Нормальный парень, хотя с виду — бык быком.

Саша молчала: видно, устала и хотела спать. В лифте я поцеловал её, она приободрилась и поцеловала меня. Поцелуй затянулся до самой квартиры. Я открыл дверь, мы продолжали страстно целоваться...

Голова Саши лежала у меня на груди, я гладил её пушистые волосы. Завтра куплю кольцо и предложу ей руку и сердце, хотя они и так уже полностью принадлежат ей. Дома предложу, в родных местах...

С этой мыслью я уснул...

— Остановите возле мусорки, пожалуйста! — сказал я водителю автобуса.

Мусорка — это неофициальное название официально не существующей остановки — моей остановки и тех, кто живёт в моём дворе. Назвали её так потому, что там рядом существует официальная свалка. Она раньше жилого массива попадает в поле зрения, когда въезжаешь в мой посёлок городского типа.

Автобус остановился, я вышел и направился во двор. Двор огромный — четыре пятиэтажных дома расположены квадратом. В центре квадрата — детская площадка и два магазина. Иду, стараясь не хромать, хотя нога болит ужасно. Когда-то мне безумно нравилось ходить по этому маршруту, от остановки до подъезда, в форме с курсантскими погонами. Нравилось, наверное, то, что я отличался от всех, кто смотрел на меня с балконов своих квартир. Это в строю ты как все, а здесь я один такой. Да и сейчас мне приятно, несмотря на то, что повзрослел, привык к этому, и буква «К» на погонах сменилась одной большой звездой.

Здесь я родился, вырос и прожил без малого семнадцать лет — вплоть до поступ-

ления в военное училище. Всё здесь — до боли родное. Есть, конечно, небольшие изменения, но в основном всё так же, как и прежде, как было всегда, — даже воздух тот же, и небо то же. Смотрю на людей — и люди те же, только постарели. Постарели, как и я...

Шесть часов, а уже темнеет: зима полным ходом набирает обороты. Прохладно: чувствую по мизинцам, которые даже в перчатках немеют. Ветер обдувает лицо; хорошо, что ветер слабенький — обычно, он тут намного сильнее. И немудрено: за домами — голая степь. Кроме лица и ладоней, всем остальным частям тела жарко — спецназовский комок, куртка и берцы и не на такие погодные условия пригодны.

А вот и мой подъезд. На крыльце стоит дядя Коля; вот не сидится человеку дома, раз в такую погоду на улицу вышел! Дед Коля — мой сосед. Его появление в моей жизни я запомнил навсегда. Я тогда маленький был, годиков пять; бежал по ступенькам с четвёртого этажа на улицу погулять. Добежал до второго, а там поперёк лестничной площадки тело пьяное валяется. Руки — в наколках, водкой несёт на весь подъезд, и храпит. Я в шоке: меня пацаны на улице ждут, а он лёг — ни пройти, ни проехать. Пришлось домой возвращаться. Потом только узнал, что это тело — наш новый сосед с третьего этажа, дядя Коля. Кстати, пьяным я его больше никогда не видел. Сейчас ему уже лет под восемьдесят, но держится он бодро.

— Здравствуйте, дядя Коля! — Я протянул руку, сняв перчатку.

— Привет, Славик! — Мы пожали друг другу руки. — На побывку?

— На побывку, дядя Коля, на побывку...

— Давно тебя не было... Где пропадал?

— Восемь месяцев всего. Всё по командировкам катаюсь. Родители дома, не знаете?

— Мать видел, а вот отец — не знаю. А что, ждут?

— Они всегда ждут, но сейчас не ожидают! Я осенним сюрпризом примчал... Как здоровьице? Подышать вышли?

— Уходит здоровьице, Славик... За почтой спустился да дохнуть заодно, — прокашлявшись, ответил дядя Коля.

— Ладно! Побежал я, сюрприз делать!

— Давай, давай! — закивал он мне вслед.

Я зашёл в подъезд. Побежал вверх, перепрыгивая по две-три ступеньки. Нога болит. Думаю почему-то о дяди-Коллиных татуировках, когда его вижу — постоянно о них думаю. Они точно на зоне битые, смысловые. Интересно всё-таки, какая у него жизнь была до того момента, как я его пьяным обнаружил? Спросить — как-то неудобно...

На втором этаже темп бега резко упал; пока добрался до четвёртого — одышка, усталость. Старею...

Деревянная дверь квартиры потеряла свежесть. На электрическом щитке до сих пор остались наклейки от жвачек, которые я лепил на него, ещё учась в начальной школе. На двери, вырезанный мною из дерева, номер квартиры — двенадцать. Сердце ритмично стучит, но уже не от бега, а от предчувствия долгожданной встречи. Я дома! Душа ликует... Нажимаю на звонок, через две двери слышу до боли знакомую мелодию. Кто-то идёт...

Открыла мама.

— Привет, мамочка! — говорю я, обнимая её.

— Сынок! — мама опомнилась. — А я сию и чувствую, что кто-то придёт сейчас! Ты что же не позвонил?

Она смотрит на меня снизу вверх, и я чувствую, что мама вот-вот заплачет.

— Получилось так! — стандартный ответ на вопрос, на который не хочется отвечать.

Никто из родни не знает, в кого я такой вымахал. Все вокруг маленькие, метр

семьдесят — потолок, а я — под два. Думали, старший высоким будет, он меня на пять лет старше, а я его на голову обогнал.

— Мама, а где папа? — спросил я, разуваясь в тесной прихожей.

— Он в гараж за картошкой пошёл. Ты кушать будешь? — мама ещё раз обняла меня и расцеловала.

— Что за вопрос? Конечно! — улыбнулся я, снимая куртку и вешая её на вешалку.

— Как служба идёт, товарищ капитан?

— Обижаете, Елена Вячеславовна! — отвечаю я, отправляясь осматривать комнаты квартиры на предмет нововведений — Я майора досрочно получил!

Зашёл в зал. Окинул взглядом — ничего нового, только диван, кресло и стол в очередной раз поменяли местами. Выключаю свет, иду дальше. Моя комната: убрали кровать, поставили диван, новые обои, шторы поменяли на жалюзи — да, существенные изменения. На письменном столе стоит клетка, на ней сидит попугай Кеша. Большой попугай, тоже уже старый: его подарили мне на день рождения двадцать лет назад. Подхожу к столу, сворачиваю губы трубочкой, наклоняюсь к нему. Он мягко покусывает меня за губы. Это давно заведённый ритуал. В родительской спальне всё по-старому, в ванной тоже. Из коридора убрали пианино. Возвращаюсь, иду на кухню: оттуда уже пахнет чем-то вкусненьким. Мама суетится возле плиты.

— Мама, тебе помочь?

— Не надо! Отдыхай... Грибы со сметаной будешь? Разогреть?

— Конечно. А папа давно ушёл?

— Уже должен подойти. Так ты уже майор?! В академию — думаешь?

— Нет... Ещё не знаю... Думаю ещё! Старшой давно звонил?

— На прошлой неделе я ему звонила. Всё хорошо. Внук растёт. Не болеет. Его тоже повысили, до старшего судебного пристава.

— Приезжать не собирается?

— Ты что? Три года не приезжал. Чувствую, ещё столько же не приедет... — Мать посмотрела на меня и снова отвернулась к плите.

Много я успел увидеть в её взгляде. Жалость, боль. Совсем старшенький дом забыл. Надо позвонить ему.

Раздался звонок в дверь. Я бросился открывать. На пороге — отец с полным пакетом картошки.

— О-о-о... Привет, сынок! — Он поставил пакет, пожал мне руку и обнял.

— Привет, папа! — Его щетина привычно кольнула мою щёку.

— А мне дядя Коля сказал, что ты приехал, — сказал отец, снимая пальто. — Как дела?

— Отлично всё! А у тебя?

— Помаленьку... Работы, правда, нет почти. Так, шабашки...

Я взял пакет с картошкой и отнёс его на кухню.

— Ты что, майора получил? — спросил отец, посмотрев на куртку.

— А то!

— Молодец! Куртка тёплая?

— Спецназовская. Непромокаемо-непродуваемая.

— Картошечки жареной сделаем? Молоко есть.

— А то! Давай я быстро почищу, раздевайся пока...

Я сел чистить картошку. Отец разделся, приняв стандартную форму одежды для квартиры — «номер раз». Он и меня приучил по дому в трусах ходить. Минут за десять я начистил кастрюлю: училищный навык.

— Хватит?

— Хватит. Иди, купайся, титан уже нагрелся.

Я зашёл в зал, достал аптечку, взял два бинта. Из своей комнаты взял спортивные штаны и пошёл в ванную.

Разделся. Трудно притворяться здоровым, когда двенадцатисантиметровая рана в районе бедра выглядит так плохо и сильно воспалена. Включил воду, залез в кабинку, разматывать бинт на руке не стал: больно будет срывать, пусть сначала отмокнет.

Какое блаженство! Горячая вода, чистое полотенце, не то, что там... Постоял, отмок, почти безболезненно содрал бинт с руки. На ней рана почти затянулась и выглядела лучше. И вспомнилось...

Мы с группой уже двое суток лежали в сыром, мрачном подвале жилого дома. Два дня по уши в грязи, в дерьме, промокли насквозь. От холода зубы стучали так, что казалось, работает заводской станок, который слышит вся округа. Ждали крупного полевого командира, и он появился. Появился с тремя охранниками. Я дал команду приготовиться. Все повеселели: их четверо — нас одиннадцать; сейчас постреляем чуть-чуть — и в лагерь. По радиации дал команду Немцу, нашему снайперу, который два дня лежал один на крыше противоположного дома. Радист вызвал группу эвакуации, которая ждала на блокпосту перед населённым пунктом. Когда бандитам до подъезда оставалось метров десять, немец выстрелил в ногу главарю, заставив его лечь. Остальные чётко отработали «винторезами» по оставшейся стоять охране. В это время четверо бойцов уже бежали на подбор катающегося по земле «командира». Я не спеша пошёл на выход из этого грёбаного подвала, но едва вышел из подъезда, как над головой разбилось стекло. Вскинул ствол вверх, а оттуда летит «эфка».

— Ложись! — заорал кто-то.

Я быстро упал. Рвануло в стороне от группы захвата. Открыл глаза — жив! Из окна начал стрелять «калаш». Через секунду раздался выстрел со стороны Немца. «Калаш» замолк. Я встал; боль в бедре, штанина порвана, течёт кровь. Из подвала выбежали остальные, послал их на зачистку. Смотрю на ваххабита и ребят: вроде все целы. Нам говорили, что там нет оружия. Как пацан, повёлся; надо было проверить. Попытался шагнуть, упал. Достал жгут, перетянул ногу у бедра. Подчинённые спустились с двумя «калашами» и какими-то документами. Оставшийся наверху солдат зашвырнул в однокомнатную квартиру найденные там же четыре гранаты. Взрыв, посыпались осколки. Между двух домов остановился БТР. Меня подхватили под руки — и к нему. Кроме меня, ещё один из наших ранен. На БТРе уже сидел довольный немец: он хорошо отстрелял. Меня, чечена и второго раненого затолкали внутрь, остальные уселись на броню.

...По коже пробежали мурашки. Погрелся под горячей водой, помылся. Вылез, правую ногу вытер бинтом. Сел, сделал перевязку, перевязал и руку. Встал, смотрю в зеркало, в свои звериные зелёные глаза.

— Отвоевался! Ты дома! — сказал я отражению, и оно улыбнулось мне в ответ.

Надел штаны, с голым торсом вышел из ванной. Форму — в комнату, пакет с бинтами — в мусорное ведро.

— Класс? — спросил отец.

— Отлично!

— А что с рукой? — спросил так, что мама обернулась и посмотрела на перебинтованную руку.

— Пуля бандитская! — я улыбнулся. — На полигоне споткнулся, упал да за железку зацепился. Мелочи! — Мама отвернулась: видно, поверила.

Через двадцать минут мы накрыли стол в зале. Отец принёс из холодильника бутылку водки и бутылку вина. Запах от расставленных на столе тарелок с едой шёл такой, что мой желудок всюду заурчал. Папа разлил нам «беленькую», я налил маме вина.

— Сынок! — начала мама — За тебя! Спасибо, что приехал, обрадовал стариков! За будущего генерала!

Мы чокнулись и выпили.

— Скажешь тоже — стариков! Среди нас стариков нет! — бодро сказал я.

Закусил колбасой, наложил целую тарелку картошки. Отец разлил ещё.

— Теперь давайте за вас! Спасибо, что вырастили, воспитали... за всё спасибо! — глаза прослезились.

Выпили...

Я начал наворачивать, как говориться, за обе щеки. Желудок с восторгом принял золотистую картошечку, жареное мясо, грибочки и всё остальное, что было на столе. Удивительно было бы, если бы он капризничал после полугода «болтов» перловых с тушёной.

— Мама, вкусно очень. Давно не ел так хорошо!

— Слав, расскажи, как служба?

— Прёт полным ходом! Думаю, скоро переведут в штаб округа, но это не точно...

— Ленинградского? — уточнил отец.

— Нет, к нам, в СКВО. Поближе буду.

— Это хорошо! — кивнул отец.

— Чего интересного за время моего отсутствия в этом колхозе произошло? — спросил я.

— Сразу и не вспомню... — пожав плечами, ответила мама.

Я встал и стоя выпил третью — за тех... Родители тоже выпили стоя: они уже привыкли к этому скорбному ритуалу...

— Кстати! — встрепенулась мама. — Вчера звонила Сашенька: она завтра приезжает!

— Это отлично... — безразлично произнёс я. — А когда?

— Не сказала. Может, позвонит, когда подъедет?

— Надеюсь! А что в тишине сидим? — Плавнo сменив тему, я встал, достал из шифоньера диск с училищными записями и вставил в DVD-проигрыватель.

— А мы часто их смотрим — и сами, и когда гости приходят! Вот память хорошая... — вздохнула мама.

На экране появилась запись полевого выхода.

— Вот времена были хорошие...

Да, в 2006-м всё казалось так трудно: поля, палатки, учения, стрельбы. Знал бы я в то время, что придётся испытать мне в дальнейшем... Рай и ад — понятия, рядом не стоявшие. Немногое мне пригодилось: по связи — вообще самая мелочь, а вот выносливость, закалка, боевая подготовка, конечно же, помогли. Мелькнуло лицо Серёги-Чижа: весёлый, катушку с кабелем разматывает. Он уже покойничек, царство ему небесное... Даже года в войсках не пробыл: когда он на майские праздники 2009-го начальником караула стоял, какой-то пьяный контрактник весь караул уложил — восемь человек, а ему потом только одиннадцать лет дали. Жалко Серёгу, хороший пацан был...

— Смотрите! Это компашка моя! — показал пальцем в телевизор, где шесть курсантов поглощали «анакон» с купоркой. — Димка-рыжий сейчас в Мурманске. Васька женился, дочка растёт; кажется, в менты подался. Высокий тот — Кот! У него уже двое детей, он в академии, в Питере. Пухлый который — это Миха, в училище остался преподавать. А вот Макс! — я опять указал на экран, где худенький паренёк резал хлеб канцелярским ножом. — Помните Макса, он к нам в гости приезжал?

— Помним. Тот, который напился в доску?

— Ага! Он тогда пить не хотел, это я его накачал! Долго сопротивлялся, не хотел водку с пивом мешать. Но в конце пришлось ему ещё и вина выпить. Женился по выпуску, а где сейчас, и не знаю... Собраться бы...

— Так соберитесь!

— Не знаю... Это организовывать надо: звонить, писать, договариваться: пока ни возможности нет, ни... желания этим заниматься... Я на том полевом энергетика попил, морда замполитовская унюхала. Хотел по полной раскрутить и отчислить; хорошо, «бата» приехал, замял сразу. Судя по вашим лицам, я этого не рассказывал?

— Судя по твоему лицу, мы ещё много чего не знаем, — отец улыбнулся. — Что, новости из прошлого?

— «Батя» — комбат наш, Михаил Григорьевич, самый нормальный офицер из всех, кого я знаю. А весь секрет в том, что человек хороший. Расслабляться не давал, но когда что-то надо решить, решал без лишних вопросов. Сейчас он генерал в штабе СКВО. Через него и думаю в штаб перебраться.

— Хорошо его знаешь? — спросил отец.

— Достаточно. Он надёжный: сказал — сделал, слов на ветер не бросает... Я ему постоянно с куревом палился. Курить в училище запрещали, а я всегда и везде с сигаретой. Где ни подкурю, он появляется: то в туалете, то на «луноходе». Сейчас весело, а тогда проблем много было...

— Ты курить бы бросил, сынок! — постоянное предложение мамы.

— С нашей работой бросишь! Раньше от безделья, модно было, а теперь...

Я замолчал, подумав, что теперь, когда целый день видишь трупы, когда смерть ходит рядом, когда кто-то из своих в любой момент голову может сложить, не бросишь: сигарета и водка — это единственное, что «крышу» на месте оставляет.

— Забыла: Настя беременна! — вдруг всплеснула руками мама.

— Это новость отличная! — я не ожидал столь приятных вестей о двоюродной сестре. — И сколько же разница будет с младшим?

— С младшим разница больше десяти лет...

— Это много! Пять в самый раз, как у нас со старшим.

— Сынок! — отец внимательно посмотрел на меня. — Ты сам-то когда думаешь жениться? Детей заводить?

— Не знаю! — ответил я, и мама тяжело вздохнула. — Я уже и сам бы рад, только с кандидатурами проблемы... Старые знакомые уже замужем все, а молоденькие все пьют, курят...

— Смотри, дождёшься... — вздохнул отец.

— Бросьте! — я небрежно отмахнулся. — Мне ещё тридцати нет, а вы уже... Будет всё, будет!

— Пора уже, сынок, пора! У нас-то уже возраст, — стала настаивать мама. — Посмотри, Сашенька — какая хорошенькая девочка; она в тебе души не чает! Любит она тебя, любит! Чем она тебя обидела?

— Неважно! И давайте не будем о плохом. Хорошо? Приедет — поглядим...

Я закрыл глаза...

В дверь позвонили.

— Я открою! — Резко поднявшись с дивана, я побежал к дверям.

Я знал, что это она, моя Саша. Знал, всем нутром своим чуял. Это не мог быть никто другой — это могла быть только моя Саша. Открыл дверь. Передо мной стояла самая красивая, самая лучшая девушка на всей планете. Девушка, которую я полюбил...

По Сашиным щекам бежали слёзы. Она молча стояла и смотрела на меня, изредка моргая заплаканными глазами... Какие это глаза! Глаза ангела! Лицо ангела! Тело ангела! Душа ангела! Комок подступил к горлу, я не мог произнести ни слова — я просто протянул руки, и Саша повисла на моей шее.

— Слава! Слава! Любимый мой! Славик, солнышко моё! — она иступлённо целовала моё лицо. — Слава, никогда больше так не делай! Никогда, Слава!

— Саша, девочка моя! — Я обнял её так, что даже испугался, что сделал ей больно, но не отпускал — как будто от того, как я её обниму, зависела моя жизнь, её жизнь и жизнь всего живого на земле. — Саша!

— Я же чуть с ума не сошла! Не делай так больше! Я без тебя жить не смогу! — ревела она у меня на плече. — Прости меня, прости!

— Успокойся, успокойся! Всё хорошо. Всё хорошо! Мы вместе! Мы снова вместе! Я тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю! — она посмотрела мне в глаза. — Ты даже не представляешь, как я тебя люблю! Здравствуй, мама! — сказала Саша, посмотрев мне за спину: из зала за происходящим наблюдала мама.

— Здравствуй, Сашенька! Мы только что о тебе говорили...

Саша, вытирая глаза, направилась к маме, обняла её, как родную. Я закрыл дверь и пошёл в зал, где моя любимая уже обнимала моего отца.

— Александра, ты, наверное, голодная с дороги? Садись, покушай! — предложила мама.

— Нет, спасибо, потом! Как же я по вас соскучилась! — Саша вновь обняла меня.

— Слава, ты ещё будешь кушать?

— Нет!

— Ну, идите, голубки, поговорите, а мы с матерью пока со стола уберём, — сказал отец.

Мы с Сашей вошли в мою комнату и плотно закрыли дверь. Саша скинула шубку на край дивана, на другой его край села я. Саша села сверху. Она взяла руками мою голову, щеками я почувствовал нежную кожу её рук.

— Слав, я так боялась! Я так боялась, что с тобой что-нибудь случится! — Она смотрела мне в глаза, а на её глазах снова начали наворачиваться слёзы.

— Всё хорошо! Теперь всё будет хорошо! Прости, что уехал! — Кончиком носа я ткнулся в её щеку. — Я тебя люблю!

— Мама не в курсе, где ты был?

— Нет! Ей незачем знать... Отцу скажу попозже, а матери не надо...

— Я ей звонила каждую неделю. Она спокойная такая... Я и не спрашивала... — Саша прижалась ко мне, и я услышал, как стучит её сердце...

Я открыл глаза...

— Слава, надо будет на бане крышу перебраться, пока снег не пошёл. Поможешь? — спросил отец.

— Не вопрос! Долго возиться?

— Да нет, в четыре руки за день, думаю, управимся...

— Отлично! Завтра и затопим!

— Отстань от него! — повысила голос мама. — Ребёнок только в отпуск приехал, а ты его уже работать...

— Мам! — перебил я.

— Всё, молчу... — мама обиженно поджала губы.

— Папа, пойдём, покурим?!

Мы вышли на балкон, закурили. Я молча смотрел на двор. Из-за угла, сильно покачиваясь, вышли пятеро в стельку пьяных мужиков и начали петь какую-то песню — вернее, не петь, а орать. Их поддержали собаки. Из темноты женщина закричала, что вызовет милицию. Мужики ответили ей дружно, но недружелюбно, рассказав много нового и интересного про женщин вообще и про неё саму в частности. В конце писклявый голос добавил: «Заткнись!!!» Этот голос был знаком мне с детства. Петя Зверев — Зверёк, года на два старше. Выросли вместе, играли, дружили; повзрослев, он не ту дорогу выбрал, а в девяностые вообще на иглу подсел. Ему тогда

лет семнадцать всего и было-то. Пил, как скотина; кололся, приторговывал. Узнал я и остальных из толпы.

— Сгнили все, сынок! Спились, скололись... — отец вздохнул и затанулся. — А ведь ты с ними в футбол, в солдатиков играл. Помнишь?

— Помню... Такое не забудешь! Они же на моих глазах... Зверёк, наверное, уже ходарей десять имеет?

— На зону?! Ни одной!

— Как? На нём лет пять назад условного столько висело, что к стенке ставить можно было! — Я был поражён услышанным.

— Вот так! Сколько людей уже хороших умерло! И молодых, и старых... А эти... Они уже и родителей в могилы загнали, а самим — хоть бы хны! Не работают нигде, только пьют и пьют...

— В такие вот моменты и думаешь, справедлива ли жизнь? — усмехнулся я.

— Справедлива, сынок! — уверенно кивнул отец. — Каждый всё равно получает по заслугам — кто-то раньше, кто-то позже... Они ведь уже и не живут, и даже не существуют... Завтра утром опять будут в *дребодан*, и так — каждый день.

— Слов нет, одни эмоции! — Я перестал смотреть в сторону бывших приятелей и повернулся к отцу. — А что с работой?

— А ничего! — расстроено сказал отец, загнув окурочку и прикуривая следующую сигарету. — Ничего! Мёртвый посёлок... Разъезжаются все на заработки — в Москву, в Ростов. Это раньше все сюда ехали: четыре шахты, куча предприятий. А сейчас? Ничего! Всё позакрывали... Кто не может уехать, пытается здесь крутиться: магазины открывают, «секонд-хенды» всякие; их уже больше, чем людей. Да толку-то... Мы с матерью никуда отсюда не денемся. Пенсию получаем — и хватит. Хорошо, что ЗИЛ не продал: иногда подрабатываю: песок, навоз на дачи, мебель перевезти...

— Понятно... — кивнул я. — Кабаки-то хоть работают?

— Работают. Куда без них? Пойдёшь сегодня?

— Нет, завтра схожу! В школу схожу и по барам прогуляюсь; может, своих кого увижу.

— Где зацепило? — отец кивнул в сторону перевязанной руки.

— Упал... — хотел сказать я, но отец перебил:

— Про «упал» маме Лене рассказывать будешь!

— Потом, батя! Это длинная история. Завтра будем крышу крыть, расскажу. Пойдём, прохладно...

Мы зашли в зал. Мама уже унесла большую часть посуды, и было слышно, как она мыла её на кухне. Мы с отцом помогли ей убрать со стола, потом отец отправился спать, а мы с мамой уселись напротив телевизора. Я пощёлкал телеканалы: везде туфта и бред. Наконец нашёл и оставил музыкальный. Мама предложила погладить мне спину, я с радостью согласился. Эту процедуру обожаю с детства: когда был маленький, мне всегда гладили спинку перед сном. Прошло время, но я по-прежнему получаю от этого немислимое удовольствие.

Именно об этом я мечтал последние семь месяцев. Я дома! Дома!

Дом! Как много в этом простом слове! И куда бы ни закинула меня судьба, и где бы я ни был, эталоном всегда будет родительский дом, именно эта трёхкомнатная квартира пятиэтажного дома в посёлке городского типа Ростовской области, где я родился и вырос. Я безумно счастлив! Счастливей меня сейчас нет никого. Почему? Потому что я прошёл через войну и остался жив. Потому что я был в аду, а сейчас я в раю. Потому что завтра опять приедет Александра. Потому что я лежу на диване, дома, положив голову любимой маме на колени, а она гладит мне спину. И плевать, что будет потом, — сегодня я счастлив. Мне хорошо...

Глаза слипаются. Клонит в сон...

(Окончание следует)

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Владимир Диклов
член Союза писателей России
г. Таганрог Ростовской области

В колыбели лунной

Вечер в сентябре

Покатилось солнышко за горку,
С горки опустился холодок,
Запахом степным полынно-горьким
Сумерки наполнил ветерок.

Вскрикнула тихонько перепёлка
(Помнится из детства – «фить-пирю!»),
А сверчки стрекочут без умолку,
Весело приветствуя зарю.

Но сентябрьский вечер скоротечен,
И закат вот-вот сгорит дотла,
И луна вальяжно и беспечно
По-над горизонтом поплыла.

В синем полумраке полутени,
Все тревоги сгинули в тиши...
И приходит умиротворение –
Лучшее лекарство для души.

Рождественские звёзды

Ночь светла и морозна – до звона,
И к утру станет крепче мороз –
Так и жмётся к ногам Ориона
Присмиривший Большой верный Пёс.
И от стужи торжественно замер
Величавых созвездий парад –
Персонажи из древних сказаний
Над заснеженной Русью парят.

Вот красавицу Кассиопею
Согревает отважный Цефей,
Дождаясь весенней капли,
Глаз не кажет пока Водолей.
Вот, зачем-то хвосты приторочив,
Две Медведицы рядом стоят

И сокровища царственной ночи
Неизменно вдвоём сторожат.
А над Млечным Путём беззаботно
Распростёр свои крылья Пегас,
Лишь, оставшись зимой безработным,
Удалился с небес Волопас...

Словно чарами ночи опутал,
Неожиданно околдовал,
Опустившись пониже как будто,
Этот звёздный большой карнавал.
От сиянья застывших созвездий
Закружилась слегка голова...
Как прекрасна в серебряном свете
Тёмно-синяя ночь Рождества!

Луч закатный угас
За холмом задремавшим,
На прибрежных лугах
Терпкий запах ромашек.

Тишина и покой,
И повис в поднебесье
Над уснувшей рекой
Народившийся месяц.

Перелески, поля...
Ах, родная сторонка,
Где когда-то гулял
С несравненной девчонкой,

Где для нас до утра
Соловьи пели в роще...
Золотая пора,
Сумасбродные ночи.

Макитра

Проводил меня в столице
Одноклассник мой и друг...
Поезд то «ползёт», то мчится, –
Продвигается на юг.

Скоро полустанок милый,
Где прожил я много лет,
Но проскочит поезд мимо –
Прежней остановки нет.

К *малой родине* всё ближе,
И душа вдруг замерла:
Из окна вагона вижу
Балку на краю села.

Здесь пейзаж простой, нехитрый, –
Косогоры вместо гор.
Называется Макитрой
Эта балка с давних пор.

Помню, зимними деньками
Да на лыжах по снежку
Торопился с пацанами
За околицу, к леску.

И в заснеженных ложбинах
Мы стремглав летели вниз.
Тут и слалом, и трамплины, –
Только на ногах держись!

А свалился – не смущайся,
Что вираж пройти не смог,
Снова в гору поднимайся,
Повтори ещё разок.

И морозец – не помеха,
И не страшен склон крутой...
Сколько радости и смеха
Уносили мы домой!

...

Этот край мне мил и дорог,
Хоть я в нём не частый гость –
Здесь по снежным косогорам
Детство вихрем пронеслось...

Подгони, Весна, ко мне свою карету
С тройкою волшебных лошадей! –
Я соскучился по ласковому свету
И по буйной щедрости твоей.

Я соскучился по запаху сирени
И по майским радужным дождям,
По необъяснимому сердцебиению
И по сумасшедшим соловьям.

Провези меня воскресшими садами,
Тёплыми просёлками степей,
Чтоб душа опять наполнилась мечтами
Незабвенной юности моей.

Закружи меня в зелёном хороводе,
В колыбели лунной укачай –
И забуду я о лютой непогоде,
Повергающей меня в печаль.

Подгони, Весна, ко мне свою карету,
Соверши такое волшебство! –
Я с тобою с удовольствием поеду
На твоё святое торжество.

Разлука

Озябшие звёзды дрожали,
И месяц угрюмо светил,
И призрак осенней печали
В саду обречённом бродил.

Шептались берёзка с рябиной
В растрёпанном этом саду
О том, что вчера я с любимой
Расстался у них на виду.

Я с нею навеки простился
Под стон журавлей в вышине –
И ладан разлуки струился
В унылой ночной тишине...

Я б не помнил ни о чём,
Я б грустил не очень,
Да печаль-река течёт
В осень,
в осень,
в осень.
Я бы всё тебе сказал,
Да не знаю, надо ль. –
Вижу: и твои глаза
Тронуты прохладой.
И слова не те, не те –
Чувства неизменны...
Так чего же я хотел –
Лжи обыкновенной?
В светлой роще – ни души,
Только лёгкий ветер

Звонко листья ворошит,
Как мечты о лете.
Над просторами степей
Птичьи стаи кружат...
Что ж поделаешь теперь –
Я тебе не нужен!

Может быть, моя беда
В чём-то поправима,
Только жаль – летят года
Мимо,
мимо,
мимо...

Девочки

*Хороши весной в саду цветочки,
Ещё лучшие девушки весной...
(Из песни)*

По весне расцвели
В старом парке цветочки...
Ох, как быстро прошли
Молодые годочки!

Я ветрочку снял
И сажу на скамеечке.
Ходят мимо меня
Стройноногие девочки.

Грациозно прошли,
Каблучками процокали...
Раньше б слюнки текли,
А теперь – только сопли.

Магия слов

На электронных стареньких часах
Написано: «Любимой от любимого»...
О, сколько в гравированных словах
Сердечного огня неистребимого!

Часы идут так много лет подряд,
Что в этот феномен порой не верится! –
Как новенький, сияет циферблат,
Зеленоватым светом цифры светятся.

Всё дело, видно, в магии тех слов,
Что благотворно действуют по-прежнему,
И наша негасимая любовь,
Конечно, той же магии подвержена.